

Научно-практический журнал

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

№ 4
2025

ISSN 2079-0295

АВТОНОМНАЯ некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 4 (64) 2025
Выходит ежеквартально

© Власть Закона, 2025

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 4 (64) 2025
Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX
Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по научным специальностям 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4
(юридические науки)
(категория К 2)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация
**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niapsp.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru

Адрес издателя и редакции: 350000, г. Краснодар, ул. Гимназическая, 60, к. 49
Подписано в печать 25.12.2025 г. Выход в свет 15.01.2026 г. Формат 70×100 1/16.
Объем 25,70 п. л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2025

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Букалорова Людмила Александровна, д. ю. н., профессор, проректор НОУ ОВО «Российская академия адвокатуры и нотариата», профессор Государственного университета управления.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Зайцев Олег Александрович, д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник Центра уголовного, уголовно-процессуального законодательства и судебной практики ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации», заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, вице-президент Союза криминалистов и криминологов

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Стус Нина Владимировна, д. ю. н., профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Волгоградская академия МВД России»

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, профессор Института гражданского права, руководитель Центра исследований права Восточной Европы и Центральной Азии факультета Права и управления Варшавского университета (г. Варшава, Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ильин Игорь Вячеславович, д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД России»

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Почетный работник сферы образования РФ.

Курманалиева Асель Абылкановна, к. ю. н., директор Центра нормотворчества и верховенства права при Министерстве юстиции Кыргызской Республики

Мазаев Владимир Дмитриевич, д. ю. н., профессор, заместитель заведующего базовой кафедры межатрасевого регулирования факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Мантул Григорий Анатольевич, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, Почетный работник судебной системы.

Матыцин Денис Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и международного частного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

- Меретуков Гайса Мосович**, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой криминалистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования России, Заслуженный деятель науки Кубани, Заслуженный юрист Республики Адыгея.
- Морозов Сергей Юрьевич**, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет», заслуженный юрист Российской Федерации.
- Рузанова Валентина Дмитриевна**, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Савченко Марина Станиславовна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой государственного и международного права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».
- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, первый проректор ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Республики Башкортостан, заслуженный юрист Республики Башкортостан.
- Харитоновна Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», руководитель НОЦ «Центр правовых исследований искусственного интеллекта и цифровой экономики».
- Чеговадзе Людмила Алексеевна**, д. ю. н., профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса ФГКОУ ВО «Московский университет МВД России им. Кикотя»

Editor-in-Chief

Vladimir Pavlovich Kamyshansky, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Director of the ANO "Research Institute of Current Problems of Modern Law", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honoured Scientist of Kuban.

Deputy editor-in-chief

Rudenko Evgenia Yurievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law at the FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin".

Editorial board

Rasskazov Leonid Pavlovich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of FSBEI HE "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Honorary Worker of Higher Professional Education of the RF, Honored Scientist of the RF, Honored Scientist of Kuban.

Belykh Vladimir Sergeevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at the Ural State University of Law, Honoured Scientist of the Russian Federation.

Bukalerova Ludmila Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, Vice-Rector of non-profit educational institution organization of higher education "Russian Academy of Advocacy and Notaries", Professor at the State University of Management.

Gubin Evgeny Parfiryevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law at Moscow State University named after M.Y. Lomonosov. Professor, Head of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University, Honoured Lawyer of the Russian Federation.

Didenko Anatoly Grigorievich, Doctor of Law, Professor, Professor of the Private Law Department at the Caspian Public University (Kazakhstan).

Zaitsev Oleg Alexandrovich, Doctor of Law, Professor, Chief Researcher of the Center for Criminal, Criminal Procedure Legislation and Judicial Practice of the Federal State Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation", Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Vice President of the Union of Criminalists and Criminologists

Kuznetsova Olga Anatolievna, Professor of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process FGBOU IN «Perm State National Research University"

Stus Nina Vladimirovna, Doctor of Law, Professor of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North Caucasus Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian State University of Justice".

Philippov Pyotr Martynovich, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law Disciplines at the FGKOU HE Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

- Malko Alexander Vasilievich**, Doctor of Law, Professor, Director of Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation.
- Murtazakulov Jamshed Saidalieovich**, Doctor of Law, Professor of the Civil Law Department of the Tajik National University (Tajikistan).
- Popondopulo Vladimir Fedorovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Commercial Law Department of the Saint Petersburg State University, Honoured Science Worker of the Russian Federation.
- Turlukovsky Yaroslav Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor at the Institute of Civil Law, Head of the Center for Law Studies in Eastern Europe and Central Asia, Faculty of Law and Government, University of Warsaw (Warsaw, Poland).
- Tsybulenko Zinoviy Ivanovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil and Family Law of Saratov State Law Academy, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Editorial board

- Anisimov Alexei Pavlovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law Volgograd State University.
- Barkov Alexey Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- Dolinskaya Vladimira Vladimirovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University.
- Emelkina Irina Aleksandrovna**, Doctor of Law, Professor of the Law Department of the Private Law Disciplines of the National Research University Higher School of Economics.
- Ilyin Igor Vyacheslavovich**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the FGKOU HE Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia"
- Inshakova Agnesa Olegovna**, Doctor of Law, Professor, Head of Department of the Civil and International Private Law at the Institute of Law, Volgograd State University, Honorary Worker of Education of the Russian Federation.
- Kurmanalieva Asel Abylkanovna**, Candidate of Juridical Sciences, Director of the Center for Rule-Making and Rule of Law under the Ministry of Justice of the Kyrgyz Republic.
- Mazaev Vladimir Dmitrievich**, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Basic Department of Intersectoral Regulation, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics.
- Mantul Grigory Anatolyevich** Professor, Department of Civil Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, PhD in Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, and Honored Worker of the Judicial System.
- Matytsin Denis Yevgenievich**, Doctor of Law, Professor of the Department of Business and International Private Law, Kuban State University
- Meretukov Gaisa Mosovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminalistics, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin, Honorary Worker of Higher professional Education of Russia, Honored Scientist of Kuban, Honored Lawyer of the Republic of Adygea.
- Morozov Sergey Yurievich**, Doctor of Law, Professor, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Civil Law and Procedure of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education

"Ulyanovsk State University", Honorary Professor of Zhengzhou University (PRC), Honored Lawyer of the Ulyanovsk Region.

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law at Samara National Research University named after Academic S. P. Korolev, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Savchenko Marina Stanislavovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of State and International Law, Kuban State Agrarian University named after I. T. Trubilin.

Serova Olga Alexandrovna, Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector for Academic Affairs, Pskov State University, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation.

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Republic of Bashkortostan, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan.

Haritonova Yulia Sergeevna, Doctor of Law, Professor, Professor of the Pre-Business Law Department at the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the REC "Center for Legal Research of Artificial Intelligence and Digital Economy".

Chegovadze Lyudmila Alekseevna, Doctor of Law, Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, FGKOU HE "Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after Kikotya"

Содержание

Колонка главного редактора

<i>Камышанский В.П. Основания признания договора купли-продажи квартиры недействительным на примере москвички пенсионного возраста: из опыта судебного правотворчества</i>	<i>16</i>
--	-----------

Актуальные проблемы современного права

<i>Камышанский В.П. О социальном и юридическом контексте норм гражданского права: вопросы методологии</i>	<i>28</i>
<i>Зайцев В.В., Баранов В.Д. От войны и санкций – к правовому порядку в российско-украинских отношениях.....</i>	<i>38</i>
<i>Ротань В.Г. О методологии и предмете науки гражданского права.....</i>	<i>51</i>
<i>Стус Н.В. Цифровизация и искусственный интеллект в судопроизводстве: сравнительный и историко-правовой анализ</i>	<i>75</i>
<i>Блохин Ю.В., Зайцев В.В. Становление контрсанкционного законодательства России</i>	<i>85</i>
<i>Шепель Т.В., Труфанов С.Н. Гражданско-правовая ответственность опекунов и попечителей лиц с психическими расстройствами.....</i>	<i>100</i>
<i>Богданова Е.Н. Правовой статус эмбриона</i>	<i>119</i>
<i>Быкова Е.Н., Мангушева Т.С., Филипов С.А. Отдельные вопросы деятельности маркетплейсов через призму судебной практики</i>	<i>128</i>
<i>Габай П.Г. Косвенная связь и вероятностный характер развития причинности в судебных делах, связанных с оказанием медицинской помощи (услуги) с неблагоприятным исходом.....</i>	<i>144</i>
<i>Жихорева Р.Е. Основные направления совершенствования производства по делам о поощрениях в системе органов внутренних дел.....</i>	<i>167</i>

Мантул Г.А. Правовые стимулы развития сельского туризма.....	176
Николаев В.А. Конституционные, уставные советы как региональные органы конституционного, уставного контроля: правовой статус и перспективы создания в субъектах Российской Федерации.....	184
Саркисян В.Г., Кротко Д.А. К вопросу о понятии, сущности и значении процессуального соучастия.....	198
Седова Н.А. О пределах разрешенного использования земельных участков	207
Соловьев А.М., Шлюндт Н.Ю. Полипарадигмальный подход к осмыслению правовой природы смарт-контракта.....	217
Шеховцова А.С. Актуальные проблемы регулирования деликтных обязательств в российском гражданском законодательстве.....	229

Наука и практика стран СНГ

Амангельды А.А. Правопреемство в сфере интеллектуальной собственности.....	242
--	-----

Трибуна молодого ученого

Ильин Е.В. Вопросы гражданско-правовой ответственности участников отношений с использованием электронных денежных средств	269
Левартовская А.И. NDA (соглашение о неразглашении) как способ защиты права на информацию в российской федерации.....	280
Миненко И.В. Нормативная основа института патриаршества в Российской Федерации.....	292
Мухина А.А. Разнообразие подходов к пониманию сущности враждебных поглощений в российской доктрине ...	302
Ханмурзаев Р.Б. Криминологические особенности неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей на региональном уровне	312
Шалабаев Б.С. К вопросу о понятии и юридической сущности смарт-контракта	326

<i>Яворский С.А. Усеченная правосубъектность пережившего супруга как системный дефект наследственного регулирования</i>	<i>335</i>
---	------------

СОБЫТИЯ. РЕЦЕНЗИЯ. КРИТИКА.

<i>Ушел из жизни профессор Санкт-Петербургского университета мвд россии Александр Александрович Молчанов.....</i>	<i>354</i>
---	------------

Contents

Column of the chief editor

<i>Kamyshansky V. P Grounds for declaring an apartment purchase and sale agreement invalid on the example of a muscovite woman of retirement age: from the experience of judicial law-making</i>	<i>16</i>
--	-----------

Actual problems of modern law

<i>Kamyshansky V.P. On the social and legal context of civil law rules: methodological issues.....</i>	<i>28</i>
<i>Zaytsev V.V., Baranov V.D. From war and sanctions towards legal order in russia-ukraine relations.....</i>	<i>38</i>
<i>Rotan V.G. on the methodology and subject of the science of civil law</i>	<i>51</i>
<i>Stus N.V. Digitalization and artificial intelligence in judiciary: a comparative and historical-legal analysis</i>	<i>75</i>
<i>Blokhin Y.V., Zaytsev V.V., The development of counter-sanctions legislation in russia</i>	<i>85</i>
<i>Shepel T.V., Trufanov S.N., Civil liability of guardians and trustees of persons with mental disorders.....</i>	<i>100</i>
<i>Bogdanova E.N. Legal status of the embryo.....</i>	<i>119</i>
<i>Bykova E.N., Mangusheva T.S., Fillipov S.A. certain issues of marketplaces' activity through the prism of judicial practice</i>	<i>128</i>
<i>Gabay P.G. Indirect connection and probabilistic nature of the development of causality in court cases related to the provision of medical care (services) with an unfavorable outcome.....</i>	<i>144</i>
<i>Zhikhoreva R.E. The main directions for improving the proceedings on cases of incentives in the system of internal affairs bodies</i>	<i>167</i>
<i>Mantul G.A. Legal incentives for the development of rural tourism</i>	<i>176</i>
<i>Nikolaev V.A. Constitutional, statutory councils as regional bodies of constitutional, statutory control: legal status and</i>	

<i>prospects of establishment in the constituent entities of the Russian Federation</i>	<i>184</i>
<i>Sargsyan V.G., Krotko D.A. On the concept, essence, and significance of procedural complicity</i>	<i>198</i>
<i>Sedova N.A. On the limits of permitted use of land plots</i>	<i>207</i>
<i>Soloviev A.M., Shlyundt N.Yu. a multiparadigmatic approach to understanding the legal nature of a smart contract.....</i>	<i>217</i>
<i>Shekhovtsova A.S. Current issues of regulation of tort obligations in russian civil legislation</i>	<i>229</i>

Science and practice of the CIS countries

<i>Amangeldi A.A. Legal succession in the field of intellectual property.....</i>	<i>242</i>
---	------------

Tribune of a young scientist

<i>Ilyin E.V. Issues of civil liability of participants in relations involving electronic money.....</i>	<i>269</i>
<i>Levartovskaya A.I. NDA (non-disclosure agreement) as a method of protecting the right to information in the Russian Federation.....</i>	<i>280</i>
<i>Minenko I.V. The regulatory framework of the institute of patriarchy in the russian federation</i>	<i>292</i>
<i>Mukhina A.A. A diversity of approaches to understanding the essence of hostile takeovers in russian doctrine.....</i>	<i>302</i>
<i>Khanmurzaev R.B. Criminological features of nonpayment of funds for maintaining children or disabled parents at the regional level.....</i>	<i>312</i>
<i>Shalabaev B.S. On the concept and legal essence of a smart contract</i>	<i>326</i>
<i>Yavorsky S.A. The truncated legal personality of the surviving spouse as a systemic defect in inheritance law.....</i>	<i>335</i>

EVENTS. REVIEW. CRITICISM

<i>Professor Alexander Alexandrovich Molchanov, of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, has passed away</i>	<i>354.</i>
---	-------------

Колонка главного редактора

УДК 347.441.832
ББК 67.4

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского
права Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
директор Научно-исследовательского
института актуальных проблем современного права,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА КУПИ-ПРОДАЖИ
КВАРТИРЫ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ НА ПРИМЕРЕ
МОСКВИЧКИ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА: ИЗ ОПЫТА
СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА**

**GROUND FOR DECLARING AN APARTMENT PURCHASE AND
SALE AGREEMENT INVALID ON THE EXAMPLE OF A
MUSCOVITE WOMAN OF RETIREMENT AGE: FROM THE
EXPERIENCE OF JUDICIAL LAW-MAKING**

Если не ограждена невиновность граждан,
то не ограждена и свобода.

Ш. А. Монтескье. О духе законов

В последнее время рынок вторичного жилья стало лихорадить ввиду участившихся случаев признания сделок купли-продажи недействительными по инициативе продавцов квартир. Покупатели опасаются приобретать вторичное жилье, считая, что, как и в ситуации с покупкой квартиры у известной москвички пенсионного возраста, они могут впоследствии лишиться и недвижимости, и переданных продавцам денег.

Попытаемся рассмотреть вопрос обоснованности подобного рода судебных решений на примере, который в дальнейшем послужил якобы позитивным сигналом для других судов как основание правотворчества и формирования единообразной судебной практики. Свою квартиру в одном из престижных районов Москвы (районе Хамовники) пенсионерка Л. Д. продала в августе 2024 г. 34-летней предпринимательнице П. А. Однако, лично получив наличными всю сумму денег от покупателя, продавец отказалась выполнить взятое на себя обязательство по освобождению квартиры и передаче ей ключей. Свои действия впоследствии продавец объяснила тем, что стала жертвой аферистов, которые ввели ее в заблуждение и обманным путем завладели ее деньгами, в том числе и от реализации принадлежавшей ей ранее квартиры. В итоге вместо ключей и новоселья покупатель получила иск о признании сделки недействительной, который удовлетворен судом. Далее последовала односторонняя реституция, согласно которой покупатель лишилась права собственности на приобретенную квартиру и денег, переданных продавцу в качестве цены договора. Решением Московского городского суда жалоба на решение о признании недействительной сделки купли-продажи квартиры гражданки Л. Д. отклонена, и решение суда вступило в законную силу. По этой схеме в 2025 г. оспорено более трех тысяч сделок с недвижимостью¹.

¹ Седов В. «Просто кинули на деньги». Что говорят адвокаты о деле Долиной и сможет ли Полина Лурье добиться справедливости в Верховном суде // Lenta.ru. 2025. 3 декабря. URL: <https://lenta.ru/articles/2025/12/03/advokat/?ysclid=mj4dbn7b2j278076824> (дата обращения: 10.12.2025).

Обратимся к доводам, которыми руководствовался суд¹, признавая сделки недействительными. Как следует из мотивировочной части решения Хамовнического районного суда г. Москвы от 28 марта 2025 г. по гражданскому делу № 2-387/2025 (далее – Решение суда), между сторонами сделки 25 мая 2024 г. заключен предварительный договор купли-продажи, а 20 июня 2024 г. – основной договор купли-продажи между продавцом и покупателем. Предварительно, накануне сделки, покупатель, проявив должную степень заботливости и осмотрительности, которая от нее требовалась при заключении договора купли-продажи, согласно п. 1 ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), через риелтора поинтересовалась, какова причина продажи. А. Д. ответила, что отчуждаемая ею квартира «не подходит по размерам». Покупатель в соответствии с условиями договора добросовестно исполнила взятое на себя обязательство в полном объеме путем передачи продавцу наличных денежных средств через банковскую ячейку. Затем, 24 июня 2024 г., на основании п. 2 ст. 14 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»² осуществлена государственная регистрация права собственности в отношении квартиры на покупателя.

Но продавец не исполнила взятые обязательства по освобождению квартиры и передаче от нее ключей покупателю, проявив недобросовестность по отношению к последнему. Согласно п. 3.1.4 договора купли-продажи продавец взяла на себя обязательство не позднее 21 календарного дня, считая с даты государственной регистрации перехода права собственности к покупателю, снять всех зарегистрированных по месту жительства лиц. В силу п. 4.1 договора купли-продажи в этот же срок продавец взяла на себя обязательство прекратить пользоваться квартирой и передать ее покупателю свободной от прав третьих лиц.

¹ См.: Решение Хамовнического районного суда г. Москвы от 28 марта 2025 г. по гражданскому делу № 2-387/2025 // Официальный портал судов общей юрисдикции г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/search?caseNumber=2-387%2F202&category=&courtAlias=hamovnicheskij&formType=shortForm&instance=&letterNumber=&participant=&processType=2&uid=&_cb=1765827507.4099 (дата обращения: 10.12.2025).

² О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. 1). Ст. 4344.

По мнению продавца, предварительный договор и договор купли-продажи квартиры являются недействительными сделками на основании ст. 178 ГК РФ, «ввиду их заключения под влиянием заблуждения». В ходе рассмотрения дела А. Д. решила усилить свои позиции путем уточнения основания иска, ссылаясь на то, что, согласно заключениям от 4 сентября и 13 ноября 2024 г., она в период совершения оспариваемой сделки по отчуждению квартиры «не сохраняла возможность руководить своими действиями». В связи с этим истец в лице продавца полагала, что «договоры также подлежат признанию недействительными на основании ст. 177 ГК РФ, как сделки, совершенные лицом в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий и руководить ими».

В свою очередь, покупатель П. А. обратилась со встречным иском в суд с требованием о прекращении права пользования продавцом А. Д., снятии с регистрационного учета по месту жительства и выселении из принадлежащей ей на праве собственности квартиры. Оба иска объединены на основании определения суда от 10 октября 2024 г. в одно производство. Представители продавца указали в суде, что сделка купли-продажи заключена им под влиянием заблуждения, А. Д. «не понимала в момент заключения договора значения своих действий и не могла руководить ими». Как следует из Решения суда, через два дня после перехода права собственности от продавца к покупателю, 26 июня 2024 г., А. Д. выплатила комиссию риелторам за совершенные ими сделки в сумме 4 млн 480 тыс. руб. Куплю-продажу квартиры А. Д. осуществляла не лично, а с привлечением индивидуального предпринимателя А. П., который с учетом заключенного между ними договора за вознаграждение обязался от имени, по поручению и за счет клиента совершить юридические и фактические действия по поиску покупателя и продаже квартиры.

Данное обстоятельство дополнительно свидетельствует о том, что продавец одобрила совершенные им сделки, а сделки в интересах продавца совершали, судя по сумме вознаграждения, профессионалы высокого уровня. Кроме того, А. Д. – преподаватель государственного университета, который ежегодно обязан предоставлять в отдел кадров вуза справки о том, что не состоит на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансерах. Все это говорит о том, что у покупателя не было

оснований сомневаться относительно вменяемости продавца на момент заключения сделки купли-продажи.

Дополнительным свидетельством того, что продавец осознавала характер совершаемых им действий и руководила ими, служит рукописная расписка продавца о получении задатка, подтверждающая ее волю продать квартиру. Кроме того, в соответствии с договором продавец получила доступ к индивидуальному банковскому сейфу, в котором хранилась оставшаяся сумма наличных денег. После государственной регистрации перехода права собственности по договору к покупателю Л. Д., имея на руках выписку из Единого государственного реестра недвижимости (ЕГРН), в которой в качестве собственника указан покупатель (П. А.), изъела все наличные деньги из банковской ячейки. Это означает, что продавец Л. Д. не могла не осознавать, что право собственности на квартиру ей уже не принадлежит, а изымаемые из банковской ячейки наличные деньги – ее собственность. Из вырученных от сделки купли-продажи денег в этот же день продавец произвела расчет с риелтором, то есть стала распоряжаться собственными денежными средствами, на что имела полное право как их собственник.

Таким образом, покупатель, исполнившая взятые на себя обязательства по договору купли-продажи своевременно и в полном объеме, выступает добросовестной стороной обязательства. Этого нельзя сказать о продавце, которая продолжает удерживать во владении и пользовании проданную им квартиру. На неоднократные требования покупателя о передаче ей (П. А.) приобретенной квартиры и снятии с регистрационного учета проживающих в ней граждан Л. Д. сначала отвечала, что отсутствует в Москве, ссылаясь на гастрольный график, а затем перестала выходить на связь с покупателем, что также свидетельствует о недобросовестности продавца. В сложившейся ситуации у покупателя возникло законное основание истребовать принадлежащую ему на праве собственности квартиру из чужого незаконного владения путем предъявления виндикационного иска.

Вместо передачи квартиры покупателю 3 августа 2024 г. Л. Д. обратилась в отдел МВД России по району Хамовники г. Москвы с заявлением о совершении в отношении нее преступления, в результате которого ей нанесен ущерб в особо крупном размере, существенно превышающем стоимость квартиры. В этот же день

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА КУПИ-ПРОДАЖИ КВАРТИРЫ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ НА ПРИМЕРЕ МОСКВИЧКИ ПЕНСИОННОГО
ВОЗРАСТА: ИЗ ОПЫТА СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

возбуждено уголовное дело в отношении неустановленных лиц по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 Уголовного кодекса (УК) РФ, устанавливающей ответственность за мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение.

Но это уже другая история. Очевиден тот факт, что мошенники завладели не квартирой, а деньгами, принадлежащими Л. Д. Денежная сумма, которой завладели мошенники, значительно превышает сумму договора купли-продажи, что свидетельствует о наличии нескольких эпизодов преступления. Дополним, что Л. Д. без принуждения, по собственной воле, вступила в контакт с мошенниками через мессенджер «Телеграм». Общение Л. Д. с мошенниками и его последствия не имеют отношения к правоотношению купли-продажи квартиры, сторонами которой выступили продавец Л. Д. и покупатель П. А.

Как следует из Решения суда, в ходе предварительного расследования Л. Д. «неоднократно уточняла» (полагаю, меняла. – В. К.) свои показания, что обычно дает основание при оценке подобного рода доказательств усомниться в их истинности и добросовестности, в данном случае потерпевшей. По результатам проведения комплексной амбулаторной первичной судебной психолого-психиатрической экспертизы (4 сентября 2024 г.) установлено, что Л. Д. «каким-либо психическим расстройством в период, предшествующий совершению в отношении нее противоправных действий, не страдала». Это означает, что Л. Д. осознавала характер собственных действий при совершении сделки купли-продажи квартиры и руководила ими.

Вместе с тем комиссия экспертов-психиатров в своем заключении пришла к выводу о том, что состояние «... выраженного эмоционального напряжения в период совершения в отношении нее противоправных действий лишало Л. Д. способности к полноценному осмыслению направленности и смысловому содержанию действий неустановленных лиц, прогнозированию возможных последствий своих действий в юридически значимых обстоятельствах, ввиду чего, Л. Д. не могла понимать характер и значение совершаемых в отношении нее противоправных действий». Стоит сделать акцент и на том, что продажа квартиры конкретному лицу, совершенная в строгом соответствии с действующим законодательством, не имеет ничего

общего с противоправными действиями, совершенными в отношении продавца неустановленными лицами после продажи данного объекта недвижимости.

Эксперты-психиатры в своем заключении обратили внимание на психологическое влияние неустановленных лиц на мотивы поведения А. Д. Поэтому можно утверждать, что мотивы совершения гражданско-правовой сделки не имеют юридического значения. Согласно п. 3 ст. 178 ГК РФ «заблуждение относительно мотивов сделки не является достаточно существенным для признания сделки недействительной». Не признают существенным заблуждение в мотивах, то есть в побудительных причинах совершения сделки¹.

Мотив, то есть внутренняя побудительная причина совершения того или иного действия, и предварительные соображения, которые ведут к заключению юридических сделок, по общему правилу в гражданском праве сами по себе не имеют значения². Продает ли кто-то квартиру, чтобы улучшить затем свои жилищные условия, или по причине того, что она ему не нужна, – юридически безразлично. Мотив определяет намерение человека, побуждает совершить сделку. Следовательно, мотив находится вне понятия сделки. Это означает, что ошибка в мотиве на действительность сделок повлиять не может.

Как следует из Решения суда, покупатель не имела возможности распознать, что ее контрагент заблуждается и выражает при заключении сделки купли-продажи квартиры не ту волю, которую она бы выразила без заблуждения. В частности, О. В. Гутников пишет: «Если в такой ситуации встать на защиту заблуждающейся стороны, то ущемленными окажутся интересы добросовестного контрагента, вступающего в сделку, совершенно не подозревая о том, что другая сторона ошибается и выражает не ту волю, которая должна бы быть выражена при нормальном стечении обстоятельств. Признание сделки недействительной в данном случае будет явно несправедливым»³.

Как справедливо утверждает Н. А. Дювернуа, важность ошибки должна быть установлена общим разумным основанием,

¹ Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве. Теория и практика оспаривания. 3-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2008. С. 202.

² См., напр.: Загоровский А. Принуждение, ошибка и обман и их влияние на юридическую сделку // Юридический вестник. 1890. № 1. С. 12–13.

³ Гутников О. В. Указ. соч. С. 199.

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ ДОГОВОРА КУПИ-ПРОДАЖИ КВАРТИРЫ
НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ НА ПРИМЕРЕ МОСКВИЧКИ ПЕНСИОННОГО
ВОЗРАСТА: ИЗ ОПЫТА СУДЕБНОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

когда за основу принимают так называемый объективный критерий¹. Перечень объективных критериев, при которых заблуждение признают существенным, закреплен в п. 2 ст. 178 ГК РФ. Заблуждение предполагается существенным, если:

1) сторона допустила очевидные оговорку, опisku, опечатку и т. п.;

2) сторона заблуждается в отношении предмета сделки, в частности таких его качеств, которые в обороте рассматривают как существенные;

3) сторона заблуждается в отношении природы сделки;

4) сторона заблуждается в отношении лица, с которым она вступает в сделку, или лица, связанного со сделкой;

5) сторона заблуждается в отношении обстоятельства, которое она упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого она с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку.

Ни одно из закрепленных в ГК РФ оснований не подходит к оценке правоотношения, возникшего между продавцом Л. Д. и покупателем П. А. Это означает, что указанную сделку нельзя признать недействительной ввиду п. 1 ст. 178 ГК РФ.

Суд пришел к противоположному выводу и вынес решение в пользу продавца, которая так и не исполнила взятые на себя обязательства по сделке купли-продажи квартиры, не освободила ее и не передала во владение и пользование покупателю. Более того, в отношении покупателя, которая полностью, добросовестно и в срок выполнила взятые на себя обязательства, суд даже не посчитал возможным применить п. 6 ст. 178 ГК РФ правила ст. 167 ГК РФ о последствиях недействительности сделки. Пункт 2 ст. 167 ГК РФ гласит о том, что «при недействительности сделки каждая из сторон обязана возвратить другой все полученное по сделке». Следовательно, продавец обязана была вернуть покупателю предусмотренную договором купли-продажи сумму также наличными деньгами.

Кроме того, согласно ч. 2 п. 6 ст. 178 ГК РФ, «сторона, по иску которой сделка признана недействительной, обязана возместить другой стороне причиненный ей вследствие этого реальный ущерб». Приведенное положение означает, что продавец Л. Д. обязана не только вернуть полученные от покупателя деньги за

¹ Дювернуа Н. А. Чтения по гражданскому праву. Т. 1. 4-е изд. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1902–1905. С. 734.

проданную квартиру, но и возместить дополнительно причиненный ей этим реальный ущерб. Исключение из данного правила составляют случаи, «когда другая сторона знала или должна была знать о наличии заблуждения, в т.ч. если заблуждение возникло вследствие зависящих от нее обстоятельств». Но это исключение не имеет отношения к анализируемой нами сделке, поскольку, как следует из Решения суда, продавец введен в заблуждение не покупателем, а неустановленными лицами.

Более того, завершая мотивировочную часть Решения, суд указал на то, что П. А. «не лишена права обратиться с иском» о взыскании убытков, которые возникли у покупателя в результате признания договора купли-продажи недействительной сделкой. Этот иск суд предложил покупателю адресовать неизвестным ей неустановленным лицам, выступающим фигурантами по уголовному делу о мошенничестве в отношении Л. Д. Очевидным становится то, что действия мошенников не имеют отношения к покупателю. Уголовное дело возбуждено по факту мошенничества в отношении Л. Д., а не покупателя. Трудно переоценить степень циничности подобного рода напоминания со стороны суда об имеющемся якобы праве П. А. на защиту своих интересов (при лишении гражданки права собственности на квартиру) в государстве, которое в соответствии со ст. 1 Конституции РФ провозглашено как правовое.

Следует дополнить, что у суда предусмотрено законом право в качестве исключения не применять последствия недействительности сделки, если их применение будет противоречить основам правопорядка или нравственности (п. 4 ст. 167 ГК РФ). Отказывая покупателю в реституции, суд должен был обладать для этого доказательствами, свидетельствующими о том, что совершенная сделка купли-продажи квартиры противоречит основам правопорядка и нравственности. Но эти вопросы остались вне поля зрения суда. Фактически суд не применил предусмотренные законом последствия недействительности сделки в отношении покупателя. Покупатель осталась без денег, а продавец продолжил проживать в отчужденной им квартире.

В итоге суд решил, что требования истца о признании предварительного договора купли-продажи недвижимости от 24 мая 2024 г. и договора купли-продажи квартиры от 20 июня 2024 г. подлежат удовлетворению на основании ч. 1 ст. 178 ГК РФ. Вместо двусторонней реституции применена односторонняя реституция в пользу истца в виде прекращения права

собственности на квартиру у покупателя «и возврата квартиры в собственность истца».

Разрешая вопрос о возможности применения двусторонней реституции в виде взыскания с Л. Д. в пользу П. А. денежных средств, составлявших стоимость квартиры, суд решил, что в данном случае основания для этого отсутствуют. Далее, в тексте Решения, приведено обоснование позиции суда, которое не выдерживает никакой критики. Как следует из мотивировочной части Решения, «в ходе рассмотрения дела судом установлено, что Л. Д. не имела реального намерения продавать свою квартиру, также у нее отсутствовало волеизъявление на двустороннее исполнение сделки купли-продажи имущества». Затем суд обращает внимание на то, что «для нее не имела значения сумма, полученная по оспариваемой сделке, так как она сама не намеревалась продавать квартиру». И далее: «В ходе предварительного расследования Л. Д. неоднократно меняла показания...» Что это, если не состав мошенничества, при котором продавец забирает деньги у покупателя и не планирует передавать ему квартиру в собственность? Этот факт установлен судом и отражен в мотивировочной части Решения!

Еще менее убедительным видится в качестве обоснования сомнительного решения обеспокоенность суда относительно неопределенности размера денежных средств, переданных продавцу, поскольку их при передаче не пересчитывали. При этом продавцом полученная сумма денег по сделке не оспорена.

Вершиной абсурда можно назвать следующий фрагмент мотивировочной части Решения: «Суд приходит к выводу, что доказательств, безусловно свидетельствующих о возмездном характере заключенной сделки, в ходе рассмотрения дела не представлено». Судьям должно быть известно, что возмездность сделки купли-продажи не требует каких-либо доказательств. Она следует как обязательное условие сделки из текста п. 1 ст. 555 «Цена в договоре продажи недвижимости» ГК РФ. К тому же по окончании исследования доказательств прокурор, принимавшая участие в судебном заседании, дала заключение, согласно которому требования П. А. о выселении ответчиков из принадлежащей ей на праве собственности квартиры не подлежат удовлетворению. Второй кассационный суд общей юрисдикции признал законными решения нижестоящих судов о возвращении квартиры в собственность Л. Д.

В настоящее время Верховный Суд РФ истребовал это дело для более детального изучения. Остается надеяться, что вынесенное ранее решение суда будет пересмотрено.

В. П. Камышанский,
главный редактор журнала «Власть Закона»,
директор АНО «Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук, профессор
14 декабря 2025 г.

Раздел

Актуальные проблемы современного права

УДК 347.1; 347.9
ББК 67.4

В. П. Камышанский

заведующий кафедрой гражданского
права Кубанского государственного аграрного
университета имени И. Т. Трубилина,
директор Научно-исследовательского
института актуальных проблем современного права,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Краснодар
vpkam@rambler.ru

**О СОЦИАЛЬНОМ И ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ НОРМ
ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ**

**ON THE SOCIAL AND LEGAL CONTEXT OF CIVIL LAW RULES:
METHODOLOGICAL ISSUES**

В статье исследованы некоторые проблемы применения норм гражданского законодательства в условиях правовой неопределенности. Обоснована необходимость учета социального контекста при уяснении сущности норм гражданского права. Утверждается, что гражданское право не может существовать автономно и независимо от других социальных явлений общества.

Оно всегда включено в систему сложных взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных связей. Учет социального контекста в процессе толкования нормативных актов способствует дальнейшему развитию гражданского законодательства ввиду потребностей субъектов гражданского оборота. В социальном контексте гражданского права зарождаются предпосылки для формирования новых правовых норм и институтов. Сделан вывод о том, что эффективное гражданско-правовое регулирование невозможно вне единства между фактическими отношениями, социальным контекстом и юридическим содержанием правоотношения.

Ключевые слова: социальный контекст, юридический контекст, источники гражданского права, толкование норм гражданского законодательства, гражданское право, правовое отношение, фактические отношения, применение гражданского законодательства, аналогия права, аналогия закона, принципы гражданского права, методология гражданского права.

This article examines some issues related to the application of civil law norms in conditions of legal uncertainty. It substantiates the need to consider the social context when understanding the essence of civil law norms. It argues that civil law cannot exist autonomously and independently of other social phenomena. It is always embedded in a system of complex, interconnected, and interdependent social ties. Considering the social context when interpreting normative acts facilitates the further development of civil law in response to the needs of participants of civil turnover. The social context of civil law fosters the development of new legal norms and institutions. It is concluded that effective civil law regulation is impossible without a unified relation between factual relations, the social context, and the legal content of the legal relation.

Keywords: social context, legal context, sources of civil law, interpretation of civil law norms, civil law, legal relation, factual relations, application of civil legislation, analogy of right, analogy of law, principles of civil law, methodology of civil law.

Особенность построения современного правопорядка в Российской Федерации (РФ) заключается в том, что общественные отношения, выступающие предметом гражданско-правового регулирования, существенно опережают деятельность российского законодателя. Отчасти это

объективно неизбежно и свойственно не только российскому, но и другим правовым порядкам стран с развитой рыночной экономикой. К этому следует дополнить необходимость оперативного реагирования на агрессивную политику недружественных России государств, которые, вопреки нормам международного права и даже здравому смыслу, пытаются разрушить российскую экономику. Данное обстоятельство создает ряд проблем для правоприменителей, в том числе в деятельности судебной системы.

Россия, согласно ст. 1 Конституции РФ, есть правовое государство. Указанное означает, что в целом деятельность государства подчинена установленным нормам и принципам права, государство обеспечивает верховенство права, а также защиту прав и законных интересов человека и гражданина всеми имеющимися у него институтами и средствами. Россия – это и социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (п. 1 ст. 7 Конституции РФ).

Формирование социальной государственности – непрерывный процесс, требующий адекватной и оперативной реакции на вновь возникающие ситуации не только в экономике и политике, но и в нравственности¹. Построение социального государства – сложная задача, решение которой носит дилемматический характер. Это связано с тем, что решение социальных проблем зависит от ряда факторов, в том числе от уровня развития экономики, наличия внешних и внутренних угроз российской государственности, правового сознания и правовой культуры граждан, а также общего уровня духовности и нравственности общества. Поэтому их невозможно решить в одночасье законодательным путем, через принятие законов.

А. В. Корнев верно утверждает, что социальные основания правотворчества и правоприменения должны проявляться в их диалектической взаимосвязи². Процесс правоприменения, как и

¹ Общая теория прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 1996. С. 109.

² Корнев А. В. Социальное и юридическое в контексте конкретизации права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.) / отв. ред. В. М. Сырых, В. Н. Власенко. С. 233.

процесс правотворчества, выполняет функцию социального управления, но на другом уровне. Если норма закона есть управленческое решение макроуровня и адресована неопределенному кругу лиц, то правоприменительный акт представляет собой правоприменительное решение микроуровня в отношении конкретного случая.

Методология толкования норм гражданского права в процессе их применения – это творческий процесс, имеющий существенное социальное значение, поскольку с учетом справедливости отдельного судебного решения и складывающейся судебной практики общество оценивает работу государства по обеспечению законности и правопорядка в целом. Выдающийся русский юрист А. Ф. Кони, размышляя о деятельности юриста, в особенности судьи, пишет: «Ни в одной деятельности не приходится так часто тревожить свою совесть, то призывая ее в судьи, то требуя от нее указаний, то отыскивая в ней одной поддержки»¹.

Особенность Конституции РФ, как закона, обладающего наивысшей юридической силой, заключается в том, что в ней содержатся не только правовые нормы, но и установлены принципы. Конституционные принципы, как и гражданско-правовые принципы, включают в себя закрепленные в тексте положения, содержащие правовую норму и декларацию (основополагающую идею) законодателя о намерении. Принцип-декларация впоследствии постепенно воплощается в жизнь, в процессе законотворчества и толкования гражданско-правовых норм, в том числе с учетом социального контекста.

Контекст (лат. *contekxtus* – «тесная связь, соединение») представляет собой завершенный по содержанию фрагмент текста, в пределах которого наиболее точно и конкретно можно выявить смысл и значение входящих в него слов, фразы или совокупности фраз. В логике и методологии науки понятие «контекст» охарактеризовано как отдельное рассуждение или фрагмент научной теории².

¹ Кони А. Ф. Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию Судебных Уставов. М.: Статут; РАП, 2003. С. 341.

² Краткий словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 7-е изд., стер. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. С. 200; Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л. Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 275.

Применительно к юриспруденции существует мнение о том, что контекст – воплощение мысли законодателя, поскольку значение слова определяют контекстом его употребления, языковой средой, в которой оно находится¹. Юридический контекст в гражданском праве представляет собой нормативный акт или часть нормативного акта, в границах которых и с учетом содержания которых осуществляется толкование нуждающейся в уяснении правовой нормы или дефиниции гражданского права.

Социальный контекст гражданского права – совокупность целого ряда факторов, которые влияют на формирование права, эффективность его воздействия на общественные отношения в обществе, в том числе при осуществлении правоприменения. Гражданское право не может существовать автономно и независимо от других социальных явлений общества. Оно всегда включено в систему сложных взаимосвязанных и взаимообусловленных социальных связей.

Учет социального контекста в процессе толкования нормативных актов способствует дальнейшему развитию гражданского законодательства ввиду потребностей субъектов гражданского оборота. В социальном контексте гражданского права зарождаются предпосылки для формирования новых правовых норм и институтов. При этом социальная обусловленность гражданского права определяет степень соответствия норм регулируемым общественным отношениям, а также объективным потребностям участников гражданского оборота и общества в целом.

Конституция РФ и Гражданский кодекс (ГК) РФ не содержат общих положений, которые предписывали бы учитывать при толковании и применении норм гражданского законодательства социальный контекст. Отсутствует в указанных законодательных актах и общий запрет на учет социального контекста при толковании норм гражданского законодательства.

Вместе с тем «ошибки в законодательстве, недостаточно просчитанные социальные последствия тех или иных правовых норм, их оторванность от реальной ситуации в обществе, их несогласованность с общественным мнением, культурными и духовными традициями – все это может иметь обратный, негативный эффект, разрушительно воздействовать на

¹ Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. С. 14.

важнейшую опору бытия и развития общества, а именно на социальную справедливость»¹.

В интервью «Российской газете» и ТАСС Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов обратил внимание на то, что нельзя забывать о социальной направленности правосудия. Именно справедливость всегда является конечной целью права, и судам отведена ведущая роль. По его мнению, суд выполняет важнейшую роль в правотворчестве. В этом у Председателя Верховного Суда РФ нет сомнений. Если суд устанавливает очевидные противоречия законов или пробелы в регулировании, то становится творцом права, прибегает к таким мерам, как интерпретация и толкование норм. В подтверждение своей позиции И. В. Краснов указал на то, что суды порой вынуждены принимать решения в ситуациях, в которых отсутствует необходимая юридическая норма, а общественные отношения развиваются быстрее, чем на них реагирует законодатель. К примеру, в современном обществе активно применяют новые технологии, все шире распространяются блокчейн-платформы, смарт-контракты, виртуальные активы. Все это становится предметом судебных разбирательств, итоги которых составляют основу нормативного регулирования².

В этой связи вполне уместно обратить внимание на заслуживающую поддержки позицию профессора В. Г. Ротаня, который считает, что «создание правовых норм» – дело не правоприменителя, а законодателя. Подталкивание судебной практики к созданию правовых норм путем экстрагирования их из «спорных жизненных отношений» противоречит правовой системе РФ (ст. 6 ГК РФ, ст. 120 Конституции РФ)³. Подобного рода попытки телеологического толкования нормы гражданского законодательства ведут к подмене законности целесообразностью,

¹ Интервью с В. Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ // Законодательство. 2012. № 7. С. 6.

² [Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС](#) // Верховный Суд РФ: офиц. сайт. 2025. 5 ноября. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34833/?ysclid=mj3be1ljv9382242017 (дата обращения: 05.12.2025).

³ Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. С. 625.

поскольку сформированная судом норма не предусмотрена ни Конституцией РФ, ни федеральным законом.

Любой нормативный акт представляет собой логически выверенное и социально обусловленное единство правил поведения, призванное гармонизировать определенную сферу общественных отношений. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений не изменяет характера имущественных и личных неимущественных отношений. Они продолжают сохранять экономический либо личный неимущественный характер, но приобретают при этом общеобязательный характер в рамках возникшего гражданского правоотношения.

Как следствие, между фактическими имущественными и личными неимущественными отношениями и юридическим содержанием правоотношения возникает связь (в идеале – единство). Содержание этой связи составляют, с одной стороны, субъективные права и субъективные обязанности участников правоотношения, с другой – подлежащие правовому регулированию фактические общественные отношения. Эффективное правовое регулирование невозможно вне социального единства между фактическими отношениями и юридическим содержанием правоотношения.

Норма права при наличии ряда юридических фактов регулирует фактические общественные отношения, что свидетельствует о возникновении определенной связи между нормой права (правилами поведения) и фактическими общественными отношениями (действиями, деятельностью лиц). Через правовое регулирование устанавливается тесная связь между нормой гражданского права и фактическими общественными отношениями.

На практике возможны ситуации, в которых сложно уяснить смысл отдельной нормы либо существующая норма по истечении времени не в полной мере отвечает потребностям участников гражданского оборота и социальным интересам общества. В данных ситуациях ввиду сложившейся тесной связи юридического содержания правоотношения, идущего от нормы права, по мнению профессора В. Г. Ротаня, «логично будет обратиться ко второй части правоотношения (регулируемому нормой права отношению): не исключено, что именно последнее подскажет нам, как же правильно понять правовую норму. Такая мысль должна возникать всегда при толковании положений законодательства, а особенно тогда, когда мы при этом начинаем чувствовать

затруднения при выяснении их юридического содержания¹. В данном случае речь идет о предложении, адресованном толкователю, обращаться к социальному контексту принципов права. Социальный контекст представляет собой регулируемые гражданским правом общественные отношения.

Обращение к социальному контексту преследует своей целью через уяснение содержания регулируемых общественных отношений выявить содержание гражданских правовых положений, регулирующих эти отношения². Такой подход вполне коррелируется с п. 2 и 3 ст. 307.1 «Применение общих положений об обязательствах» ГК РФ, согласно которым общие положения об обязательствах применяют, если иное не предусмотрено специальными нормами или **«не вытекает из существа соответствующих отношений»** (выделено мною. – В. К.). Дополним, что ввиду п. 2 ст. 6 «Применение гражданского законодательства по аналогии» ГК РФ при невозможности применения аналогии закона и аналогии права следует руководствоваться требованиями «добросовестности, разумности и справедливости».

Изложенное выше означает, что при толковании норм гражданского права следует учитывать характер и содержание регулируемых имущественных и личных неимущественных отношений. Без этого невозможно обеспечить один из основополагающих принципов гражданского права – принцип справедливости. Учет социального контекста необходим и потому, что развитие общественных отношений всегда опережает развитие гражданского законодательства, а правоприменителям необходимо принимать решение уже сегодня.

Построение правового государства может быть обеспечено только посредством рационального толкования норм права при осуществлении правоприменительной деятельности. «Но и рациональное толкование не всесильно»³, по мнению ряда ученых. В частности, профессор В. Г. Ротань считает, что «не следует бояться отхода от позитивистского правопонимания и движения в сторону социологической юриспруденции»⁴. Правовой позитивизм

¹ Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Учет социального контекста при толковании и применении правовых принципов, регулирующих гражданские отношения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 207–208.

² Там же. С. 209.

³ Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Указ. соч. С. 209.

⁴ Там же.

нельзя сводить исключительно к писанным нормам действующего гражданского законодательства, не учитывая вопрос о том, насколько эти нормы остаются справедливыми и отвечающими сложившимся в обществе социальным ценностям.

При обращении к принципам как источникам гражданского права, регулирующим имущественные и личные неимущественные отношения, учет социального контекста посредством взвешивания законных интересов и сформированных в обществе социальных ценностей позволяет разрешать возникающие в процессе толкования коллизии между такими принципами. В этой связи, как справедливо пишет профессор В. Г. Ротань, в границах учета социального контекста при толковании законодательных терминов полезно обратиться к представленным в немецкой литературе явлениям *Interessenjurisprudenz* («юриспруденция интересов») и *Wertungsjurisprudenz* («юриспруденция ценностей»)¹.

Библиографический список

1. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 783 с.
2. Интервью с В. Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ // Законодательство. 2012. № 7. С. 5–9.
3. Интервью Председателя Верховного Суда РФ Игоря Краснова «Российской газете» и информационному агентству ТАСС // Верховный Суд РФ: офиц. сайт. 2025. 5 ноября. URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34833/?ysclid=mj3be1ljv9382242017 (дата обращения: 05.12.2025).
4. *Кони А. Ф.* Отцы и дети судебной реформы: к пятидесятилетию Судебных Уставов. М.: Статут; РАП, 2003. 354 с.
5. *Корнев А. В.* Социальное и юридическое в контексте конкретизации права // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 21–25 апреля 2014 г.) / отв. ред. В. М. Сырых, В. Н. Власенко. С. 233–238.

¹ *Ротань В. Г.* Некоторые вопросы толкования слов и терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 117.

6. Краткий словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, Ф. Н. Петрова. 7-е изд., стер. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. 488 с.

7. Общая теория прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 1996. 509 с.

8. Ротань В. Г. Некоторые вопросы толкования слов и терминов, употребляемых в актах гражданского законодательства // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 105–120.

9. Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 782 с.

10. Ротань В. Г., Очкуренко С. В. Учет социального контекста при толковании и применении правовых принципов, регулирующих гражданские отношения // Право и государство: теория и практика. 2023. № 4 (220). С. 207–209.

11. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. А. Ф. Ильичев и др. М.: Советская энциклопедия, 1983. 841 с

В. В. Зайцев

директор Центра
экономического правосудия
Института государственной
службы и управления
РАНХиГС при Президенте РФ,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный юрист России
Россия, г. Москва
7732371@gmail.com

В. Д. Баранов

эксперт Центра
экономического правосудия
Института государственной
службы и управления
РАНХиГС при Президенте РФ,
доктор экономических наук,
профессор
Россия, г. Москва
vladbaranov@rambler.ru

**ОТ ВОЙНЫ И САНКЦИЙ – К ПРАВОВОМУ ПОРЯДКУ
В РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ**

**FROM WAR AND SANCTIONS TOWARDS LEGAL ORDER
IN RUSSIA-UKRAINE RELATIONS**

В статье проведен анализ потенциальных сценариев трансформации правовых отношений между Россией и Украиной после завершения военного противостояния. В фокусе исследования – переход от текущей фазы конфронтации и санкционного давления к созданию устойчивой правовой архитектуры, которая должна определить будущее двусторонних отношений на долгосрочную перспективу. Предпринята попытка проектирования действий России в направлении новых правовых основ послевоенного урегулирования политических, территориальных, пограничных, торгово-экономических проблем двусторонних отношений. Сделан вывод о том, что урегулирование санкционного режима между Россией и коллективным Западом будет менее предсказуемым, более сложным, длительным и противоречивым процессом.

Ключевые слова: санкции, санкционный режим, демилитаризация, правоотношение, мирный договор, гарантии безопасности, правопорядок, ограничения прав.

This article analyzes potential scenarios for the transformation of legal relations between Russia and Ukraine following the end of the military confrontation. The study focuses on the transition from the current phase of confrontation and sanctions pressure to the creation of a sustainable legal architecture that should shape the long-term future of bilateral relations. An attempt is made to map Russia's actions toward a new legal framework for the post-war settlement of political, territorial, border, trade, and economic issues in bilateral relations. It concludes that resolving the sanctions regime between Russia and the West will be a less predictable, more complex, lengthy, and controversial process.

Keywords: sanctions, sanctions regime, demilitarization, legal relationship, peace treaty, security guarantees, law and order, restrictions on rights.

Предпринимаемые Российским государством усилия по завершению военного конфликта на Украине мирным путем предполагают выработку соответствующих правовых решений и предложений. В данном контексте очевидной становится потребность осмысливать непростой комплекс вопросов о послевоенном устройстве российско-украинских отношений. В настоящей статье мы попытались рассмотреть некоторые аспекты возможных направлений формирования правовой базы новых отношений между Россией и Украиной.

Главная особенность современной прокси-войны на Украине заключается в том, что сегодня киевское руководство ограничено в вопросах ведения войны и обсуждения условий мира. Коллективный Запад все отчетливее стремится, избегая прямого столкновения, нанести России ощутимый демографический, экономический и военный ущерб, который якобы позволит «отбросить ее в развитии на годы и десятилетия». Цель – «лишить Россию возможности в будущем угрожать безопасности Европы и бросать вызов американской гегемонии»¹.

По данным зарубежных источников, бюджет Украины на 2025 г. существует в значительной степени за счет макрофинансовой помощи США и Европейского союза (ЕС). Без этих денег государство не сможет платить зарплаты, пенсии и

¹ Ершов М. В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 17.

содержать армию, что приведет к коллапсу. От 80 до 90 % современных тяжелых вооружений, боеприпасов и систем ПВО поступают от западных партнеров. Собственное производство Украины не может покрыть потребности войны. Украина слишком зависит от разведданных НАТО (спутниковых снимков, данных радиоэлектронной разведки), которые критически важны для планирования операций¹. Без этой поддержки Украина, очевидно, была бы вынуждена немедленно сесть за стол переговоров на любых условиях, продиктованных Россией, вследствие физической невозможности продолжать сопротивление.

Для действующего руководства США российско-украинский военный конфликт, как и его итоги, служат относительно дешевым способом ослабить европейские государства, переложив на их плечи расходы по завершению войны и послевоенному восстановлению Украины. Американская экономика в значительной степени диверсифицирована, война стимулировала экспорт американского сжиженного природного газа (СПГ) вместо российского газа и оружия в Европу. Для Европы экономические издержки завершения войны значительно выше. Высокие цены на энергоносители, инфляция, необходимость перестройки цепочек поставок и финансирования восстановления Украины станут тяжелым бременем для экономики ЕС. Это создает внутреннее напряжение и «усталость от войны», но особенно от возможных ее итогов.

Украина находится в положении стратегической зависимости от позиции коллективного Запада, который заинтересован в том, чтобы война не вышла за пределы Украины и не переросла в прямое столкновение НАТО с Россией, особенно с риском применения ядерного оружия. Этот интерес подталкивает к поиску управляемого окончания конфликта, но не к капитуляции перед российскими условиями.

С 2014 г. начался необратимый процесс, направленный на полный и окончательный разрыв Украины с историческим, экономическим и политическим наследием, которое связывали с российским влиянием. Санкционный режим, предпринятый Украиной в отношении России, можно разделить во временном и качественном отношении на два этапа: первый этап – 2014–2021 гг. (так называемые крымские санкции); второй этап – с февраля

¹ Барынкин А. В., Тесленко В. А. Политический ландшафт современной Украины // Россия и новые государства Евразии. 2025. № II (LXVII). С. 71, 73.

2022 г. по настоящее время (так называемая защита от врага). Закон «О санкциях», принятый на Украине в 2014 г., предусматривает один из самых широких в мире перечней возможных ограничительных мер. Главный объект санкций – Россия. В законе содержится ссылка на координацию санкционных мер с международными партнерами, что проистекает из последующей десятилетней практики, когда Украина активно стремится согласовывать санкционные списки с санкциями США, ЕС и других стран для усиления совместного давления на Россию. Наконец, Украина стала ключевым источником информации для наполнения санкционными органами США и ЕС своих списков конкретными именами и компаниями.

На протяжении последних десяти лет Украиной введен всеобъемлющий и многоуровневый санкционный режим в отношении Российской Федерации (РФ), который, по оценке западных экспертов, «является одним из самых жестких в мире»¹. Привести сведения о количестве санкционных мер сложно, поскольку они включают в себя тысячи пунктов в различных указах и решениях. Мы попытались структурировать их по типам и охвату. Под персональными санкциями находятся свыше 14 500 физических и юридических лиц России, включая Республику Крым, Донбасс и Новороссию. Среди них – все высшие государственные чиновники РФ (включая Президента России); депутаты Государственной Думы, сенаторы, губернаторы, военные, представители силовых структур, сотни журналистов, публичных лиц, так называемые артисты-запевалы войны; ключевые российские компании и их топ-менеджмент из всех секторов экономики (от сырьевого, ВПК до IT). Свыше 16 тыс. российских граждан находятся в санкционных списках МВД Украины².

Транспортные и логистические санкции предусматривают закрытие воздушного пространства для любых российских воздушных судов, запрет на заход судов под российским флагом в украинские порты, ограничения на дорожные перевозки. С 1

¹ Соловьев Э. Г. Украинский кризис: новый этап эскалации // Россия и новые государства Евразии. 2024. № IV (LXV). С. 11.

² Казанцев С. В. Антироссийские санкции: оценка ущерба: монография. М.: Инфра-М, 2025. С. 104.

января 2024 г. прекратил работу международный газопровод через территорию Украины в Венгрию и Словакию.

Роль Верховной рады в санкционной деятельности сводится к минимуму, ключевым институтом расширения санкционной деятельности президента и парламента Украины стал Совет национальной безопасности и обороны Украины (СНБО). Указ о применении санкций затем издает президент Украины, а Кабинет министров обеспечивает их выполнение. Украина создала тотальную, всеохватывающую систему санкционного давления на Россию, которая ежемесячно дополняется новыми именами и мерами. Представители международного экспертного сообщества указывают на то, что Украина является лабораторией и активным лоббистом создания новых форм санкционного давления¹.

Россия в ответ на враждебные действия руководства Украины ввела в отношении нее значительное количество ответных ограничительных контрсанкционных мер, которые носят комплексный характер. Федеральное Собрание РФ денонсировало договор о режиме свободной торговли в рамках СНГ в отношении Украины. Как и в случае с украинскими санкциями, российские ограничительные и запретительные меры сложно свести к одной цифре. Они носят диверсифицированный и комплексный характер, включая полное торгово-экономическое эмбарго. С 2014 г. Россия вынуждена приостановить либо денонсировать 147 межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений с Украиной, около 1 300 протоколов и договоренностей межведомственного межкорпоративного характера, около 700 документов в торгово-экономической, научно-технической и военно-технической сферах².

Россия предприняла меры по запрету на поставки украинских товаров промышленного назначения, в том числе машиностроительную продукцию, металлы и оборудование. Заблокированы активы украинских физических и юридических лиц, включенных в российские санкционные списки. Прекращено авиасообщение, закрыта сухопутная граница для грузового и пассажирского транспорта (с некоторыми исключениями).

¹ Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / рук. проекта А. А. Дынкин, В. Г. Барановский; отв. ред. Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2022. С. 57.

² Отчет премьер-министра Правительства России М. В. Мишустина на заседании Государственной Думы РФ // Российская газета. 2023. 25 марта.

Фактически российской стороной на официальном уровне украинские власти признаны «нелегитимными»; введен запрет деятельности украинских политических партий и общественных организаций на территории РФ. В итоге Россия создала в отношении Украины зеркальный режим ограничений, а в ряде аспектов – и более жесткий, что в полной мере соответствует п. 3 ст. 55 Конституции РФ и п. 2, 5 ст. 1 Гражданского кодекса РФ¹.

Возможное смягчение послевоенного взаимного санкционного режима между Россией и Украиной, очевидно, является необходимым, но крайне сложным и долгосрочным процессом. Базисным, исходным и первоочередным условием обсуждения двусторонних санкционных российско-украинских отношений, скорее всего, станет полное прекращение военных действий в рамках специальной военной операции (СВО). Это необходимое, но, вероятно, не единственное условие. По нашему мнению, санкционный вопрос не будет рассмотрен в рациональном ключе, если прекращение военных действий станет носить временный характер в рамках договоренностей о временном «замораживании военного конфликта». Первым шагом должно стать подписание основополагающего политического документа, который задаст тон последующим соглашениям, создаст правовую основу для устранения санкционных режимов.

Россия и Украина должны в рамках мирного договора (договора об основах отношений) признать государственный суверенитет в составе новых согласованных границ и новую территориальную целостность России и Украины. Новые границы двух стран должны быть безоговорочно признаны в рамках Устава ООН и Хельсинкского Заключительного акта. На новых участках границы стороны должны договариваться о местах устройства временных переходов для граждан, перемещения товаров и транспортных средств. Вполне возможным видится начало первых снятий ограничений с гуманитарных и экономически необходимых либо взаимно выгодных мер. Стороны должны будут постепенно снимать санкционные ограничения в приграничных контактах физических лиц, вероятно, поэтапно сверяя свои действия с реакцией населения, возможностями управления

¹ Подробнее об этом см.: *Камышанский В. П.* Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5; *Камышанский В. П.* Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // Власть Закона. 2016. № 3 (27) С. 15.

социальными процессами со стороны органов местного самоуправления.

Однако следует быть готовыми к тому, что в приграничных зонах наиболее остро будет ощущаться эхо войны, последствия разрушений, утрат. В обеих странах существуют мощные политические силы, для которых любой компромисс, любая уступка могут быть рассмотрены как «капитуляция».

Видимо, что в каждой зоне пограничного разграничения потребуется учреждение специальной двусторонней контрольной комиссии с широкими экономическими и административными полномочиями. В качестве возможного института уполномоченных на первом этапе стоит учредить военных комендантов с равными зеркальными полномочиями на российской и украинской сторонах границы. Важную гуманитарную функцию могли бы выполнять специальные уполномоченные правительств России и Украины по делам перемещенных лиц, правам человека, правам ребенка.

В новой административно-территориальной реальности должно быть в рамках мирного договора зафиксировано признание Украиной итогов всенародного голосования народов Республики Крым от 16 марта 2014 г. и положений Федерального конституционного закона (ФКЗ) «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». Согласно этому положению российско-украинского договора, Правительство Украины могло бы приступить к поэтапному снятию санкций в отношении РФ, принятых в 2014–2021 гг.

Одновременно и Правительство России могло бы приступить к зеркальной отмене ряда ограничительных мер, принятых в адрес Украины. При условии результативной совместной работы на санкционном треке вокруг Республики Крым правительства двух стран могли бы приступить к обсуждению таких чувствительных вопросов, как урегулирование имущественных отношений с бывшими собственниками (гражданами Украины), облегченного порядка осуществления коммерческой деятельности граждан Украины на территории Республики Крым, облегченного порядка из транзита через территорию Херсонской, Запорожской областей России и др. Следующим этапом снятия санкционных мер могло бы стать снятие запрета на территории Республики Крым

финансовых операций граждан, направленных на Украину из России и в Россию из Украины, включая инвестиции и переводы.

Признание нового статус-кво Республики Крым и Севастополя является чувствительной проблемой и для руководства Украины, и для значительной части населения страны. Однако по истечении более десяти лет после юридического и фактического оформления Крыма в качестве суверенной части РФ, утверждения нового российского патриотического менталитета среди абсолютной части населения полуострова данный геополитический прецедент послужил наиболее яркой иллюстрацией успешного мирного решения территориально-административного вопроса в современных условиях.

Изменение правового статуса Крыма в пользу России кардинально изменяет суверенитет и территориальную целостность значительной части Азово-Черноморского региона, что затрагивает права Украины на использование Азовского моря. Фактически Украина должна признать, что действующее Соглашение между Россией и Украиной от 2003 г. о сотрудничестве в использовании Азовского моря и Керченского пролива, которое регулировало вопросы рыболовства и навигации, утратило силу. Утрачивает силу и Соглашение о российско-украинской государственной границе от 28 января 2003 г., которое устанавливало границы между двумя государствами, включая морские границы в Азовском море.

Российской стороне следует быть готовой к тому, что Украина постарается активно использовать обращение в международные суды и организации, такие как Международный суд ООН и Международный трибунал по морскому праву, с целью защиты своих прав и интересов в Азовском море. Формирование нового правового статуса Азовского моря, очевидно, потребует вернуться к правовым основаниям Советского Союза. В советский период и Азовское море, и Керченский пролив рассматривали как внутренние воды СССР. Это означало, что на них распространялся полный и исключительный суверенитет советского государства. Правовой статус Азовского моря и Керченского пролива в период СССР был определен не международно-правовыми нормами, а федеральными законами и внутренними административными актами, а также практикой СССР и двусторонними соглашениями

с сопредельным государством, в данном случае – с Турецкой Республикой¹.

Согласно Конвенции ООН по морскому праву Керченский пролив считают международным водным путем, что подразумевает свободу навигации для всех государств. Скорее всего, украинская сторона будет настаивать на сохранении этого положения. Хотя побережье Азовского моря де-факто является российским. Это положение для Украины, очевидно, станет важным в том числе по причине сохранения приоритетного (привилегированного) права на участие в рыбном промысле. В данном контексте можно было бы «подвязать» Украину к совместным проектам по защите единой морской экосистемы Черного и Азовского морей, что включает в себя меры по предотвращению загрязнения и охране редких видов рыб.

Особое значение имеет урегулирование вопросов, связанных с рекой Днепр. Река Днепр протекает через три страны: Украину, Беларусь и Россию. У каждой из них – своя часть реки, которая подпадает под юрисдикцию государства. Вследствие СВО российской стороне ввиду комплекса внешних факторов, включая позицию коллективного Запада, вряд ли удастся достичь ситуации, при которой между Россией и Украиной западная и юго-западная границы по Херсонской и Запорожской областям будут иметь сухопутный характер, а река Днепр в низовье течения – полный российский суверенитет. С учетом объективных обстоятельств можно было бы предусмотреть вариант, при котором российская сторона вынуждена пойти на компромисс, и в результате река Днепр станет важным пограничным рубежом между Россией и Украиной. В итоге на протяжении 450 км территории Запорожской, Херсонской областей река Днепр от устья трансформируется в пограничный российско-украинский рубеж, левый берег которого является российской территорией, а правый, соответственно, – украинской. По нашему мнению, согласие на изменение границы между Россией и Украиной по фарватеру реки Днепр можно было бы рассмотреть в качестве основного санкционного компромисса в форме поэтапной уступки российской стороны.

¹ *Коротаев В. Н.* Международно-правовой статус Азово-Керченской акватории, исторический аспект, современное состояние // Молодой ученый. 2023. № 15 (462). С. 271.

Россия и Украина должны будут установить режим совместного хозяйственного использования пограничных вод, который мог бы включать в себя рыболовство (взаимные квоты на вылов рыбы для приграничного населения); строительство, восстановление гидротехнических сооружений, каналов; режим водозабора для сельскохозяйственных целей и др.

Вероятнее всего, потребуется существенная корректировка Соглашения между Украиной, Россией и Беларусью о режиме реки Днепр в аспектах совместного использования водных ресурсов, охраны окружающей среды и управления экосистемами. Необходимыми станут, возможно, изменения и в положениях Днепровского бассейнового соглашения (1998) относительно установления принципов совместного управления водными ресурсами бассейна реки Днепр, охраны экосистемы и предотвращения загрязнения вод. Для смягчения влияния санкционных факторов на проблематику днепровского бассейна российская сторона была бы вправе рассчитывать на предварительную согласованную позицию с Республикой Беларусь. Последняя имела бы и собственные выгоды с учетом открывающейся возможности более облегченного трафика белорусских судов по всей протяженности реки Днепр.

В настоящее время сложно делать прогнозы о характере хозяйственных связей двух государств и о том, возникнут ли такие связи в ближайшие три-пять лет в формирующейся новой системе координат. Возврат двух государств к отношениям, проистекающим из категорий «дружбы, партнерства и добрососедства», отраженным в денонсированном договоре 1997 г., невозможен при любой «перезагрузке» в политической власти Украины, как и нет оснований для надежды на удаление антироссийской и антирусской идеологии из системы национальной культуры, образования, информационной политики, иных сфер жизни общества.

Начальным истоком обсуждения двусторонних торгово-экономических вопросов между Россией и Украиной должно стать достижение базового политического урегулирования, включая договорную фиксацию механизмов будущих отношений и гарантии безопасности для России и Украины. Базовым принципом начала установления экономических отношений между двумя странами, полагаем, должен быть взаимный отказ от претензий на репарации и компенсации для восстановления объектов, разрушенных в ходе военных действий на территории

Украины и на территории субъектов РФ, включая территории Донецкой, Луганской, Запорожской, Херсонской, Курской областей и Республики Крым.

Если стороны не смогут договориться о подписании торгового соглашения, вероятно, можно было бы обсудить подготовку временного рабочего протокола о торговле, в котором выразить согласие относительно снятия на взаимной основе санкционного режима с компаний, обеспечивающих условия восстановления транспортных коридоров, железнодорожного и автомобильного сообщения, открытия воздушного пространства для грузовых перевозок. Временный торговый протокол о торговле должен регулировать базовые вопросы таможенных тарифов, квот, лицензий и правил происхождения товаров. Документ мог бы носить, как нам представляется, ограниченный по времени характер. После кардинального изменения политической ситуации на Украине реалистичным сценарием могло бы стать поэтапное, осторожное и ограниченное возобновление торговли по конкретным товарным группам, возможно, с акцентом на приграничную торговлю, и даже под жестким международным контролем.

В ближайшее время Украина, скорее всего, будет придерживаться стратегического курса на диверсификацию и интеграцию с европейским рынком, в том числе энергетическим. Любое возобновление закупок нефти, нефтепродуктов, трубопроводного газа, если оно произойдет, будет крайне ограниченным, коммерческим и, видимо, не будет иметь стратегического характера.

Допускаем, что после завершения СВО санкционные трения в торгово-политических взаимоотношениях России и Украины могут обостриться с существенными сложностями в рамках Всемирной торговой организации (ВТО), которые будут, видимо, носить не технический, а глубоко экзистенциальный характер. Фактически ВТО как институт, основанный на универсальных нормах, правилах, регламентах и консенсусе при принятии торгово-политических решений, может оказаться в институциональном кризисе при попытке урегулирования российско-украинских торговых отношений.

Россия (в 2012 г.) и Украина (в 2006 г.) вступали в ВТО, представляя определенные таможенные территории. В настоящее время часть таможенной территории Украины органами ВТО должна быть признана таможенной территорией России, то есть

другого государства ВТО. За 40 лет существования ВТО еще не было прецедента добровольного изменения таможенных границ между двумя государствами ВТО, при этом в значительных объемах (свыше 130 тыс. кв. км). С учетом анализа характера напряженных торговых отношений между Россией и Украиной в период до 2022 г. мы убеждены в том, что вряд ли Киев, без существенных встречных ограничительных либо санкционных факторов, даже приступит к обсуждению этой чувствительной проблемы в рамках ВТО. В органах ВТО вряд ли Россия встретит поддержку и понимание со стороны значительной группы стран – членов ВТО, а значит, рассчитывать на то, что новые таможенные границы РФ получат консенсус на министерской конференции ВТО, не представляется возможным.

Урегулирование санкционного режима между Россией и коллективным Западом будет, полагаем, менее предсказуемым, более сложным, длительным и противоречивым процессом. Возможности предвидеть сценарий переговорного механизма на санкционном треке между Россией и Украиной дают исключительно ход и характер переговорного процесса по мирному урегулированию российско-украинского конфликта. С учетом урегулирования территориальных изменений в таможенных границах двух стран данный вопрос может оказаться тормозом на пути снятия санкционных претензий и в более широком политическом контексте. В дальнейшем, как нам представляется, взаимоотношения России и Украины в политической, юридической и торгово-экономической плоскости, как и в рамках ВТО, будут проистекать при нерешенной очень важной проблеме с непредсказуемыми для российской стороны среднесрочными и долгосрочными последствиями.

Библиографический список

1. Барынкин А. В., Тесленко В. А. Политический ландшафт современной Украины // Россия и новые государства Евразии. 2025. № II (LXVII). С. 69–82.
 2. Ершов М. В. Российская экономика в условиях новых санкционных вызовов // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 5–23.
 3. Казанцев С. В. Антироссийские санкции: оценка ущерба: монография. М.: Инфра-М, 2025. 201 с.
 4. Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5–7.
-

5. *Камышанский В. П.* Пределы свободы и ограничения прав предпринимателей в условиях конкуренции // *Власть Закона*. 2016. № 3 (27) С. 15–25.

6. *Кортаев В. Н.* Международно-правовой статус Азово-Керченской акватории, исторический аспект, современное состояние // *Молодой ученый*. 2023. № 15 (462). С. 267–279.

7. *Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия*. 3-е изд., перераб. и доп. / сост. И. Н. Тимофеев, П. И. Чуприянова, К. В. Троцкая. М.: НП РСМД, 2023. 536 с.

8. *Россия и мир: 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз* / рук. проекта А. А. Дынкин, В. Г. Барановский; отв. ред. Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. М.: ИМЭМО РАН, 2022. 130 с.

9. *Соловьев Э. Г.* Украинский кризис: новый этап эскалации // *Россия и новые государства Евразии*. 2024. № IV (LXV). С. 9–22

В. Г. Ротань

профессор кафедры гражданского права и процесса
Юридического института
Севастопольского государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
Россия, г. Севастополь
rotanvg1942@gmail.com

О МЕТОДОЛОГИИ И ПРЕДМЕТЕ НАУКИ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

ON THE METHODOLOGY AND SUBJECT OF THE SCIENCE OF CIVIL LAW

В статье констатируется парадоксальность сложившейся в науке гражданского права ситуации, при которой проблема методологии этой отрасли юридической науки, да и юридической науки вообще, исследуется как единая, хотя исследуемый предмет является неоднородным и требует дифференцированного подхода. Следовательно, нуждается в признании, по мнению автора, то обстоятельство, что система предмета науки гражданского права должна быть структурирована, должны быть исследованы и система в целом, и ее составляющие. Затем необходимо предпринять усилия к разработке общей методологии науки гражданского права и методов, которые будут использованы для

исследования отдельных элементов, составляющих систему предмета науки гражданского права. Оценено как неприемлемое игнорирование цивилистической методологии, разработанной Е. В. Васьковским, которое (игнорирование) странным образом сочетается с признанием его «классиком юридической мысли» и «выдающимся российским ученым».

Ключевые слова: цивилистическая методология, предмет науки гражданского права, методология исследования нормативной основы гражданского права, регулируемые гражданским правом отношения как предмет науки гражданского права, рефлексивное действие гражданского права, отдаленные последствия действия гражданского права, гражданско-правовое регулирование, гражданское право.

The article notes the paradoxical nature of the current situation in civil law scholarship, where the problem of methodology in this branch of legal science, and legal science in general, is studied as a single issue, despite the fact that the subject matter is heterogeneous and requires a differentiated approach. Consequently, the author believes that the system of civil law scholarship must be structured and both the system as a whole and its elements must be studied. Efforts must then be made to develop a general methodology for civil law scholarship and the methods that will be used to study the individual elements that make up the system of civil law scholarship. The ignoring of the civilistic methodology developed by E. V. Vaskovsky is considered completely unacceptable, and this ignoring is strangely combined with his recognition as a “classic legal thinker” and “an outstanding Russian scholar”.

Keywords: civilistic methodology, subject of civil law science, methodology of research of normative basis of civil law, relations regulated by civil law as a subject of civil law science, reflexive action of civil law, remote consequences of action of civil law, civil law regulation, civil law.

Актуальность темы настоящей статьи обусловлена обстоятельством, согласно которому развитие науки гражданского права сдерживается слабостью методологии науки гражданского права. Причиной такой слабости является разработка проблем методологии науки гражданского права, по существу, в отрыве от предмета этой отрасли юридической науки.

Цель статьи – создание предпосылок для перехода на более высокий уровень познания цивилистической методологии через выявление структуры предмета науки гражданского права, выделение элементов указанной структуры. Научная литература о проблемах методологии науки гражданского права и правовой науки вообще обширна. Любитель библиографических списков В. А. Белов в издании 18-летней давности приводит более 40 работ, связанных с данной темой. После этого арсенал методологических исследований пополнен трудами В. М. Сырых, И. В. Понкина, А. П. Рассказова, М. Н. Семякина, Ю. Н. Андреева и других авторов. В Пермском университете стали проводить ежегодные конференции, посвященные юридической методологии. Все это нельзя не оценить положительно. Но существует то, что не просто огорчает, но даже удручает: среди научных исследований проблем методологии юридической науки В. А. Белов не нашел места для работы Е. В. Васьковского¹, хотя после перечисления соответствующих источников свое предисловие к этой публикации назвал. Лишь через несколько страниц В. А. Белов ее упомянул, но не как одну из работ, в которой исследована методология науки гражданского права и юридической науки вообще, а как произведение, в котором дано «описание юридической научной деятельности в ее традиционном понимании – формирование абстрактных категорий и понятий из и на основе законодательных норм»². К изложенному В. А. Белов, как следует из цитируемой публикации, относится резко отрицательно.

Нельзя утверждать, что В. А. Белов одинок в своих представлениях. Крайнюю позицию относительно этого сформулировал М. Н. Семякин. Сетую о том, что цивилистические произведения зачастую не выходят за рамки так называемой догматической юриспруденции, при которой научное исследование ограничивается толкованием гражданского законодательства и комментированием судебных решений, он пишет, что такая деятельность «не может быть идентифицирована, как цивилистическая наука, объективно не способна выполнять ее

¹ *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 15.

² *Белов В. А.* Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // *Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики* / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2008. С. 138.

функции, цели и задачи»¹. Твердо встали на антинормативистскую позицию Б. И. Пугинский и Д. Н. Сафиуллин: «Начав “танцевать от нормативной печки”, правоведение оказалось вынужденным обеими руками держаться за эту печку, не могло отступить от нее, ибо шаг влево или вправо от анализа норм считался отходом к чему-то такому, что правом не является. Сама подобная постановка вопроса представлялась еретической... правоведение не ограничилось тем, что стало творить для себя картину бытия из текстов законов. Дело пошло дальше...»². Так же критически по отношению к исследованию в правоведении нормативной основы относится С. В. Третьяков: «Если считать текст закона единственным и исключительным эмпирическим базисом для построения научных догматических понятий, то вся научная работа будет заключаться в построении различных таксономий (классификаций) уже имеющихся в тексте понятий...»³.

Истоки антинормативистской концепции в гражданском праве восходят к творчеству Ф. К. ф. Савиньи. Он пишет: «Толкование есть искусство, а обучение этому искусству способствуют превосходные образцы старого и нового времени, которыми мы обладаем в достаточном количестве. Гораздо меньше того, что доньше изложено как теория такового. Такая недостаточность прежней теории есть дело случайное; однако важно, чтобы не возникало заблуждений относительно ценности подобной теории в целом, даже самой лучшей. Ибо это искусство, как и любое другое, невозможно передать или приобрести через правила. Но путем рассмотрения замечательных образцов мы сможем раскрыть то, в чем заключается их превосходство; а благодаря этому мы подготовим наш разум для того, чем занимаются во всяком толковании, и научимся направлять наши устремления в правильном направлении. Это и предотвращение

¹ Семякин М. Н. Методология цивилистического правоведения: проблемы, поиски, решения: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 119.

² Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н. Правовая экономика. Проблемы становления. М.: Юрид. лит., 1991. С. 61–63.

³ Третьяков С. В. К проблеме использования исторической аргументации в цивилистической доктрине // Неволин К. А. История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 31.

возможных окольных путей суть то, чего мы можем надеяться добиться здесь, как в любом искусстве, благодаря теории»¹.

Г. Ф. Пухта, ученик и последователь Ф. К. ф. Савиньи, тоже признанный классик мировой юриспруденции, развивает мысли учителя: «Из правил критики и толкования образовалась особая наука, юридическая герменевтика; обыкновенно весьма поверхностная, бесплодная, не проникающая в суть дела, сухая дисциплина. Но, помимо здравого смысла, вся юриспруденция должна быть герменевтикой... От крайностей должны охранять юриста здравый юридический такт и разум; внешние же правила полезны только слабым головам, избавляя их от самостоятельного мышления, но таким лицам лучше вовсе не браться за толкование»².

Такова суровая действительность: видимо, следует смириться с тем, что классики оставляют в наследство потомкам не только чистое золото истинной научной мысли, но и заблуждения, от которых не застрахован никто.

Р. ф. Иеринг был другим. Он размышлял о «перегонке правовых положений в систему», о предпринимаемой наукой переработке материала, при котором внешнее рассмотрение предмета заменяется его внутренним пониманием, о логическом построении правовых положений, как о познании истинной природы права³. Он не отрицал значения здравого разума, но именно как наслоения (осадка) здравого разума бесчисленного множества индивидов: «Кто сумел овладеть этим кладом, тот уже не оперирует одним лишь своим слабым разумом, не опирается уже на одну свою незначительную опытность, но прибегает к помощи мыслительной силы предыдущих поколений и опыту прошедших веков и тысячелетий»⁴.

Признавал Р. ф. Иеринг и «чувство права», и «искусство правотолкования». Но «чувство права» он сравнивал с семенем, из которого развилось право, «семя заключает в себе лишь зародыш дерева, а не дерево... Право растет и развивается только благодаря тому, что разрывает оболочку семени, что возносится из области

¹ Савиньи Ф. К. ф. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 389–390.

² Васильковский Е. В. Указ. соч. С. 57.

³ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 60.

⁴ Там же. С. 326.

простого чувства права в область знания»¹. По мнению ученого, «даже и простейшее искусство имеет свою технику, которая представляет собой собранный и обьективированный осадок здравого разума, но которая, тем не менее, может быть понята и применена лишь тем, кто взял на себя труд изучить ее»². Примеры интерпретации законодательных положений, которые приводит Р. ф. Иеринг (выведение четырех норм из определения понятия закона³; выведение из уголовного предписания охранительной, в широком смысле – регулятивной нормы – запрета⁴ поражает глубиной понимания сущности вещей. И эти примеры, и теоретические построения Р. ф. Иеринга относительно научного анализа и выводов из положений законодательства предоставили возможность признать его основателем рационального учения о работе с положением законодательства. Но за ним почти никто не пошел.

По свидетельству Б. Виндшейда, новаторские идеи Р. ф. Иеринга критически оценены одним из ученых того времени. В связи с этим он оценил известный труд Р. ф. Иеринга «Дух римского права» как «остроумное и глубокое научное произведение, с частностями которого, хотя и нельзя вполне согласиться, но которое, будучи в целом попыткой основания “техники права” заслуживает, по нашему мнению, более теплой признательности...»⁵. Да и Б. Виндшейд пишет о «тех юридических началах, которые выводятся юристами из существующих уже юридических норм с помощью научного анализа... Результат, полученный юристами таким путем, отнюдь не составляет нового права; оно существовало уже и прежде, но только теперь разоблачено. Но что касается того, действительно ли результат этот есть право, то это зависит единственно от правильности научного приема юристов, проверить который имеет право каждый новый юрист и в особенности судья»⁶. Более того, Б. Виндшейд видел в изучении права «специальное призвание юристов»⁷, очевидно, и

¹ Там же. С. 325–326.

² Там же. С. 327.

³ Иеринг Р. ф. Указ. соч. С. 57.

⁴ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 302.

⁵ Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть. СПб.: изд. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. С. 57.

⁶ Там же. С. 43.

⁷ Там же.

юристов-ученых. Он признавал логически закреплённые в источниках права юридические нормы, которые можно обнаружить при толковании с помощью вывода *a contrario*, и даже сформулировал условия, при которых они могут быть применены¹.

В дальнейшем центр тяжести научных разработок проблем рациональной юриспруденции, именно цивилистики, переместился в Россию. Е. В. Васьковский осуществил беспрецедентное в мировой юриспруденции исследование цивилистической методологии, в части, в которой ее предметом является рациональное толкование гражданских законов². Но он не встречен как новатор ни в российской, ни тем более в зарубежной науке гражданского права. Вскоре наступили смутные времена, Первая мировая война (с участием России), революция и Гражданская война в России. Не располагал к исследованию рациональной цивилистики и правопорядок, установившийся в России после революции и Гражданской войны: пропаганда, хотя бы косвенная, идей «буржуазного ученого» Е. В. Васьковского стала неуместной, а его книги стали недоступными.

Со временем идеологический контроль над наукой ушел в небытие, но в сфере цивилистики свобода проявилась разве что в публикации ранее находившихся под запретом научных работ Е. В. Васьковского. Научные идеи выдающегося русского юриста не развивались, поскольку они не восприняты научной общественностью, теперь освободившейся от идеологического контроля. Даже в специальных теоретических исследованиях проблем правотолкования, результаты которых опубликованы в советское и постсоветское время, далее упоминания его имени дело не шло, а чаще авторы обходились и без этого.

Научная обработка нормативных текстов все более стала напоминать искусство, основанное на интуиции и иррационализме. Наука гражданского права приобрела признаки орголептической, ассоциативной. Стало возможным говорить, например, о судебной практике как источнике гражданского права без единой ссылки на закон, правда, лишь до тех пор, пока речь не зашла о практике Конституционного суда Российской Федерации (РФ)³. Коллективная монография «Судебная практика в

¹ Там же. С. 53–54.

² Васьковский Е. В. Указ. соч. С.30.

³ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2019. С. 68–69.

современной правовой системе России», подготовленная учеными высшей квалификации и изданная под самой авторитетной редакцией академика Т. Я. Хабриевой и доктора юридических наук В. В. Лазарева не раскрывает законодательную основу включения судебной практики в правовую систему. Исключение составляют материалы о практике Конституционного суда РФ. И в главе, посвященной судебной практике в гражданском праве, приведено положение следующего содержания: «...В связи с включением в действующую редакцию ГК РФ нормы, предусматривающей в числе оснований отмены в надзорном порядке судебных постановлений “нарушение единообразия толкования и применения норм права” (ст. 391.9 ГПК РФ, такая же норма закреплена в ст. 308.8 АПК РФ), обязательность разъяснений получила законодательное закрепление»¹. Не с позиции критики, которая в данном случае была бы некорректной ввиду того, что отсутствие в указанной монографии поиска законодательной основы в обязательности судебной практики и поверхностность цитированного научного положения отражает общее пренебрежительное отношение к тому, что Б. Виндшейд назвал научным анализом юридических норм, а с позиции констатации факта уточним, что авторы издания, о котором идет речь, не раскрыли в целом юридического значения содержания ст. 391.9 Гражданского процессуального кодекса (ГПК) РФ и ст. 308.8 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ, не обратили внимания на ст. 198, 330, 379.7 ГПК РФ, ст. 170, 270, 288 АПК РФ, в которых также отражены вопросы законодательного признания судебной практики элементом правовой системы России. Даже если современный исследователь юридической методологии проявляет внимание к правотолкованию и его методологии, он чаще всего не признает своей целью выявления содержания права путем его научного анализа.

Так, В. М. Сырых конечной целью доктринального толкования норм права (почему-то не нормативных положений) признает выявление правотворческих ошибок², хотя изначально подход ученого представляется конструктивным. Он размышляет,

¹ Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М.: Норма: Инфра-М, 2017. С. 182.

² Сырых В. М. Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2. Логика правового исследования. М.: Юстицинформ, 2004. С. 204.

при этом со ссылкой на других авторов¹, о норме права как об органическом единстве содержания, логической и языковой формы. Но далее В. М. Сырых пишет о признаках нормы, относящихся к ее содержанию (юридическому аспекту), в частности о ее нормативности, полноте, конкретности, системности; к языковой форме, простоте, краткости, ясности, точности; к логической форме (определенности, последовательности, непротиворечивости)². К сожалению, вне поля зрения автора остался анализ языковой формы законодательных указаний на права и обязанности. Между тем даже при наличии ученой степени доктора наук некоторые юристы стали сомневаться в том, что слово «должны» в ст. 426 Гражданского кодекса (ГК) РФ может быть интерпретировано как «обязаны», а право всех и каждого требовать заключения договора в этом законодательном положении не закреплено³. В одном из научных исследований убедительно показано, что «должны» в п. 1 ст. 426 ГК РФ следует интерпретировать как обязаны⁴. Поскольку В. М. Сырых пишет о толковании правовых норм, он мог и не обратить внимания на толкование законодательных положений («толкование правовых норм» – это толкование уже выявленных норм и не предусматривает толкования законодательных (более широко нормативных) положений. Но в таком случае исследование приобретает признак неполноты. За пределами исследования остается огромный пласт проблем, на участке от нормативного положения до правовой нормы.

Общее пренебрежительное отношение к научному анализу законодательных (нормативных) положений не позволяет истолковать множество законодательных и иных нормативных положений, разрешить огромное количество коллизий в законодательстве. Но представители старшего поколения ученых, господствующего в юридической науке, ввиду утраты с возрастом гибкости интеллекта и мышления, не способны легко усвоить тонкости логического анализа законодательных и иных

¹ Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. С. 58.

² Сырых В. М. Указ. соч. С. 201.

³ Белов В. А. Гражданское право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. С. 326–327.

⁴ Семенуха Т. Б. Правоотношения, возникающие при заключении публичных договоров: виды и правовая природа // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 119–122.

нормативных положений. Для основательного освоения проблемы не хватает ни времени, ни осознания необходимости такого освоения. Легко было освоить данную проблематику на студенческой скамье, но и старшее поколение этому не учили. И тех, кто сегодня осваивает юриспруденцию на студенческой скамье, этому не учат, поскольку нет учителей, способных преподавать соответствующий предмет. Замкнутый круг нужно было бы разорвать, да нет энтузиастов. Проще объявить правотолкование искусством, но закономерность развития предполагает движение от искусства к науке. Р. ф. Иеринг, в частности, пишет: «Техника права не явилась на свет лишь с возникновением юриспруденции. Задолго до появления всякой науки юридический инстинкт, руководимый смутным, но верным представлением, уже взялся за эту задачу; с каким успехом – об этом красноречиво свидетельствует древнее римское право. Искусство и в области права является раньше науки, потому что искусству достаточно и одной догадливости, простого чувства или инстинкта, в то время как наука начинается только с познания»¹.

Балет гораздо ближе к искусству и гораздо дальше от науки, чем юриспруденция. Но выдающийся педагог А. Я. Ваганова сформулировала правила, то есть, по сути, создала науку, и ее теперь осваивают в Академии русского балета, которая носит ее имя. И гениальная балерина Майя Плисецкая всю жизнь, по свидетельству знавших ее современников, сожалела о том, что ввиду обстоятельств она имела возможность учиться у А. Я. Вагановой только в течение двух недель. Наука постепенно или прыжками отвоевывает у искусства сферу познания. В полной мере завоевать эту сферу наука не сможет никогда. Но объективная тенденция складывается в пользу науки. Лишь юридическая наука сложила свое оружие перед искусством, так как никто не хочет взять на себя труд овладеть указанным оружием. Искусство в сфере права успешно противостоит науке на протяжении более 150 лет: со времени Р. ф. Иеринга, Б. Виндшейда, Е. В. Васьковского прогресса в разработке методологии научного анализа нормативных положений не наблюдается (исключение составляет творчество Ф. Быдлински). Такова суровая действительность, и ее нужно признать, чтобы

¹ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 331–332.

начать движение вперед. И движение будет не чем иным, как движением от искусства к науке.

С учетом этой перспективы наука гражданского права должна признать своим предметом научный анализ законодательных положений, а владение навыками такого анализа должно быть признано стержнем профессии юриста. Это не приведет к снижению теоретического уровня профессиональной подготовки юристов, поскольку в процессе освоения навыков научного анализа законодательных положений не только из них будут извлекать и формулировать научные категории, понятия, иные теоретические положения, но и ранее выработанные юридической наукой категории и понятия, и иные теоретические положения будут использовать в процессе научного анализа законодательных положений как методологический инструмент. Тем самым будет обеспечено единство прагматического и теоретического подходов к анализу.

Поворот науки гражданского права к проблемам анализа законодательных положений не означает, что производится отрыв науки от регулируемых общественных отношений, о чем речь будет идти далее. Правоотношения вполне могут быть исследованы под рубрикой «право», «правовые нормы», поскольку право и правовые нормы должны быть исследованы не только как правила поведения и их совокупности (системы), но и в действии, то есть как правоотношения. Исследование права и правовых норм в аспекте правовых отношений – это не насилие над логикой, не привнесение в понятие права и правовых норм чуждого им содержания, это есть исследование одного из аспектов права и правовых норм.

Таким образом, нужно было бы сосредоточиться на проблеме научного анализа законодательных положений, провести дискуссию в науке и хотя бы немного приблизиться к ответу на вопрос о том, относится ли нормативная основа гражданского права к предмету этой отрасли юридической науки. В учебную литературу вошло мнение о том, что относится. Данное мнение безоговорочно признано, например, в одном из учебников¹. Е. А. Суханов также признает это, но признает он это не прямо, а в виде

¹ Гражданское право: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. С. 14; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 11.

оговорки. Сначала он дает предельно общую характеристику предмета науки гражданского права (одним предложением). В следующем предложении ведущий ученый-цивилист раскрывает содержание науки гражданского права, затем пишет: «Очевидно, как предмет, так и систематизация указанных (составляющих содержание науки гражданского права. – В. Р.) знаний выходит далеко за пределы предмета и системы гражданского права как правовой отрасли науки и не ограничиваются догматическим анализом действующего гражданского законодательства и (или) практики его применения»¹. Представляется целесообразным указать именно на то, что основным элементом предмета науки гражданского права является законодательство. Интересен тот факт, что в науке не принято признавать законодательство эмпирической базой научных исследований. В диссертациях в этой связи выделяют, наряду с эмпирической базой, нормативную основу диссертационных исследований.

Если нормативную основу гражданского права признать частью предмета науки гражданского права, то ее нужно было бы начать интенсивно исследовать, развивая идеи Р. ф. Иеринга, Е. В. Васьковского, Б. Виндшейда и Ф. Быдлински. После этого внедрить в содержание учебного процесса юридических образовательных учреждений соответствующий материал, имея в виду то, что в таких заведениях изучают науку гражданского права, а не гражданское законодательство. Но, если наука гражданского права отвергает, как сегодня, исследование нормативной основы своего предмета, то ей остается признать, что в юридических образовательных учреждениях в действительности изучают не науку гражданского права, а гражданское законодательство и оторванные от нормативной основы теоретические положения.

Признание рассмотренного элемента предмета науки гражданского права неизбежно влечет и углубление методологии науки гражданского права в соответствующей части. Углубление такого рода будет заключаться в развитии идей Р. ф. Иеринга, Б. Виндшейда, Е. В. Васьковского и Ф. Быдлински. К сожалению, мы не можем указать работы других отечественных и зарубежных ученых, в развитие которых можно было бы углублять поиски путей совершенствования методологии исследования

¹ Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2019. С. 52.

нормативной основы гражданского права. Вопреки утверждениям многих ученых о том, что наука гражданского права увлеклась исследованиями позитивистского и даже нормативистского содержания, что позитивизм следует преодолевать, мы утверждаем, что наука гражданского права приобрела вненормативное, а возможно, наднормативное содержание и антинормативную направленность. При таких обстоятельствах ученые перестали развивать методологию исследования нормативной основы, опираясь на добротную эмпирическую базу. Статью 120 Конституции РФ, которая обязывает судей подчиняться при осуществлении правосудия только Конституции РФ и федеральному закону, а также дает направленность мысли ученого, исследующего нормативную основу гражданского права, как таковую предали забвению. Труден будет поворот науки к нормативной основе гражданского права, поскольку основа профессионального изучения права остается в том виде, в каком ее оставили нам римские юристы. На практических занятиях изучают казусы, примеры, случаи, а не несколько сот правил, на базе которых эти казусы разрешаются. И нет профессионалов, которые могли бы обучать применению таких правил.

Исследование гражданско-правового предмета регулирования – второй (хотя, может быть, и первый, поэтому лучше было бы указать слово «иной») компонент предмета науки гражданского права. Цивилистическая методология, отвергнувшая свою нормативную основу, позволила себе дистанцироваться и от этого компонента. Дистанцирование проявилось, по крайней мере, в двух аспектах. На первом остановимся несколько позднее, а второй, тоже существенный, рассмотрим прежде всего. Речь идет о структурировании предмета гражданско-правового регулирования. Такое структурирование для цели регулирования дано в ст. 2 ГК РФ.

В аспекте предмета регулирования обязательственного права – метаинститута гражданского права – в науке принято выделять такие элементы обязательства, как его субъект, объект и содержание, что может быть логическим основанием для выделения соответствующих элементов в общественных отношениях, приобретающих гражданско-правовую форму обязательств. Против такого структурирования правоотношений, а следовательно, и их разновидности, в частности обязательств,

решительно выступил Н. Г. Александров¹. Но его не услышали, а скорее, не пожелали услышать. Вследствие изложенного концепция структуры обязательств, включающей в себя субъекта, объекта и содержание, стала господствующей. Полагаем, научные идеи о выделении элементарных правоотношений в структуре сложных, сформулированные Н. Г. Александровым, как наиболее прозорливым теоретиком советского права, заслуживают гораздо более высокой оценки, чем в настоящее время. Да и структурирование обязательств, которое отражает структуру отношений, регулируемых гражданским правом, предложенное М. М. Агарковым 85 лет тому назад², оценено рядом представителей современного поколения ученых не как имеющее непреходящее значение, не как классика отечественной цивилистической мысли, а как антиквариат, пропахший нафталином и пригодный разве что для цели исследования этого антиквариата. Но научные проблемы методами замалчивания, а тем более игнорирования, не решают. Такие методы – это далеко не лучшие методологические средства. Поэтому методология науки гражданского права должна обратить внимание на методы анализа (или, по словам Р. ф. Иеринга, «разложения») и синтеза, показать возможности их использования для цели исследования предмета гражданско-правового регулирования.

Да, предмет гражданско-правового регулирования, предмет обязательственно-правового регулирования – общественные отношения, приобретающие гражданско-правовую форму обязательств или вообще правоотношений, едины. Но это не означает, что для цели исследования они не могут быть подвергнуты анализу, разложению на элементы по любому критерию, если это способно дать конструктивный результат. Далее, возможно, будет и синтез, но это уже познание соответствующих явлений на более высоком уровне, восхождение от абстрактного, от элементов, выделенных в абстракции, к конкретному сложному явлению, конкретно наблюдаемому, целому, хотя в нем мы и продолжаем видеть элементы, выделенные нами в процессе анализа.

¹ Александров Н. Г. Юридическая норма и правоотношение. М.: тип. ТАСС, 1947. С. 7–19.

² Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. С. 256–288.

Иной аспект проблемы предмета гражданского права, рассматриваемого как общественные отношения, предполагает дифференциацию этих отношений на следующие две группы. Во-первых, это общественные отношения, находящиеся в сфере гражданско-правового регулирования. Во-вторых, - общественные отношения, которые выходят за пределы регулирования данного гражданско-правового института. Эта группа отношений представляет собой отдаленные последствия действия правового института. К этому следует добавить, что вторая группа отношений тоже требует правового регулирования, возможно, гражданско-правового отношения.

Очевиден тот факт, что исследуемый аспект предмета науки гражданского права требует методологического инструментария, который не может в существеннейшей части не отличаться от методов исследования части общественных отношений, которая регулируется данным институтом гражданского права, а тем более от методов исследования нормативной основы гражданского права. Отсутствие понимания проблемы отдаленных последствий действия институтов гражданского права сегодня порождает непреодолимое препятствие для развития методологии науки гражданского права. Можно сделать вид, что такой проблемы не существует. И в этом случае методологию науки гражданского права можно будет развивать без учета отдаленных последствий действия институтов гражданского права.

Попытку осмыслить правовое регулирование общественных отношений в связи с отдаленными последствиями такого регулирования предпринял А. В. Голоскоков. Для этого он обратился к правовой конструкции сетевого права¹. Сразу оговоримся, что данная правовая конструкция представляется нам малопригодной для цели постановки методологической проблематики, поскольку она оторвана от фундаментальных категорий социального действия права, прежде всего от категории правового регулирования. Полагаем, было бы более конструктивным провести границу между правовым регулированием общественных отношений и более отдаленными последствиями действия права. Даже и постановка новой проблемы воспроизводства правового фактора в системе регулируемых общественных отношений лучше бы вписывалась в

¹ Голоскоков А. В. Теория сетевого права: практика и перспективы ее внедрения в России // Власть Закона. 2019. № 1. С. 20.

систему общепризнанных научно-правовых категорий, понятий и конструкций, чем концепция сетевого права. Вслед за этим критическим примечанием можно дать высшую оценку примеру, приведенному А. В. Голоскоковым. Этот пример выражает сущность и проблемы сетевого права, как его понимает ученый, и проблемы отдаленных последствий действия права, а также более глубокое понимание проблемы, требующей всесторонней разработки от юридической науки.

А. В. Голоскоков критически оценивает мысли, высказанные ученым-цивилистом, ранее Президентом России (в момент их формулирования) Д. А. Медведевым о том, что на государство не может быть возложено бремя последствий добровольного участия граждан в строительстве финансовых пирамид. Государство нормами гражданского права урегулировало отношения по поводу купли-продажи акций и других форм массового инвестирования. Эти отношения урегулированы методами гражданского права (равенство, свобода договора, свободное волеизъявление). Остальное – дело сознания и воли участников соответствующих отношений.

Но после урегулирования указанных отношений нормами гражданского права, исходящими от государства, возникли отдаленные последствия гражданско-правового регулирования указанных отношений: миллионы, десятки миллионов обманутых акционеров, вкладчиков, других инвесторов. Они образовали организационно неоформленный социальный слой, который объективно ставит перед государством (полагая наличие отношений, в том числе и правовых, между ним и государством) вопросы о том, как могло государство, по своей сущности социальное, допустить такой массовый обман, косвенно создав условия для этого, как могло государство не увидеть отдаленные последствия действия гражданского права и норм, да еще и заявить устами действовавшего в тот период Президента РФ, что государство не должно было видеть указанные отдаленные последствия и препятствовать их наступлению. И проблема к акционерам (вкладчикам, инвесторам) не сводится, поскольку она глобальна.

Ее пытался понять Р. ф. Иеринг через правовую конструкцию рефлексивного действия права. Имя ученого мы ставим на первое место среди классиков мировой юридической мысли, но в высшей мере критически относимся к соответствующему научному произведению классика, а еще более

критически – к интерпретации этого произведения современными российскими учеными. Уточним, о чем идет речь.

Мы обратили внимание на глобальный характер проблемы отдаленных последствий действия правовых норм, и эту глобальность в высшей мере удачно обнаружил Л. В. Голосковов (хотя и выразил ее неудачно с помощью правовой конструкции сетевого права). Классик же мировой юридической мысли привел нам примеры, недостойные внимания классика. Человек поставил фонарь у своего дома, а сосед в своем доме напротив сидит у окна и читает газеты; человек постелил ковер на лестничной площадке, а сосед в свою квартиру тоже заходит с этой же лестничной площадки и пользуется ковром, топчет его, хотя и не имеет на это права.

Относительно отсутствия права с классиком можно и поспорить. Р. ф. Иеринг четко видел текстуально не выраженные, но логически закреплённые в нормативных положениях правовые нормы. Поэтому он в определении понятия «залог» (в российской доктрине определения понятий принято считать нетипичными правовыми нормами) выделил четыре правовые нормы, а в повелении судьи назначить убийце смертную казнь – запрет на убийство. Но в данном случае классик не увидел, что собственник квартиры имеет право пользоваться лестничной площадкой. И, если сосед покроет ее золотом, то из права пользования площадкой как предыдущего правового явления, вытекает и право пользования позолотой, до того момента, пока сосед ее не снимет. И газету у окна сосед будет читать, пока собственник фонаря не выключит его или не снимет. Рядом с этим явлением Р. ф. Иеринг ставит отказ наследника от наследства, влекущий (независимо от воли отказавшегося наследника) приращение наследственных долей другого наследника (наследственных долей других наследников). Но это уже иное явление, поскольку речь идет о сделке, которая направлена на прекращение соответствующего права наследника, заявляющего отказ от наследства. Что будет на стороне других наследников? Для отказавшегося наследника это не имеет значения. Но для законодателя это не безразлично (не рефлексивно). И он определяет юридическую судьбу доли, от которой наследник отказался.

Однако, если для Р. ф. Иеринга проблема рефлексивного действия права оказалась трудной при размышлении, то в настоящее, так сказать, более просвещенное время ее выбрал для

собственного исследования аспирант Высшей школы экономики А. А. Шакарян. Скорее всего, его выбор одобрил научный руководитель, утвердили кафедра и ученый совет. А затем (косвенно) – лица, участвовавшие в принятии решения о публикации научных работ в ведущем цивилистическом журнале, то есть «Вестнике гражданского права». Принято решение опубликовать статью А. А. Шакаряна первой в номере указанного журнала¹. Теперь, как писал А. С. Пушкин, «обратимся к нашей даме», которая, «беспечной прелестью мила», приглашает нас к знакомству с ней.

В качестве примера рефлексивного действия права А. А. Шакарян в своей статье приводит действие § 142 Уголовного кодекса (УК) ФРГ, который устанавливает уголовную ответственность лица, управляющего транспортным средством, за самовольное оставление места дорожно-транспортного происшествия (ДТП). Рефлексивное действие права автор, а с ним, полагаем, его научный руководитель и издатели увидели в лишении в таких случаях участника ДТП права на страховое возмещение, даже если по остальным критериям он его имел. О таких последствиях, как сообщает А. А. Шакарян, пишут немецкие ученые. Немецкие же суды считают иначе: последствием оставления места ДТП должно быть лишь переложение бремени доказывания наличия страхового случая на участника ДТП, место которого он покинул. Этот разноречивый в интерпретации последствий нарушения § 142 УК ФРГ сам по себе вызывал интерес как показатель «блеска и нищеты немецкой цивилистической догматики» (эти слова отражены в названии статьи Х. Коциоля)². А. А. Шакарян не обратил внимания на то, что подобную проблему Р. ф. Иеринг в период своей жизни и творчества понимал иначе³. Не обратил внимания А. А. Шакарян и на то, что подобная проблема нашла отражение в литературе, изданной в советское время. Даже академик М. С. Строгович приобщился к соответствующей дискуссии. Еще более обширную информацию

¹ Шакарян А. А. Рефлексивное действие права // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 1. С. 7.

² Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 6. С. 227.

³ Иеринг Р. ф. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. С. 302.

предоставляет нам произведение О. Э. Лейста¹. Автор настоящей статьи тоже причастен к этой дискуссии.

Суть проблемы в данном случае заключается в следующем. В § 142 УК ФРГ текстуально закреплена норма уголовного права, устанавливающая уголовную ответственность за оставление места ДТП. Если установлена уголовная ответственность (последующее правовое явление), то становится вполне понятным, что в этом же параграфе закреплена логически норма права, диспозиция которой запрещает участнику ДТП покидать место происшествия (последующее правовое явление, логически жестко связанное с предыдущим, а поэтому истинное). Из этой правовой нормы, как предыдущего правового явления, следует сделать вывод к последующему правовому явлению (содержание правовой нормы, обнаруживаемой при помощи указанного вывода): оставление места происшествия повлекло вредные последствия в виде создания препятствий для установления наличия (отсутствия) страхового случая. Эти препятствия и должен устранить данный участник ДТП на основе правовой нормы, обязывающей участников гражданско-правовых отношений к добросовестному поведению. Оставление места происшествия не связано жестко с правом на страховое возмещение.

Приведенная задача для аспиранта, скорее всего, оказалась непосильной. Изложенное выше - это не полемика профессора с аспирантом, а с теми, кто должен был помочь подобрать для него более подходящую тему исследования, определить направления исследования, позволяющие получить конструктивные результаты более простыми способами. Аспиранту – честь и хвала за то, что он не дрогнул при выборе темы. Но подобную ошибку совершил и его более именитый коллега по науке, профессор В. А. Белов, не без оснований претендующий на роль, если не ведущего, то одного из ведущих ученых-юристов страны. Он увидел рефлексивное действие права в отношениях, которые урегулированы правовыми нормами, логически закреплёнными в п. 1 ст. 426 ГК РФ «Публичный договор». Содержание этого пункта дает некоторые основания для сомнений относительно его интерпретации. Но они устраняются положением абзаца второго п. 3 этой же статьи ГК РФ: «При необоснованном уклонении лица, осуществляющего предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность,

¹ Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2011. С. 65–67.

от заключения публичного договора применяются положения, предусмотренные п. 4 ст. 445 настоящего Кодекса». Этот пункт предусматривает возможность понуждения в судебном порядке к заключению договора. Следовательно, ст. 426 ГК РФ нуждается в адекватной интерпретации, и нет необходимости обращаться к явлению рефлексивного действия права.

Рефлексивное действие права начинается в точке, в которой завершается правовое регулирование. Последствия рефлексивного действия права могут быть локальными (если их рассматривают применительно к отдельному лицу или нескольким лицам) и глобальными (если они затрагивают интересы большого круга лиц). В последнем случае государство предвидит или замечает неблагоприятные последствия для многих. И при этом устанавливает специальное регулирование отношений, связанных с отдаленными последствиями действия права, например принимает закон о банкротстве.

Рефлексивное действие права не может быть завершено в определенной точке или в определенное время. Наука должна стремиться выявить отдаленные последствия действия права, разумеется, в пределах возможного. Выявленные отдаленные последствия рефлексивного действия права можно было бы признать, по крайней мере, в соответствующей части, совпадающими с исследованием эффективности действия права. Уже в 70-е гг. прошлого столетия юридическая наука начала исследовать эффективность права, и она избрала критерием оценки такой эффективности цели соответствующих правовых норм. Во-первых, не только сужена исследуемая научная проблематика, но и ей придан признак неопределенности. Изложенное можно сегодня подтвердить обращением к целям, которые закреплены в двух кодексах. Трудовой кодекс (ТК) РФ целями трудового законодательства называет установление государственных гарантий трудовых прав и свободы граждан, создание благоприятных условий, защиту прав и интересов работников и работодателей (ст. 1). Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) РФ целями уголовно-исполнительного законодательства признает исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами.

Итак, цели трудового законодательства, определенные законодательно, не выходят за пределы действия трудового законодательства. Цели уголовно-исправительного

законодательства находятся далеко за пределами уголовно-исполнительного регулирования, в сфере, отдаленной от этого регулирования. Определяя цели, законодатель ориентировался на последствия, возникающие, в частности, и под влиянием уголовно-исполнительного регулирования, но не только его. Последствия являются отдаленными от точки, в которой уголовно-исполнительное регулирование завершается.

ГК РФ, как и большинство других кодексов, цели регулирования не определяет. С точки зрения А. С. Еременко, гражданское законодательство «нацелено на поддержание и укрепление правопорядка в гражданском обороте»¹, то есть цели гражданского законодательства автор понимает как находящиеся в сфере регулятивного действия этой отрасли законодательства. При такой неопределенности в понимании целей законодательства и в законодательстве, и в науке целесообразно вести речь о двух аспектах. Во-первых, о выявлении ближайших последствий, находящихся в пределах сферы регулятивного действия соответствующего закона, законодательства. Во-вторых, об отдаленных последствиях, возникающих за пределами правового регулирования, осуществляемого соответствующим законом, законодательством. Это исключило бы сужение сферы научных исследований. Но один из упомянутых выше ведущих современных исследователей проблем юридической методологии склоняется к признанию целей законодательства и законов критериями их эффективности, даже не упоминая об отдаленных последствиях действия права. Между тем разработка проблем методологии исследования отдаленных последствий действия права могла бы существенно определить содержание юридической методологии.

Обратим внимание на отдаленные последствия действия гражданского права, в частности формирование организационно неоформленных социальных групп. Ранее мы упомянули социальную группу обманутых акционеров, вкладчиков, инвесторов, о которых пишет Л. В. Голоскоков. Эту проблематику можно дополнить определенным последствием действия других норм гражданского права. Так, правоспособные лица в соответствии со ст. 18 ГК РФ могут заниматься предпринимательской деятельностью и создавать юридические

¹ Еременко А. С. Теория и методология гражданского правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 4.

лица, некоммерческие и коммерческие. Последние преследуют цель извлечения прибыли (п. 1 ст. 50 ГК РФ). Отдаленным последствием действия этих норм является образование социальной группы людей, которые извлекают указанную выше прибыль. На языке марксистско-ленинского учения – это класс капиталистов, которым противостоит класс наемных работников, труд которых эксплуатирует класс капиталистов (эксплуататоров). Общество от марксистско-ленинской терминологии в основном отказалось, но вследствие этого социальные группы (слои) людей, живущих за счет извлечения прибыли, и людей, живущих за счет продажи рабочей силы (наемных работников), не исчезли.

Не исчезли противоречия и между указанными социальными группами (слоями). Существует общественное отношение не только между нанимателем рабочей силы (работодателем, капиталистом) и отдельным наемным работником, но и между социальной группой (слоем, классом) нанимателей (работодателей, капиталистов) и социальной группой (слоем) наемных работников. Противоречия между двумя социальными группами (слоями) объективно непримиримы. Но накоплен мировой опыт смягчения этих противоречий. Существование этих социальных групп (слоев) и общественных отношений между ними, в том числе и противоречий, обусловлены указанными выше положениями гражданского законодательства. Иными словами, такие и подобные отношения в законодательстве могут быть закреплены (урегулированы) прямо. Но чаще и их существование, и состояние являются отдаленными последствиями действия правовых норм, регулирующих отношения между указанными лицами (физическими и юридическими).

Для понимания того, о каких общественных отношениях идет речь (особенно это относится к поколению, которое опоздало изучать три источника и три составные части марксизма), можно сравнить рассмотренные отношения с отношениями, которые регулируются ст. 10 Конституции РФ. Указанная статья регулирует отношения между ветвями власти, но она способна регулировать и отношения с участием индивидов (например, занимающих должности судей), которые обязаны не выходить за пределы полномочий судебной ветви власти. Насколько нам известно, к осмыслению и такого рода отношений, как предмета правового регулирования, и такого рода нормативных регуляторов юридическая наука не приступила. Не создана методология исследования этих феноменов.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что интенсивные исследования юридической, в том числе цивилистической, методологии внесли существенный вклад в развитие юридической науки, в частности науки гражданского права. Но эти исследования в значительной мере обесцениваются неопределенностью понимания предмета юридической науки, в том числе цивилистической методологии, упорным нежеланием ученых разрабатывать методологию научного анализа законодательства в духе Р. ф. Иеринга, Б. Виндшейда, Е. В. Васьковского, Ф. Быдлински и юридическую, в том числе гражданско-правовую методологию исследования отдаленных последствий действия права.

Библиографический список

1. *Агарков М. М.* Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 490 с.
2. *Александров Н. Г.* Юридическая норма и правоотношение. М.: тип. ТАСС, 1947. 27 с.
3. *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть: учебник: в 2 т. Т. 1. Введение в гражданское право. М.: Юрайт, 2011. 521 с.
4. *Белов В. А.* Предметно-методологические проблемы цивилистической науки // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2008. С. 124–160.
5. *Васьковский Е. В.* Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 508 с.
6. *Виндшейд Б.* Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть. СПб.: изд. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. 370 с.
7. *Голоскоков А. В.* Теория сетевого права: практика и перспективы ее внедрения в России // Власть Закона. 2019. № 1. С. 20–41.
8. Гражданское право: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 543 с.
9. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
10. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 1. Общая часть / под ред. Е. А. Суханова. М.: Статут, 2019. 576 с.

11. *Еременко А. С.* Теория и методология гражданского правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 621 с.
12. Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Городец, 2000. 272 с.
13. *Иеринг Р. ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 618 с.
14. *Иеринг Р. ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. 2. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 545 с.
15. *Коциоль Х.* Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // Вестник гражданского права. 2012. Т. 12. № 6. С. 227–288.
16. *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2011. 352 с.
17. *Пугинский Б. И., Сафиуллин Д. Н.* Правовая экономика. Проблемы становления. М.: Юрид. лит., 1991. 240 с.
18. *Савиньи Ф. К. ф.* Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. 510 с.
19. *Семенуха Т. Б.* Правоотношения, возникающие при заключении публичных договоров: виды и правовая природа // Юридический вестник Самарского университета. 2021. Т. 7. № 4. С. 117–123.
20. *Семякин М. Н.* Методология цивилистического правоповедения: проблемы, поиски, решения: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 424 с.
21. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т. Я. Хабриевой, В. В. Лазарева. М.: Норма: Инфра-М, 2017. 432 с.
22. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права: в 2 т. Т. 2. Логика правового исследования. М.: Юстицинформ, 2004. 560 с.
23. *Третьяков С. В.* К проблеме использования исторической аргументации в цивилистической доктрине // *Неволин К. А.* История российских гражданских законов. Ч. 1. Введение и книга первая о союзах семейственных. М.: Статут, 2005. С. 5–38.
24. *Шакарян А. А.* Рефлексивное действие права // Вестник гражданского права. 2024. Т. 24. № 1. С. 7–51.

Н. В. Стус

профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия,
доктор юридических наук, доцент
Россия, г. Краснодар
ninastus@mail.ru

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
И ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ¹**

**DIGITALIZATION AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN
JUDICIARY: A COMPARATIVE AND HISTORICAL-LEGAL
ANALYSIS**

В статье предлагается историко-теоретический анализ процессов формализации и алгоритмизации правосудия, от римских формулярных процессов до современных цифровых судов. Автор показывает, что внедрение искусственного интеллекта в судебную сферу не является революционным событием, а продолжает многовековую традицию стремления к предсказуемости, единообразию и эффективности

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 25-28-00129 «LegalTech в семейном бизнесе как драйвер устойчивого развития: экономико-правовая инфраструктура».

правоприменительной практики. Рассмотрены ключевые этапы этого процесса: римское право и преторские эдикты, кодификации Средневековья и Нового времени (Каролина, Наполеоновский кодекс, Германское гражданское уложение), позитивистская теория права Г. Кельзена, а также современные этапы информатизации и цифровизации правосудия. В работе проведено различие между понятиями «электронное правосудие» и «цифровое правосудие», обоснованы их преемственность и роль в подготовке почвы для интеграции технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, искусственный интеллект, электронное правосудие, формализация права, алгоритмизация судопроизводства, цифровое правосудие, автоматизация правоприменительной деятельности, историко-правовой анализ, информационные технологии в судебной системе, нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта.

The article offers a historical and theoretical analysis of the processes of formalization and algorithm construction of justice, from Roman formula processes to modern digital courts. The author demonstrates that the introduction of artificial intelligence into the judicial sphere is not a revolutionary phenomenon but rather a continuation of a centuries-old tradition of striving for predictability, uniformity, and efficiency in law enforcement practice. The key stages of this process are examined: Roman law and praetorian edicts, Medieval and modern codifications (the Carolina, the Napoleonic Code, the German Civil Code), Hans Kelsen's positivist legal theory, as well as the contemporary stages of informatization and digitalization of justice. The article distinguishes the concepts of "electronic justice" and "digital justice," substantiating their continuity and role in preparing the ground for the integration of artificial intelligence technologies into judicial activities.

Keywords: digitalization of justice, artificial intelligence, e-justice, formalization of law, algorithm construction of legal proceedings, digital justice, automation of law enforcement activities, historical and legal analysis, information technology in the judicial system, legal regulation of artificial intelligence.

Современный период общественного развития характеризуется стремительным внедрением цифровых технологий во все сферы социальной жизни. Создание искусственного интеллекта (далее – ИИ), цифровизация экономики и целого ряда общественных процессов формируют новую социальную реальность, требующую научного осмысления и правового опосредования. Развитие технологий ИИ, их внедрение в различные сферы общественной жизни, производства и потребления служит мощным стимулом для развития национального и международного законодательства в этой сфере¹.

Сфера правосудия не является исключением. Одним из наиболее дискуссионных направлений этой трансформации стало использование систем ИИ в судебной деятельности. Если еще недавно автоматизация ограничивалась электронным документооборотом и онлайн-доступом к судебным актам, то сегодня обсуждается возможность применения алгоритмов для анализа доказательств, прогнозирования исходов дел и даже подготовки проектов судебных решений. Эти процессы актуализировали фундаментальную дискуссию о пределах замены человеческого суждения машинными алгоритмами.

Однако идея формализации правосудия имеет длительную и разнообразную историю. В настоящей статье предлагаем исследовать рассматриваемую проблематику в историко-теоретической ретроспективе и показать, что использование ИИ в правосудии не является революционным событием, а продолжает многовековой процесс формализации права, направленный на достижение предсказуемости, единообразия и эффективности судебной практики.

История права свидетельствует о том, что стремление к формализации и стандартизации юридических процедур возникло задолго до цифровой эпохи. Уже в Античности формальную справедливость (*aequitas*) понимали как соблюдение установленных законом и процедурой норм, обеспечивающих равное и предсказуемое рассмотрение юридических споров². В рамках римского права ключевыми элементами формализации

1 Камышанский В. П., Лейбинен Н. А., Мантул Г. А., Руденко Е. Ю. Цифровизация и интеллектуальные права в сфере агропромышленного комплекса: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2025. С. 17.

2 См.: Кирюхин Д. И. Справедливость как *aequitas* и *justitia* в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2013. № 3. С. 63.

права стали формулярный процесс и институт преторских эдиктов. Формулярный процесс представлял собой процедуру рассмотрения дела, при которой назначенный судья принимал решение по формуле, выдаваемой претором¹. Этот процесс закреплял принцип формальной справедливости за счет стандартизации судебных вопросов и процедур. Формуляр служил одновременно программой судебного разбирательства и инструментом ограничения произвольности, так как судья не мог выйти за пределы определенного императива.

Институт преторских эдиктов выполнял роль динамического элемента в правовой системе Рима, способствуя адаптации правил правосудия к изменяющимся социальным реалиям². Формулярный процесс и преторские эдикты представляют собой две взаимодополняющие стороны формализации античного правосудия. Они были фундаментальными прецедентами истории формализации правосудия.

В период Средневековья кодификация Каролина (*Constitutio Criminalis Carolina*, 1532 г.)³ четко определила преступления и соответствующие наказания, существенно формализовала процесс доказывания: необходимо было получить показания не менее двух свидетелей для признания преступления доказанным, регламентированы проведение пыток и получение признательных показаний от обвиняемого. Эта кодификация, продолжая традиции Античности, не только систематизировала Уголовный кодекс, но и обеспечила более формализованный и стандартизированный подход к доказательствам.

В этот период истории права канонический закон также стал вкладом в процесс формализации права. Каноническое право, как свод священной мудрости, было не просто сводом правил, но и живым организмом, впитывающим в себя принципы веры, нравственности и общего блага. Каждый случай, рассмотренный по каноническому праву, служил основанием для создания судебных прецедентов, то есть устойчивых образцов, которые становились мерилom правосудия.

1 См.: Кудинов О. А. Римское право: учеб. пособие. 4 е изд. М.: Дашков и К°, 2013. С. 83–84.

2 Вологдин А. А. Римское право: учебник и практикум. М.: Юстиция, 2015. С. 27.

3 См.: Каролина: Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и примеч. С. Я. Булатова; отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата: Наука, 1967. С. 14.

В XVIII–XIX веках формализация права достигла качественно нового уровня благодаря кодификационным процессам. В этот период происходил переход от феодальных и обычных норм к систематизированным кодификациям права. Так, Наполеоновский кодекс (Code Napoleon)¹, который принят в 1804 г., стал одним из первых современных гражданских кодексов, систематизировавших нормы частного права и провозгласивших принципы гражданских свобод, равенства перед законом и светский характер права.

Объединение Германии в 1871 г. создало предпосылки для создания единого гражданского законодательства. В 1896 г. принято Германское гражданское уложение² – крупнейшая кодификация буржуазного права.

Развитие алгоритмизации, то есть процесса формализации знаний и процедур с целью их дальнейшей автоматизации, требует глубокого теоретического обоснования. Ключевым этапом формирования такой базы стала позитивистская теория права Г. Кельзена. Его «чистая теория права»³ основана на строго структурированной научной модели права, отделенной от социальных, моральных и политических факторов. Ключевой вклад Г. Кельзена состоит в разработке концепции нормы права как логической структуры, при которой обеспечен переход от описательной модели к формализованной⁴. Указанный подход дал толчок развитию алгоритмических методов в различных дисциплинах, включая информатику и ИИ. Основу алгоритмов составили логическая структура норм, иерархия норм, определенность и обезличенность норм. Таким образом, позитивистская теория Г. Кельзена стала одним из фундаментальных этапов, обеспечивших переход от качественных описаний к формальным моделям, необходимым для алгоритмизации и цифрового моделирования.

1 Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) – Code civil des Français (Code Napoleon) / пер. с фр. В. Н. Захватаева. М.: Инфотропик Медиа, 2012. 624 с.

2 Гражданское уложение Германской империи / пер. с нем. СПб.: тип. Правительствующего сената, 1898. XVI. 506 с.

3 См.: Kelsen H. Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik. Leipzig; Wien: Deuticke, 1934. XIV. S. 17.

4 См.: Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechts-satz. Tübingen: Mohr, 1923. XXXVI. S. 11; Kelsen H. General theory of law and state. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1949. XXXIII. P. 22; Kelsen H. On the Basic Norm // California Law Review. 1959. Vol. 47. No. 1. P. 107.

С XX века и до настоящего времени процесс формализации и цифровизации правосудия представляет собой постепенный переход от традиционных бумажных носителей к использованию информационно-коммуникационных технологий. Данный процесс можно разделить на следующие этапы.

1. Ранний период (середина XX в. – 1980-е гг.):

- формирование первых электронных машин (ЭВМ) и начало применения их в государственных структурах;
- появление базовых информационных систем для учета судебных дел и документации;
- начало автоматизации отдельных процессов в судах, прежде всего документооборота.

2. Этап информатизации (1990-е – начало 2000-х гг.):

- активное внедрение электронных технологий в работу судебных органов;
- электронный документооборот, применение аудио- и видеозаписей судебных процессов;
- появление термина «электронное правосудие».

3. Переход к цифровому правосудию (настоящее время):

- развитие комплексных государственных автоматизированных систем, таких как ГАС «Правосудие», АИС «Мой арбитр»;
- выделение понятия цифрового правосудия как формы существования судебной информации преимущественно в цифровом виде, с возможностью равного статуса цифровых коммуникаций и традиционного взаимодействия;
- расширение применения технологий видео-конференц-связи и онлайн-заседаний, электронного представления доказательств;
- решение проблем интеграции различных информационных систем, стандартизации обмена данными и их защиты.

Важным является точное разделение понятий «цифровое правосудие» и «электронное правосудие». Электронное правосудие – это использование информационно-коммуникационных технологий судами для осуществления правосудия. Оно предполагает внедрение электронного документооборота, систем видео-конференц-связи и других технических средств, позволяющих участникам процесса подавать документы в электронном виде, получать уведомления и участвовать в судебных заседаниях дистанционно. Цифровое правосудие, в свою очередь, характеризуется переходом большей части

коммуникаций и процессов в цифровую среду, в которой данные обрабатываются и существуют преимущественно в цифровом формате. Это понятие подразумевает создание единой цифровой экосистемы правосудия, интеграцию различных государственных и судебных систем, использование облачных технологий, биометрической аутентификации и элементов ИИ.

В России развитие электронного правосудия началось с внедрения систем электронного документооборота и видеоконференций. Цифровое правосудие развивается сегодня через такие сервисы, как «Правосудие онлайн», позволяющие обеспечить более высокую эффективность, доступность и прозрачность судебной системы.

Цифровизация правосудия и использование ИИ требуют стандартизации и четкого законодательного регулирования. Одной из главных проблем цифровизации правосудия видится ограничение доступа к судебным процессам в режиме реального времени. Несмотря на имеющуюся техническую возможность проведения видеотрансляций, доступ к ним зачастую ограничен для широкой публики и представителей СМИ, а значит, принцип гласности нарушается. Вынужденное ограждение судебных заседаний цифровыми барьерами снижает уровень общественного контроля и подрывает доверие к правосудию.

Цифровизация несет риск нарушения прав участников процесса, связанных с защитой личных данных и обеспечением конфиденциальности. Ошибки в техническом обеспечении или недостаточная квалификация пользователей могут привести к утрате доказательств или искажению информации. Кроме того, не все граждане обладают достаточными навыками использования технических средств или не имеют таких средств, что создает барьер для реализации права на доступ к правосудию и равенство прав всех участников судебного разбирательства.

В некоторых судах Российской Федерации (РФ) уже применяют ИИ в соответствии с внутренним регламентом, но нередко работники судов по собственной инициативе используют ИИ для создания шаблонных решений и приказов¹. Пока нет отдельного официального регламента по сертификации судебных нейросетей. Ключевые нормативные документы – ГОСТы –

¹ Лаптев В. Искусственный интеллект в суде – одна инстанция // Право.ру. 2024. 26 августа. URL: <https://pravo.ru/opinion/254748/> (дата обращения: 15.09.2025).

устанавливают общие требования к системам ИИ, в том числе их безопасность, надежность и этичность применения. Для специфики судебных нейросетей необходимо создать реестры и базы данных (dataset) в целях обучения и проверки нейросетей, что поможет контролировать качество и корректность работы ИИ в судебной системе. Кроме того, особое значение имеет сертификация специалистов, управляющих такими сетями и обслуживающих их. В настоящее время судебный ИИ строится на основе общих стандартов и требует дальнейшего развития специальных регламентов.

На региональном уровне применяют сегодня различные ИИ-системы, например для распознавания речи, анализа нормативных актов, подготовки проектов судебных документов. В судах Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Владимирской и Иркутской областей ИИ используют для протоколирования судебных заседаний с автоматической транскрипцией. В Вологодском областном суде нейросети анализируют документы и готовят проекты судебных актов. Верховный Суд Республики Коми изучает ИИ для поиска и анализа нормативных актов¹.

Регламенты российских судов по использованию ИИ в судебной деятельности пока находятся на стадии активного формирования и внедрения. Совет судей РФ сформировал рабочую группу по внедрению ИИ. Концепция рабочей группы сформулирована в апреле 2025 г. Главная задача – определение основных целей и разработка плана мероприятий по внедрению ИИ в судебную систему с акцентом на повышение прозрачности, доступности и эффективности правосудия. План мероприятий на 2025 г. включает в себя разработку и утверждение нормативной базы, регулирующей применение ИИ в судебной системе. В числе основных направлений – обучение цифровой грамотности судей и сотрудников судов, создание единой платформы с элементами ИИ для автоматизации судебного делопроизводства².

Итак, выделим следующие проблемы применения ИИ в правосудии:

1 Куликов В. Третью российских судов уже начала внедрять системы искусственного интеллекта в работу // Российская газета. 2025. 21 мая.

2 Куликов В. Совет судей изучит возможность применения ИИ в судебной системе // Российская газета. 2025. 16 апреля.

– недостаток нормативно-правового регулирования; основная база для регулирования ИИ представлена стратегическими документами и программами, но подробное законодательство отсутствует либо находится в начальной стадии формирования;

– проблема прозрачности и объяснимости решений ИИ, что порождает недоверие к документам, сгенерированным с помощью ИИ;

– отсутствие достаточного количества данных для обучения ИИ по причине разрозненности судебной информации и проблем, связанных с ее цифровизацией во многих регионах РФ;

– риски этического характера;

– технические и инфраструктурные ограничения, отсутствие подготовленных кадров во всех регионах РФ.

В настоящее время ИИ работает как вспомогательный элемент, технический помощник. Полный контроль за использованием ИИ сохраняет судья, который несет ответственность за принятые судебные решения.

В заключение краткого исторического обзора, от формализации до цифровизации правосудия, важно указать, что правовая система на протяжении веков развивалась в направлении большей предсказуемости, формализации и эффективности. От римского права и средневековых кодификаций до современных цифровых платформ прослеживается единая линия, в частности стремление к стандартизации юридической практики и минимизации субъективного фактора. Современный этап – цифровизация и внедрение технологий ИИ – является логическим продолжением этой исторической тенденции.

Рассмотрение эволюции юридической систематизации позволяет глубже понять природу современных электронных сервисов правосудия и их будущую трансформацию. Для правоприменителей и разработчиков цифровых платформ важно осознавать, что цифровое правосудие служит не только инструментом ускорения процессов, но и элементом правовой традиции, формирующим новые стандарты доступа к правосудию.

Таким образом, цифровизация правосудия – это не разрыв с традицией, а ее закономерное продолжение. Она открывает новые горизонты для повышения эффективности судебной деятельности, но одновременно ставит перед правовой наукой и обществом

принципиальные вопросы о границах автоматизации и сохранении справедливости как фундаментальной ценности права.

Библиографический список

1. Вологдин А. А. Римское право: учебник и практикум. М.: Юстиция, 2015. 256 с.
2. Камышанский В. П., Лейбинен Н. А., Мантул Г. А., Руденко Е. Ю. Цифровизация и интеллектуальные права в сфере агропромышленного комплекса: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ, 2025. 100 с.
3. Каролина: Уголовно-судебное уложение Карла V / пер., предисл. и примеч. С. Я. Булатова; отв. ред. С. З. Зиманов. Алма-Ата: Наука, 1967. 152 с.
4. Кирюхин Д. И. Справедливость как *aequitas* и *justitia* в философско-правовой мысли Древнего Рима // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2013. № 3. С. 63–77.
5. Кудинов О. А. Римское право: учеб. пособие. 4 е изд. М.: Дашков и К°, 2013. 240 с.
6. Куликов В. Совет судей изучит возможность применения ИИ в судебной системе // Российская газета. 2025. 16 апреля.
7. Куликов В. Третей российских судов уже начала внедрять системы искусственного интеллекта в работу // Российская газета. 2025. 21 мая.
8. Лаптев В. Искусственный интеллект в суде – одна инстанция // Право.ru. 2024. 26 августа. URL: <https://pravo.ru/opinion/254748/> (дата обращения: 15.09.2025).
9. Kelsen H. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre, entwickelt aus der Lehre vom Rechts-satz. Tübingen: Mohr, 1923. XXXVI. 709 s.
10. Kelsen H. Reine Rechtslehre: Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik. Leipzig; Wien: Deuticke, 1934. XIV. 236 s.
11. Kelsen H. General theory of law and state. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1949. XXXIII. 516 p.
12. Kelsen H. On the Basic Norm // California Law Review. 1959. Vol. 47. No. 1. P. 107–110.

УДК 34, 340.1
ББК 67.4

Ю. В. Блохин
эксперт Центра
экономического правосудия
Института государственной
службы и управления
РАНХиГС при Президенте РФ,
кандидат юридических наук
Россия, г. Москва
Blohin55@mail.ru

В. В. Зайцев
директор Центра
экономического правосудия
Института государственной
службы и управления РАНХиГС
при Президенте РФ,
доктор юридических наук,
профессор,
заслуженный юрист России
Россия, г. Москва
Vladimir@zaytsev.pro

СТАНОВЛЕНИЕ КОНТРСАНКЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ

THE DEVELOPMENT OF COUNTER-SANCTIONS LEGISLATION IN RUSSIA

В статье рассмотрена проблематика формирования нормативного механизма регулирования ответных (встречных) санкционных отношений (контрсанкции). Содержательные границы нормообразования контрсанкционной тематики определены оригинальным предметом его регулятивного воздействия, содержание которого обусловлено однородностью общественных отношений, возникших в связи с введением встречных ограничений и запретов в ответ на антироссийские санкции. Утверждается, что рассматриваемая совокупность нормативных актов обладает признаками отрасли законодательства. Отраслевая организация позволяет обеспечить целевое единство и системное взаимодействие множества контрсанкционных мер. Особое внимание уделено анализу регулятивного статуса президентских указов в составе контрсанкционного законодательства, показана их «законозамещающая» функция.

Ключевые слова: санкции, контрсанкции, контрсанкционное законодательство, отрасль законодательства, предмет правового регулирования, ограничения права, гражданское право, недружественные государства.

This article examines the development of a mechanism for legal regulation of retaliatory (counter) sanctions. The substantive boundaries of the norm-setting of counter-sanctions topics are determined by the original subject of its regulatory impact, the content of which is determined by the homogeneity of social relations that arose in connection with the introduction of counter-restrictions and prohibitions in response to anti-Russian sanctions. The article argues that the set of regulatory acts under consideration possesses all the characteristics of a branch of legislation. Branch organization allows for targeted unity and systemic interaction across multiple counter-sanction measures. Particular attention is paid to the analysis of the regulatory status of presidential decrees as part of counter-sanctions legislation, and their “law-substituting” function is demonstrated.

Keywords: sanctions, counter-sanctions, counter-sanctions legislation, branch of legislation, subject of legal regulation, restriction of right, civil law, hostile countries.

Ярким событием в современном отечественном законодательстве стало формирование нового массива нормативных актов, посвященного регулированию общественных отношений, возникших в связи с введением встречных (ответных) ограничений и запретов в ответ на антироссийские санкции. Соразмерность и своевременность принятия таких регулятивных мер очевидна, поскольку для российского государства необходимо было быстро создать новые правовые средства (меры) реагирования на вводимые против него санкции с целью устранения или, по крайней мере, минимизации последствий угроз, которые они несут в себе для экономики подсанкционного государства¹.

С момента начала специальной военной операции (СВО) мы наблюдаем взрывообразный рост нормативных актов, посвященных регулированию правоотношений, возникающих при

¹ По состоянию на 17 октября 2024 г. в отношении РФ введено и действует беспрецедентное количество санкций США и их союзников: 17 290 санкций. См.: Санкции против России: актуальная статистика // X-Compliance. URL: <https://x-compliance.ru/statistics?ysclid=miggcty7nf318486490> (дата обращения: 17.10.2025).

введении ответных специальных экономических мер¹, мер воздействия (противодействия)² или временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности, например, в сфере валютного регулирования, в области обращения ценных бумаг или в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций³.

Данная нормативная совокупность отличается общим регулятивным свойством: это ответный характер реагирования (противодействия) на санкционное поведение недружественных государств (международных организаций). Противодействие проявляется двояко. Одна группа актов содержит правила с указанием информации о том, против кого направлены (введены) ограничения или запреты. В качестве их объекта выступают иностранные государства, международные организации, юридические лица и граждане (подданные) иностранных государств.

¹ О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: указ Президента РФ от 03 мая 2022 г. № 252 (в ред. от 22.12.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 19. Ст. 3188; О применении специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с установлением некоторыми иностранными государствами предельной цены на российские нефть и нефтепродукты: указ Президента РФ от 27 декабря 2022 г. № 961 (в ред. от 10.06.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 194.

² О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: федер. закон от 04 июня 2018 г. № 127-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394; О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств: указ Президента РФ от 23 апреля 2021 г. № 243 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 17. Ст. 2949.

³ О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации в сфере валютного регулирования: указ Президента РФ от 18 марта 2022 г. № 126 (в ред. от 14.11.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 12. Ст. 1808; О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: указ Президента РФ от 01 марта 2022 г. № 81 (с изм. от 20.05.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1466; О применении дополнительных специальных экономических мер в топливно-энергетической сфере в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций: указ Президента РФ от 07 октября 2022 г. № 723 (в ред. от 01.09.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 41. Ст. 7055.

Этот же ответный (встречный) способ реагирования на санкционное воздействие может быть организован иначе, посредством введения ограничений для отдельных категорий резидентов при совершении ими некоторых видов сделок (операций), например с иностранными лицами, связанными с недружественными государствами¹. Такие ограничения представляют собой одну из разновидностей механизма встречного (ответного) способа реагирования российской стороны на ранее введенные против нее санкции.

С учетом указанного выше можно сделать промежуточный вывод: особенностью регулятивного статуса нормативных актов антисанкционной направленности, связанных с либо с введением ограничений (как правило, в виде запретов) «против кого-то», либо с установлением ограничений (в основном в виде разрешительных процедур) «для кого-то», является то, что все они содержат различные варианты ответного характера российских ограничительных мер². Данная специфика актов прямо отражена в их заголовке, в котором присутствуют различные варианты словосочетания «ответные меры» (ответные специальные меры, меры противодействия). Тем самым, по нашему мнению, нормотворец стремится подчеркнуть целевую и содержательную особенность ограничительных мер правового регулирования санкционных отношений, поскольку всем им присущ ответный характер реагирования (противодействия) на санкционное поведение недружественных государств (международных организаций). В дальнейшем для обозначения рассматриваемой совокупности нормативных актов нами будут использованы понятие «контрсанкции» и производные от него словосочетания (например, акты контрсанкционной направленности, антисанкционные меры, контрсанкционное законодательство), позволяющие точнее и полнее отразить их предметное и целевое своеобразие.

При изучении массива нормативных актов контрсанкционной направленности сразу возникает вопрос о его структурной принадлежности, о том, относится ли это образование

¹ См., напр.: о дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг: указ Президента РФ от 03 марта 2023 г. № 138 (в ред. от 09.09.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 10. Ст. 1662.

² Габова А. В. Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 120–121.

к межотраслевому институту или оно представляет собой законодательную отрасль. Первым шагом при решении такой исследовательской задачи становится «собрание» воедино совокупности однородных нормативных актов на основе общего для них предмета правового регулирования. В теории права предмет правового регулирования справедливо характеризуется как решающий классифицирующий критерий в деле структурного и содержательного обособления наблюдаемой нормативной общности в системе действующего законодательства¹. Понятие «предмет» означает определенный вид общественных отношений, под которым принято понимать группу общественных отношений, выделенную по одному, двум или нескольким более общим признакам².

Отталкиваясь от данных элементарных (основополагающих) знаний об условиях формирования структурно обособленных единиц действующего законодательства, можно предположить, что основанием для содержательного обособления нормообразования контрсанкционной тематики служит наличие у него оригинального (только ему присущего) предмета регулятивного воздействия. Последний представляет собой совокупность (группу) фактических отношений, возникающих и по поводу введения ответных (встречных, контрсанкционных) запретов прав иностранных государств, и в связи с наложением ограничений на резидентов при совершении ими определенных видов сделок. Для уточнения содержательных границ предмета регулирования необходимо также установить (специфицировать) юридические особенности западных и российских ограничительных мер.

В научной литературе накоплен большой массив публикаций о сути экономических санкций. С учетом междисциплинарного характера темы он включает в себя работы экономистов и юристов. Становится понятным, что при оценке экономических основ любой ограничительной (санкционной) политики нужно учитывать правовой аспект, поскольку ни одна ограничительная

¹ Алексеев С. С. Предмет советского социалистического гражданского права // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Гражданское право. Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010. С. 21.

² Шебанов А. Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. С. 24, 26; Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства // Избранное / сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. С. 53.

мера (санкция) по понятным причинам не может быть обоснована только геополитическим противостоянием или экономической конкуренцией.

Относительно правовой характеристики западных антироссийских санкций среди отечественных правоведов сформировано общее понимание об их противозаконности, поскольку все они приняты в обход решений Совета Безопасности ООН¹. Иными словами, такого рода санкции вступили в прямое противоречие с принципом верховенства международного права². Антироссийские санкции принято подразделять на первичные и вторичные. Целеполаганием первичных служит посягательство на российский публичный правовой порядок, и по этой причине они не подлежат применению на основании норм п. 2 ст. 1192, ст. 1193 Гражданского кодекса (ГК) РФ («оговорка о публичном порядке»). Неправомерность вторичных санкций обусловлена нарушением экономических и/или суверенных прав третьих стран³. Общее целевое назначение западных санкций состоит в намерении оказать мультипликативный отрицательный эффект сразу на несколько видов общественных отношений подсанкционной страны⁴.

Российские ограничительные экономические меры отличаются от западных юридически и функционально. Прежде всего их рассматривают в качестве составной части публичного правового порядка РФ, и потому они носят легальный характер (ст. 1 Федерального закона от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ «О

¹ Бахин С. В., Еременко И. Ю. Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 164; Тимофеев И. Н. Противодействие экономическим санкциям: российский законодательный и институциональный опыт // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 4. С. 10; Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. Т. 3. № 3. С. 120.

² Камышанский В. П. Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4. С. 17.

³ Кехлер Х. Санкции и международное право // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 38.

⁴ Шахназаров Б. А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7. С. 144.

специальных экономических мерах и принудительных мерах»)¹. Согласно норме ст. 2 этого же законодательного акта их целевое назначение состоит в устранении или минимизации угроз экономическим интересам и безопасности РФ. Сегодня именно масштабность западных санкций и скорость их введения потребовали от государства принятия таких же срочных и пропорциональных мер ответного реагирования (контрсанкций), что привело к образованию в деятельности государственных органов нового направления по упорядочению (организации) ими оригинального вида общественных отношений, в частности контрсанкционных.

«Вторжение» мер противодействия в сферу регулирования сложившихся видов правоотношений (экспортно-импортных, корпоративных, кредитно-денежных, валютных и расчетных отношений, отношений в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, операций) привело к формированию новых разновидностей частноправовых и публично-правовых отношений с четко выраженным в них контрсанкционным «началом». В свою очередь, содержательная новизна контрсанкционных правоотношений создала материальную основу для структурного обособления совокупности нормативных актов, специализирующихся на регламентации такого рода отношений. Вследствие этого возникает вопрос о структурном статусе такой совокупности, о том, образует ли она межотраслевой институт или представляет собой сформировавшуюся законодательную отрасль.

В научной периодике высказано оригинальное мнение, согласно которому в российской правовой системе создан и развивается институт контрсанкций, объединяющий группу правовых норм публичного права (административного, административно-процессуального, валютного, гражданско-процессуального, таможенного, финансового (как комплексная отрасль публичного права) и частного (гражданского, предпринимательского, корпоративного) права². Как нам

¹ О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44.

² Бутакова Я. С. Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 79–80.

представляется, принципиальным недостатком указанной оценки структурного статуса нормативных актов контрсанкционной направленности является отсутствие в ней ответа на вопрос о предметной и структурной принадлежности такого института к определенной отрасли или подотрасли действующего законодательства. В теории права уже сформировано представление о правовом институте как предельно малой (неделимой) структурной единице (подразделении), которая может существовать только в составе более сложного структурного образования, поскольку предмет его регулирования есть одна из сторон (частей) предмета регулирования законодательной отрасли¹. Предметом институционального регулирования выступает один тематически обособленный вид правоотношения. Иная ситуация складывается, если предмет регулирования отрасли включает в себя группу предметно однородных отношений².

Считаем, что по качественным и количественным характеристикам исследуемая совокупность нормативных актов относится именно к отрасли законодательства. Прежде всего она обладает оригинальной задачей по контрсанкционному регулированию, которая (в контексте ответных санкционных мер) перед остальными отраслями законодательства не поставлена и не решена. Именно новизна задачи (защита интересов государства, его граждан и юридических лиц от последствий совершения недружественных действий) предполагала выработку оригинальных мер противодействия (контрсанкций), применение которого сопровождается возникновением *санкционной разновидности* договорных и корпоративных отношений, экспортно-импортных операций, отношений в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности, валютных операций. Структурное оформление этих разновидностей санкционных отношений (например, в области валютного или корпоративного регулирования) достигается за счет создания нескольких специализированных институциональных образований в составе законодательной отрасли с общим предметом регулирования, то есть контрсанкционным регулированием. Только отраслевая

¹ Иоффе О. С. Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14. С. 49; Тонков Е. Е., Синенко В. С. Проблемы структурирования российского права и законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 10.

² Алексеев С. С. Указ. соч. С. 131–134.

организация в силах обеспечить целевое единство правового регулирования множества антисанкционных мер.

Другим доводом в пользу признания за рассматриваемым нормообразованием отраслевого статуса служит наличие у него трехуровневой структурной организации: законы, подзаконные акты и ведомственное нормотворчество. Рассмотрим ее особенности, особое внимание уделив роли президентских указов в системе нормативно-правового регулирования контрсанкционных отношений.

Нормативные предпосылки структурного оформления российских специальных экономических мер и мер воздействия (противодействия) возникли до событий 2014 г. в виде законов о безопасности¹ и о специальных экономических и принудительных мерах². Однако до «крымских» событий указанные законы почти не применяли, поскольку казалось, что ранее принятыми западными странами ограничительными мерами (санкциями) арсенал их недружественных действий ограничится. К тому же эти меры носили характер первичных санкций, а следовательно, они не затрагивали торговлю, осуществляемую РФ с ее прямыми контрагентами (странами, компаниями). Однако, как показали последующие события, западные санкции 2014 г. были только «прологом» к предстоящей санкционной «войне», развернувшейся после начала СВО.

К этому моменту принят Федеральный закон от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (далее – Федеральный закон № 127). Именно с него, по нашему мнению, началось формирование нового структурного образования, посвященного установлению ответных мер воздействия (контрсанкций) и регламентации порядка их введения и применения. Федеральным законом № 127 введены в нормативно-правовой оборот понятия «недружественные иностранные государства» и «недружественные действия»,

¹ О безопасности: федер. закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

² О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федер. закон от 30 декабря 2006 г. № 281-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 44.

представляющие собой синонимы слова «санкции»¹, а главное – установлены нормы-цели для мер воздействия (противодействия). Тем самым обеспечено для подзаконных актов контрсанкционной направленности, принятых после марта 2022 г., единство их целеполагания и предмета регулирующего воздействия.

Другой причиной определения Федерального закона № 127 как «первого среди равных» в составе нормативного массива санкционной тематики стало наделение Президента РФ дополнительными полномочиями относительно регулирования комплекса контрсанкционных правоотношений, включая введение новых видов запретов и ограничений, помимо перечисленных в данном законодательном акте. В соответствии с нормой п. 4 ст. 4.2 Федерального закона № 127 указы Президента РФ приобрели приоритет, по сравнению с федеральным законодательством, в случае введения мер воздействия (противодействия), направленных на обеспечение экономического суверенитета и экономической безопасности России².

Однако положение о законозаменяющем начале указов, по нашему мнению, не отрицает их принадлежности к подзаконному нормотворчеству. Законодательное решение о придании им такого качества имеет конституционное обоснование, когда из нормы п. 1 ст. 90 Конституции РФ исчезла формулировка о том, что указы издают «на основании и во исполнение законов». Тем самым для Президента РФ открыта легитимная возможность опережающего законотворчества при отсутствии законодательного установления (нормы) для целей регулирования определенного вида общественных отношений³. В нашем случае потребность в легализации «опережающего нормотворчества» обусловлена высокой динамикой (скоростью) введения новых и обновления ранее принятых ограничительных мер. Это (потребность в «опережающем нормотворчестве») привело к количественному и качественному доминированию указанного нормотворчества в составе рассматриваемой нами законодательной отрасли, что

¹ Иванян Х. В. К вопросу о понятии недружественных действий иностранных государств: финансово-правовой аспект // Финансовое право. 2025. № 8. С. 22.

² Лаутс Е. Б. Понятие и особенности антикризисного законодательства на рынке банковских услуг // Банковское право. 2025. № 1. С. 40.

³ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. С. 400–401.

сегодня составляет ее главную особенность среди других отраслевых образований.

Президентом РФ подписано несколько десятков указов (с учетом изменяющих, дополняющих и отменяющих правила исходных актов). Среди них особенно следует выделить указы, послужившие легальной основой при создании новых направлений противодействия. К их числу относятся указы от 28 февраля 2022 г. № 79, 01 марта 2022 г. № 81, 05 марта 2022 г. № 95, 09 сентября 2023 г. № 665, 08 сентября 2022 г. № 618. Их отличительной чертой является определение видов операций, подпадающих под ограничения (в их числе – займы, кредиты, залоги, операции с недвижимостью, вклады в капитал, акции, доли, дивиденды от российских обществ и некоторые роялти)¹.

В состав подзаконных актов входят также постановления Правительства РФ, которые образуют следующий, после законодательных актов и указов, уровень в иерархии нормативно-правового регулирования контрсанкционных отношений. Принято считать, что основная функция подзаконных актов состоит в конкретизации и дополнении содержания законодательных норм. Однако в рамках контрсанкционного законодательства не только указы, но и постановления приобретают способность создавать новые виды правоотношений, что еще раз свидетельствует об экстраординарном характере действия антисанкционного регулирования. Доказательством этого утверждения служит постановление Правительства РФ от 27 мая 2022 г. № 956, которое легализовало такой вид предпринимательства, как параллельный

¹ О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций: указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1465; О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1466; О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами: указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 95 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 10. Ст. 1472; О временном порядке исполнения перед резидентами и иностранными кредиторами государственных долговых обязательств Российской Федерации, выраженных в государственных ценных бумагах, номинальная стоимость которых указана в иностранной валюте, и иных обязательств по иностранным ценным бумагам: указ Президента РФ от 9 сентября 2023 г. № 665 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 37. Ст. 6814.

импорт¹. Содержание параллельного импорта заключается в том, что официально произведенную продукцию под зарегистрированным товарным знаком ввозят в Россию без разрешения правообладателя, тем самым затрагивая интересы правообладателей и международные обязательства государства². Это означает, что постановление, будучи подзаконным актом, вторгается в сферу законодательного регулирования.

Следующим квалифицирующим признаком совокупности нормативных актов санкционной направленности как законодательной отрасли служит наличие у нее сложноорганизованной системы внутриотраслевых институтов. Отрасль – это такое объединение институтов, для которого характерна высокая степень специализации, дифференциации и интеграции входящих в его состав структурных образований (институтских общностей)³. По нашему мнению, институты контрсанкционного законодательства относятся к комплексным структурным нормообразованиям, поскольку состоят из публично-правовых и частноправовых правил. Институт признают комплексным не потому, что в нем представлены нормы разных отраслей права, а потому, что эти нормы конкретизируются применительно к специфике предмета⁴.

В нашем случае с учетом специфики предмета контрсанкционного законодательства в его составе создано несколько институтов, каждый из которых специализируется на регулировании отдельных видов (мер) противодействия. Речь идет об институциональных общностях, предметом регулирования которых выступают следующие разновидности контрсанкционных отношений: 1) регламентация порядка и условия применения валютных ограничений в виде запретов и (или) ограничений на

¹ О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы: постановление Правительства РФ от 29 марта 2022 г. № 506 (в ред. от 28.06.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 14. Ст. 2286.

² Камышанский В. П., Туча В. В., Глинщикова Т. В. Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 34, 41.

³ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 155; Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 63.

⁴ Сырых В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 25.

осуществление валютных операций в виде необходимости получения специального разрешения на осуществление (исполнение) отдельных сделок (операций), в том числе получения специального разрешения на проведение валютных операций, открытие счетов (вкладов) и проведение операций по ним; 2) установление ограничений на совершение корпоративных действий (решений), например, связанных обязательством по выплате распределенной прибыли (дивидендов) и действительной стоимости доли в уставном (складочном) капитале юридического лица, приостановление и перечисление выплат по ценным бумагам российских эмитентов иностранным физическим и юридическим лицам; регламентация ограничений в сфере охраны прав на объекты интеллектуальной собственности¹; 3) регулирование ограничений в области кредитно-денежных и расчетных операций.

Представленный перечень не является исчерпывающим, поскольку, как верно утверждает А. В. Габов, отрасль регулирования мер противодействия находится в стадии становления, поскольку ее отличает тенденция к количественному расширению и структурному усложнению (принятие новых видов встречных ограничений)². Другим доказательством прохождения отрасли начального этапа развития служит отсутствие у нее системы обобщающих нормативных явлений (норм-дефиниций, норм-целей, норм-принципов), и ввиду этого в ее структуре нет деления на общую и особенную части. Ученые справедливо обращают внимание на понятийные нестыковки в нормативных актах, пробелы в законодательстве об ответственности за нарушение российских законов в области противодействия санкциям зарубежных государств³.

Подводя итог при изучении совокупности нормативных актов контрсанкционной направленности, можно утверждать, что она обладает основными признаками отрасли законодательства.

¹ Для целей обеспечения интересов российских лицензиатов Указом Президента РФ от 27 мая 2022 г. № 322 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями» введены и ограничительные меры в отношении исполнения платежных обязательств по договорам, связанным с использованием объектов интеллектуальной собственности, исключительное право на которые принадлежит недружественным иностранным правообладателям.

² Габов А. В. Указ. соч. С. 130.

³ Тимофеев И. Н. Указ. соч. С. 12.

Во-первых, его отличает оригинальность обширной группы фактических отношений, возникших в связи с введением встречных ограничений в ответ на антироссийские санкции, что создало материальную основу для его предметного обособления. Во-вторых, рассматриваемому тематическому множеству присущ второй признак законодательной отрасли, в частности наличие структурной организации, состоящей из ряда институтов, находящихся между собой в системе субординационных и координационных взаимосвязей и взаимозависимостей. В-третьих, президентским указам принадлежит особая роль в формировании ответных (встречных) ограничительных мер посредством наделения их законо-замещающим статусом, что придает контрсанкционному законодательству особый характер структурного построения и экстраординарный характер действия.

Библиографический список

1. *Алексеев С. С.* Предмет советского социалистического гражданского права // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Гражданское право. Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010. 495 с.
2. *Бахин С. В., Еременко И. Ю.* Односторонние экономические «санкции» и международное право // Закон. 2017. № 11. С. 162–175.
3. *Бутакова Я. С.* Контрсанкции как межотраслевой институт российского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 4 (55). С. 72–80.
4. *Габов А. В.* Антисанкционные меры в российском праве // Труды Института государства и права РАН. 2023. Т. 18. № 3. С. 96–141.
5. *Иванян Х. В.* К вопросу о понятии недружественных действий иностранных государств: финансово-правовой аспект // Финансовое право. 2025. № 8. С. 29–34.
6. *Иоффе О. С.* Структурные подразделения системы права (на материалах гражданского права) // Ученые записки ВНИИСЗ. 1968. Вып. 14. С. 48–53.
7. *Камышанский В. П.* Институционализация правового обеспечения гражданского оборота в условиях незаконных международных санкций // Власть Закона. 2022. № 4. С. 15–22.
8. *Камышанский В. П., Туча В. В., Глинищикова Т. В.* Легализация параллельного импорта в Российской Федерации как

мера противодействия внешнеэкономическим санкциям // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 29–43.

9. Кехлер Х. Санкции и международное право // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 3. С. 27–47.

10. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. М.: Проспект, 2019. 578 с.

11. Лаутс Е. Б. Понятие и особенности антикризисного законодательства на рынке банковских услуг // Банковское право. 2025. № 1. С. 33–44.

12. Мицкевич А. В. Акты высших органов Советского государства // Избранное / сост. и авт. предисловия Е. А. Юртаева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. С. 12–138.

13. Сырых В. М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22–27.

14. Старженецкий В. В., Бутырина В. А., Курицына К. С. Российское антисанкционное регулирование: современное состояние и пути совершенствования // Закон. 2021. Т. 3. № 3. С. 119–142.

15. Тимофеев И. Н. Противодействие экономическим санкциям: российский законодательный и институциональный опыт // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 4. С. 8–23.

16. Тонков Е. Е., Синенко В. С. Проблемы структурирования российского права и законодательства // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 8–17.

17. Шахназаров Б. А. Санкционное право: понятие, предмет, метод, нормативный состав // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 7. С. 143–149.

18. Шебанов А. Ф. Форма советского права. М.: Юрид. лит., 1968. 210 с.

19. Якушев В. С. О понятии правового института // Правоведение. 1970. № 6. С. 61–67.

Т. В. Шепель
профессор кафедры
гражданского права
Юридического института
Национального
исследовательского
Томского государственного
университета,
доктор юридических наук,
профессор
Россия, г. Томск
tomaser@mail.ru

С. Н. Труфанов
заведующий амбулаторным
судебно-психиатрическим
экспертным отделением
Новокузнецкой клинической
психиатрической больницы
Россия, г. Новокузнецк
sntrufanov2504@yandex.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОПЕКУНОВ
И ПОПЕЧИТЕЛЕЙ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ
РАССТРОЙСТВАМИ**

**CIVIL LIABILITY OF GUARDIANS AND TRUSTEES OF PERSONS
WITH MENTAL DISORDERS**

Статья посвящена деликтной и договорной ответственности опекунов и попечителей граждан с психическими расстройствами, признанных недееспособными или ограниченно дееспособными, перед третьими лицами. Выявлены проблемы гражданско-правового регулирования такой ответственности, предлагаются способы их решения. Проведен критический анализ судебной практики по спорам о различных видах ответственности опекунов и попечителей подопечных с психическими расстройствами. Обоснован вывод о том, что правила о договорной ответственности опекунов сформулированы недостаточно четко, что приводит к вынесению противоречивых судебных решений. Предлагается в качестве правовой формы защиты интересов психически больных, ограниченных в дееспособности, закрепить норму о субсидиарной ответственности попечителя за вред, причиненный ими.

Ключевые слова: опекуны, попечители, недееспособные, ограниченно дееспособные вследствие психического

расстройства, деликтная ответственность, договорная ответственность, субсидиарная ответственность, психическое расстройство.

This article examines the tortious and contractual liability of guardians and trustees of individuals with mental disorders, recognized as incapacitated or with limited legal capacity, to third parties. The problems of civil regulation of such liability are identified and solutions are proposed. A critical analysis of judicial practice in disputes over various types of liability of guardians and trustees of individuals with mental disorders is provided. It is concluded that the rules regarding the contractual liability of guardians are insufficiently clearly formulated, leading to inconsistent court decisions. It is proposed that a provision on subsidiary liability of the trustee for harm caused by them should be established as a legal form of protecting the interests of individuals with mental disorders and limited legal capacity.

Keywords: guardians, trustees, incapacitated individuals, individuals with limited legal capacity due to mental disorder, tortious liability, contractual liability, subsidiary liability, mental disorder.

Необходимость исследования общих проблем гражданско-правовой ответственности¹, в том числе проблем гражданско-правовой ответственности опекунов и попечителей психически больных, назрела давно. Это обусловлено недостаточно четкой правовой регламентацией деликтной и договорной ответственности указанных лиц за действия подопечных. В доктрине отсутствуют работы, которые бы позволяли создать целостное представление о различных видах гражданско-правовой ответственности опекунов и попечителей лиц с психическими расстройствами. В основном исследования посвящены деликтной ответственности опекунов и попечителей, а анализ их договорной ответственности, как правило, отсутствует. Многие современные авторы ограничиваются комментарием правовых норм, их публикации носят поверхностный характер. Кроме того, существует значительный пласт судебной практики по

¹ См., напр.: Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23.

спорам об ответственности опекунов и попечителей, давно испытывающей потребность в ее глубоком изучении.

Защиту прав и законных интересов недееспособных лиц с психическими расстройствами осуществляют опекуны, которые являются их законными представителями согласно ст. 32 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ). Попечительство устанавливается над совершеннолетними психически больными, ограниченными в дееспособности (ст. 33 ГК РФ). Попечители, в отличие от опекунов, не являются законными представителями, поскольку не замещают подопечных, а совершают юридические действия, хотя и в их интересах, но от собственного имени. В литературе такая позиция преобладает, однако вместо термина «законное представительство» другой термин, как правило, не предлагают¹. По мнению А. Е. Тарасовой, родителей или попечителей несовершеннолетних следует называть содействующими в реализации правоспособности и контролирующими их сделки (*содействующими лицами*)². Аналогичное название вполне применимо и к попечителям граждан, ограниченных в дееспособности судом.

Согласно п. 4 ст. 35 ГК РФ недееспособным или не полностью дееспособным гражданам, помещенным под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на указанные организации.

Регламентация гражданско-правовой ответственности опекунов и попечителей зависит от объема имеющейся у психически больных подопечных дееспособности. При признании нарушителя недееспособным закон предусматривает одни правила об ответственности законных представителей; если подопечный ограничен судом в дееспособности, правовое регулирование осуществляется иначе.

¹ Невзгодина Е. А. Представительство: гражданско-правовой аспект: монография. М.: Изд-во Омского гос. ун-та, 2007. С. 28–32.

² Тарасова А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях: монография. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 115–117.

В соответствии с законом гражданско-правовую ответственность за действия *лиц с психическими расстройствами, признанных недееспособными*, несут опекуны, независимо от того, является эта ответственность договорной или деликтной. Согласно п. 1 ст. 1076 ГК РФ ответственность за вред, причиненный психически больному, признанному недееспособным, возлагается на опекуна или организацию, обязанную осуществлять за ним надзор, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Правила об их договорной ответственности в ГК РФ, к сожалению, отсутствуют. Они содержатся в п. 1 ст. 26 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»¹: опекуны несут ответственность по сделкам, совершенным от имени подопечных.

Судебная практика о возмещении вреда, причиненного недееспособными лицами с психическими расстройствами, не испытывает особых затруднений при разрешении споров. В частности, на опекунов или организации, выполняющие функции опекунов (п. 4 ст. 35 ГК РФ), возлагается ответственность за причиненный подопечными вред при наличии их вины, которая может быть выражена в отсутствии необходимой заботливости, надлежащего надзора или наблюдения на момент причинения вреда², а также в ненадлежащем содержании имущества подопечного³.

¹ Об опеке и попечительстве: федер. закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (в ред. от 29.09.2025 № 367-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам суда Ханты-Мансийского автономного округа от 19 апреля 2016 г. по делу № 33-2441/2016; Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Волгоградского областного суда от 20 апреля 2016 г. по делу № 33-5836/2016 // Энциклопедия судебной практики. Обязательства вследствие причинения вреда. Ответственность за вред, причиненный гражданином, признанным недееспособным (ст. 1076 ГК РФ). Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/57590177/?ysclid=mj1x4zbu23243664556> (дата обращения: 15.09.2025); Решение Октябрьского районного суда г. Иркутска от 17 апреля 2025 г. по делу № 2-1617/2025 М-5203/2024 // Октябрьский районный суд г. Иркутска: офиц. сайт. URL: https://oktiabrskyirk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=550729673&delo_id=1540005&new=&text_number=1 (дата обращения: 15.09.2025).

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2025 г. по делу № 88-16466/2025 // Второй кассационный суд общей юрисдикции: офиц. сайт. URL: https://2kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=163572

Если вина опекуна в причинении вреда отсутствует, он не должен быть привлечен к ответственности. Именно такой вывод сделан в апелляционном определении Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда при изменении решения суда первой инстанции. Суть дела заключалась в следующем. Истица А. обратилась в один из районных судов г. Москвы с требованием к двум сособственникам, гражданам К. (является собственником 2/3 доли квартиры) и Л. (имеет право собственности на 1/3 доли квартиры), о возмещении вреда, причиненного заливом принадлежащей ей квартиры вследствие разрыва секции батареи в квартире ответчиков. Поскольку один из ответчиков, гражданин Л., признан в судебном порядке недееспособным, от его имени в деле участвовал Психоневрологический интернат № 20 Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы (далее – ПНИ № 20), в котором недееспособный Л. находится с 2016 г. ПНИ № 20 возражал против исковых требований, пояснив, что его подопечный в квартире, сособственником которой он является, на дату залива фактически не проживал, работ по замене батареи не проводил. В связи с этим ПНИ № 20, как опекун Л., не должен нести ответственность за причиненный истцу вред. Представители ЖСК «Полярная звезда», в котором находятся квартиры истца и ответчика, пояснили, что в причиненном истцу вреде виновны собственники квартиры К. и Л., поскольку ответчиками произведено самовольное переоборудование, на общей системе отопления установлены батареи, не предусмотренные проектом дома. Поэтому за неисправность батареи должны нести ответственность ответчики.

Суд первой инстанции взыскал причиненный потерпевшей А. вред с К. и ПНИ № 20 (опекун Л.) пропорционально долям в праве собственности. Однако апелляционная инстанция не согласилась с выводом суда в части взыскания суммы вреда с ПНИ № 20, так как в материалах дела отсутствуют доказательства причинения вреда недееспособным Л. вследствие виновного ненадлежащего исполнения его опекуном – ПНИ № 20 – опекунских обязанностей. Поэтому Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда со ссылкой на ст. 1076 ГК РФ определила, что интернат не несет ответственность за

причиненный вред, вред должен быть возмещен за счет денежных средств подопечного Л.¹

Освобождение апелляционной инстанцией ПНИ № 20 от деликтной ответственности представляется обоснованным. Действительно, вред причинен неправомерными действиями не подопечного дома-интерната, а другого сособственника, который единолично пользовался квартирой в период нахождения второго сособственника в доме-интернате. Однако вывод о возмещении вреда за счет недееспособного Л. вызывает сомнения. Во-первых, в пунктах 1 и 2 ст. 1076 ГК РФ речь идет только об ответственности опекуна при наличии его вины, но не подопечного. Во-вторых, возложение в качестве исключения обязанности по возмещению вреда на недееспособного возможно при причинении вреда не имуществу, а только жизни или здоровью потерпевшего (п. 3 ст. 1076 ГК РФ). В-третьих, ссылка суда на ст. 210 ГК РФ и части 3 и 4 ст. 30 Жилищного кодекса (ЖК) РФ о бремени содержания собственником своего имущества, в том числе квартиры, при возложении обязанности по возмещению вреда на недееспособного представляется необоснованной. Предметом рассмотрения в суде был спор не о возложении на собственников расходов по содержанию принадлежащей им квартиры, а о возмещении вреда, причиненного третьим лицам. При разрешении такого спора приоритет должен принадлежать нормам главы 59 ГК РФ, в том числе ст. 1076 ГК РФ. Согласно ст. 1076 ГК РФ возмещение причиненного вреда является мерой деликтной ответственности, которую недееспособный нести не может, за исключением возложения на него обязанности (но не ответственности) по возмещению при причинении вреда жизни или здоровью потерпевшего (п. 3 ст. 1076 ГК РФ). Поэтому с недееспособного не могут быть взысканы суммы в счет возмещения причиненного вреда. Если суд не нашел оснований для привлечения к ответственности за причиненный вред опекуна, то, к сожалению, вред останется невозмещенным.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 сентября 2018 г. по гражданскому делу № 33-41994/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/cases/docs/content/2> (дата обращения: 15.08.2025).

Применение судом ст. 210 ГК РФ и частей 3 и 4 ст. 30 ЖК РФ правомерно при возложении на опекуна недееспособного собственника расходов по содержанию принадлежащей ему квартиры за счет средств подопечного, но не по возмещению причиненного вреда третьим лицам. Опекуны обязаны за счет средств подопечного не только содержать жилое помещение, находящееся в его собственности, но и приводить его в состояние, отвечающее требованиям законодательства. При этом речь идет не об ответственности опекунов, а о совершении ими действий от имени недееспособного собственника. Однако в судебной практике нередко расходы, которые должен нести собственник, хотя и недееспособный, ошибочно взыскивают с опекунов.

Так, Арбитражным судом Пермского края рассмотрено дело по иску Управляющей компании «ЖКХ Кировский» к Чайковскому дому-интернату для престарелых и инвалидов (далее – Дом-интернат) об обязанности привести жилое помещение в состояние, отвечающее требованиям законодательства, в течение трех месяцев со дня вступления решения суда в законную силу. Решением Арбитражного суда Пермского края от 27 февраля 2024 г. иски удовлетворены.

В апелляционной жалобе Дом-интернат оспаривает возложенную на него обязанность осуществить приведение жилого помещения в нормативное состояние за счет своих средств, полагая, что указанные работы должны быть оплачены исключительно недееспособным собственником жилого помещения. В соответствии с составленным актом требуют устранения следующие нарушения: уменьшение дверного проема в высоту и ширину; увеличение уровня пола в коридоре, самовольные перегородки от пола до потолка из кирпича, оконный проем в комнате и на кухне заложен и т. д. Эти нарушения привели к необходимости устранения аварийной ситуации, вызванной протечкой инженерных коммуникаций холодного водоснабжения в указанной квартире. Претензии и неоднократные письма в адрес Дома-интерната остались без ответа. В связи с этим истец обратился в арбитражный суд с настоящим иском.

Суд апелляционной инстанции не нашел оснований для удовлетворения апелляционной жалобы, хотя в судебном акте приведена ссылка на ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», согласно которой исполнение опекуном и попечителем своих обязанностей

осуществляется за счет имущества подопечного¹. За счет средств недееспособного собственника жилого помещения, а не его опекуна, подлежат взысканию задолженности по платежам за жилую площадь и коммунальным платежам. Такой подход подтверждает и судебная практика, отраженная в настоящей статье, при характеристике договорной ответственности опекуна.

Проблемы *ответственности опекунов по договорам подопечных* в литературе глубоко не обсуждаются. Разрешение судебных споров об их договорной ответственности единообразием не отличается, несмотря на, казалось бы, простые правила об этой ответственности.

Так, судом рассмотрено дело по иску АО «Мурманэнергосбыт» к государственному областному бюджетному учреждению социального обслуживания населения «Мончегорский дом-интернат для умственно отсталых детей» (далее – Дом-интернат) о взыскании задолженности по оплате коммунальных услуг по отоплению и горячему водоснабжению жилого помещения, находящегося в собственности проживающей в Доме-интернате подопечной, которая достигла совершеннолетия и признана судом недееспособной, а также пени за просрочку платежей. Решение о взыскании долга суд мотивировал следующим образом.

Во-первых, согласно ст. 154 ЖК РФ, а также разъяснениям высших судебных инстанций² (п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22), плата за жилое помещение и коммунальные услуги для собственника помещения в многоквартирном доме предусматривает плату за содержание и ремонт жилого помещения; взнос на капитальный ремонт; плату за коммунальные услуги. Во-вторых, обязанности по оплате жилого

¹ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 13 мая 2024 г. по делу № А50-28874/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=322288&cacheid=D941CFA1E8928EE6EBE26E64E30EA973&mode=splus&rnd=FgSn65V2dAQiFxtm#HCin65Vu4BZWSoSm> (дата обращения: 15.07.2025).

² О некоторых вопросах рассмотрения судами споров по оплате коммунальных услуг и жилого помещения, занимаемого гражданами в многоквартирном доме по договору социального найма или принадлежащем им на праве собственности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 22 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

помещения и коммунальных услуг за недееспособных собственников возлагают на опекунов (п. 2 ст. 29, п. 2 ст. 32 ГК РФ). Согласно п. 4 ст. 35 ГК РФ гражданам, помещенным под надзор в соответствующие организации, опекуны или попечители не назначаются. Обязанности опекунов или попечителей исполняют указанные организации. В-третьих, неиспользование собственниками и иными лицами помещений не является основанием невнесения платы за жилое помещение и коммунальные услуги (ч. 11 ст. 155 ЖК РФ). В-четвертых, в соответствии с ч. 5 ст. 18 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» опекун и попечитель обязаны заботиться о переданном им имуществе подопечных как о собственном, не допускать уменьшения стоимости имущества подопечного и способствовать извлечению из него доходов. Исполнение опекуном и попечителем указанных обязанностей осуществляется за счет имущества подопечного. Денежные средства для оплаты долга в период пребывания в Доме-интернате у недееспособной были, и это отражено в мотивировочной части решения. Таким образом, обязанность об оплате коммунальных услуг по отоплению и горячему водоснабжению суд возложил на опекуна, но за счет недееспособного собственника жилого помещения. Исполнение опекуном данной обязанности не является его ответственностью, он лишь действует от имени подопечного собственника.

Кроме того, суд привлек Дом-интернат к ответственности в виде пени. При этом он аргументировал решение ссылкой на ч. 14 ст. 155 ЖК РФ (с изменениями от 03.11.2015), согласно которой лица, несвоевременно внесшие плату за коммунальные услуги, обязаны уплатить кредитору пени в размере одной сотой ставки рефинансирования Центрального банка РФ. Законодательство предусматривает неустойку (пени) в качестве способа обеспечения исполнения обязательств и меры имущественной ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение¹. Однако опекун не может нести

¹ Судебная практика органов опеки и попечительства. Решение Ленинского районного суда г. Мурманска от 26 февраля 2019 г. // Министерство труда и социального развития Мурманской области: офиц. сайт. URL: <https://minsoc.gov-murman.ru/activities/opeka-i-popechitelstvo-v-otnoshenii->

ответственность по договору на оказание коммунальных услуг в виде пени, поскольку он его не заключал от имени недееспособного собственника. Собственник жилого помещения не является субъектом ни договорной, ни деликтной ответственности. Поэтому ни с опекуна, ни с недееспособного неустойка не могла быть взыскана.

В другом деле наблюдается такой же подход при взыскании оплаты за коммунальные платежи недееспособного. Суд рассмотрел административное дело по административному исковому заявлению опекуна недееспособной С. к судебному приставу-исполнителю Верх-Исетского районного отделения судебных приставов г. Екатеринбурга ГУ ФССП России по Свердловской области. Истец (опекун) просила признать незаконными и подлежащими отмене постановления судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на ее заработную плату и иные доходы, о запрете на совершение регистрационных действий; возложить обязанность устранить допущенные нарушения права, возратить удержанные денежные средства, снять запрет на совершение регистрационных действий в отношении недвижимого имущества.

Из материалов дела следует, что решением мирового судьи исковые требования ТСЖ «Светлореченский» о взыскании задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг к недееспособному собственнику квартиры должны быть удовлетворены только за счет его средств. Апелляционным определением Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга решение мирового судьи в этой части оставлено без изменения, апелляционная жалоба ответчика – без удовлетворения.

В обоснование своих требований истец указала, что судебным приставом-исполнителем возбуждено исполнительное производство №-ИП от 1 марта 2024 г. о взыскании с недееспособной С. в пользу ТСЖ «Светлореченский» задолженности по платежам за жилую площадь и коммунальным платежам на основании решения мирового судьи. Кроме того, в рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем вынесено постановление об обращении взыскания

не только на средства опекаемой, но и на заработную плату и иные доходы опекуна, а также постановление о запрете на совершение опекуном действий по регистрации принадлежащих ему на праве собственности земельных участков и здания.

Однако в соответствии с ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» подопечные не имеют права собственности на имущество опекунов или попечителей, а опекуны или попечители не имеют права собственности на имущество подопечных, в том числе на суммы алиментов, пенсий, пособий и иных предоставляемых на содержание подопечных социальных выплат. Решением Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга исковое заявление опекуна частично удовлетворено. Постановления судебного пристава-исполнителя об обращении взыскания на заработную плату и иные доходы опекуна, о запрете действий на совершение регистрации, вынесенные в отношении опекуна недееспособной, признаны незаконными. На судебного пристава-исполнителя возложена обязанность устранить допущенные нарушения прав и законных интересов опекуна¹.

В связи с этим интересен еще один пример из судебной практики, в котором, несмотря на предшествующие выводы трех судебных инстанций, Верховный Суд РФ занял противоположную позицию о невозможности ответственности опекуна именно потому, что он не заключал договор от имени недееспособной. Так, суд рассмотрел дело по иску Банка о возврате кредита и об ответственности за его невозврат. Установлено, что Банк заключил с ответчицей Х. кредитный договор, однако спустя несколько месяцев получил заявление от ее опекуна, согласно которому заемщик уже несколько лет назад признана судом недееспособной, поэтому заключенный ею кредитный договор является ничтожным. Банк обратился в суд с требованием о взыскании с опекуна суммы кредита, поскольку последний должен нести ответственность за вред, причиненный подопечной.

Банк выиграл дело в трех инстанциях. Однако Верховный Суд РФ отменил судебные акты со ссылкой на то, что «закон не наделяет опекуна правом собственности на имущество

¹ Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга (Свердловская область) от 19 февраля 2025 г. по делу № 2А-10587/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/R4G8b5aRiwQQ/> (дата обращения: 15.08.2025).

подопечных, а ответственность по сделкам они несут только в случаях, если заключали их от имени подопечных¹. Основания отказа в удовлетворении требования Банка представляются обоснованными. Действительно, недееспособный больной, не представляющий опасности для себя и окружающих, не находится в изоляции от общества, поэтому существует риск заключения им разного рода договоров, которые опекун не может в полной мере контролировать. Банк, согласно закону, не должен проверять дееспособность заемщика, особенно при получении онлайн-кредита. В таких случаях он, как субъект предпринимательской деятельности, несет риски негативных последствий заключения подобных договоров. Если кредитный договор заключают в присутствии заемщика, и у работника банка возникают сомнения в его психическом здоровье, желательно предусматривать в договоре в качестве гарантии поручительство или другой способ обеспечения исполнения обязательства. Мнение о том, что опекун несет ответственность только по сделкам, совершенным им от имени недееспособного, ранее высказано в литературе² и подтверждается судебной практикой.

В литературе обсуждается возможность привлечения к ответственности опекуна по договору, который гражданин заключил до признания его недееспособным, но в момент исполнения уже признан таковым. Существует мнение о том, что опекун не должен нести ответственность по такому договору. Так, некоторые авторы считают, что при обращении с иском контрагента недееспособного лица о возмещении убытков за неисполнение или ненадлежащее исполнение договорных обязательств (п. 1 ст. 393 ГК РФ) суд может отказать в иске в связи с отсутствием вины недееспособного лица или невозможностью исполнения (ст. 416 ГК РФ)³. Соглашаясь с тем, что опекун в

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 декабря 2020 г. № 45-КГ20-20-К7 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=651585#ECm у65VaRfxrlKto> (дата обращения: 15.08.2025).

² Татаринцева Е. А. Договор об осуществлении опеки (попечительства) как основание возникновения правоотношений по воспитанию ребенка в семье // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 23.

³ Ситдикова А. Б., Стародумова С. Ю. Имущественная ответственность опекунов и недееспособных лиц // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (22). С. 68.

указанном случае не должен нести ответственность в виде возмещения убытков или взыскания пени, предлагаем два уточнения в контексте оснований отказа в иске.

Во-первых, недееспособный исключен из числа субъектов ответственности, поэтому он не виновен всегда, как при заключении им договоров, так и при их исполнении. Отсутствие его вины – это не основание отказа в иске, а проявление особенности его правового статуса. Во-вторых, невозможность исполнения может быть и не рассмотрена в качестве основания прекращения договорного обязательства, если у недееспособного, нарушившего или не исполнившего договор, существует собственное имущество, за счет которого договор все-таки может быть исполнен силами опекуна.

Размещение норм об ответственности опекуна по сделкам недееспособного вследствие психического расстройства только в Федеральном законе от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве», а не в ГК РФ, следует расценивать как законодательный дефект. Необходимо, как и в п. 3 ст. 28 ГК РФ об ответственности законных представителей малолетних, предусмотреть в ст. 29 ГК РФ правило об ответственности опекуна по сделкам, заключенным им от имени подопечного.

В соответствии с абзацем 3 п. 1 ст. 30 ГК РФ *совершеннолетние граждане, ограниченные судом в дееспособности*, несут самостоятельную договорную и деликтную ответственность. Аналогичное правило установлено для лиц, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства в абзаце 5 п. 2 ст. 30 ГК РФ. Прямое указание на их самостоятельную ответственность за причиненный вред в этом абзаце отсутствует, содержится лишь оговорка о том, что за причиненный вред такие лица несут ответственность в соответствии с настоящим Кодексом. Формулировка закона в этой части представляется нечеткой и расплывчатой, поскольку не позволяет со всей определенностью ответить на вопрос о возможности субсидиарной ответственности попечителей. Единственная ст. 1077 ГК РФ о самостоятельной ответственности ограниченно дееспособных не указывает в их числе лиц с психическими расстройствами. Это позволило исследователю Е. В. Богданову считать ее неприемлемой для такой категории ограниченно дееспособных. К тому же цель ограничения их дееспособности (защита психически больного) принципиально отличается от цели ограничения дееспособности вследствие

злоупотребления спиртными напитками, наркотическими средствами или иным образом; пристрастия к азартным играм (защита интересов семьи алкоголика, наркомана, игромана)¹. Ввиду отсутствия в законе специальной нормы об ответственности ограниченно дееспособных психически больных любой ограниченно дееспособный, независимо от оснований ограничения, *несет самостоятельную гражданско-правовую ответственность*.

Если нарушен договор, заключенный ограниченно дееспособным самостоятельно, без согласия попечителя, то суды при разрешении спора применяют нормы о недействительности сделки, а не об ответственности такого заемщика. Так, судом г. Петропавловска-Камчатского рассмотрено дело по иску Администрации Петропавловск-Камчатского городского округа об оспаривании кредитного договора, заемщиком по которому выступала гражданка Н., признанная в судебном порядке ограниченно дееспособной, и применении последствий его недействительности. Судом установлено, что совершеннолетняя Н. является инвалидом 2-й группы. В школе не обучалась, читать и писать не умеет, страдает психическим расстройством, состоит на психиатрическом учете. Еще до заключения кредитного договора признана ограниченно дееспособной в соответствии с решением Петропавловск-Камчатского городского суда. В деле отсутствуют сведения о назначении подопечной попечителя. Поэтому интересы подопечной представляет Администрация Петропавловск-Камчатского городского округа, полагаем, на основании п. 1 ст. 35 ГК РФ, согласно которому при неназначении опекуна или попечителя в течение месяца лицу, нуждающемуся в опеке или попечительстве, исполнение обязанностей опекуна или попечителя временно возлагается на орган опеки и попечительства. В 2024 г. гражданкой Н. заключен кредитный договор, по условиям которого банк предоставил ей кредит сроком на 24 месяца.

О заключенном кредитном договоре Администрации стало известно лишь после того, как начали поступать звонки из банка с требованием о внесении обязательного платежа. Представители банка при заключении договора не проверили факт ограничения дееспособности Н., которая потратила денежные средства на

¹ Богданов Е. В. Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства // Адвокат. 2013. № 6. С. 33.

алкоголь. Истец просит суд признать кредитный договор недействительным и применить последствия его недействительности. Банк требует возврата кредита и уплаты процентов за пользование заемными средствами заемщиком Н. Банк считает, что, действуя добросовестно, исполнил принятые на себя обязательства. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами или иными правовыми актами. Н. и при оформлении, и при исполнении кредитного договора скрыла от банка сведения о том, что решением суда она признана ограниченно дееспособной. Ее попечитель в банк не обращался, узнал о кредитном договоре из текста иска.

При принятии решения суд ссылаясь на ст. 30 ГК РФ, согласно которой над гражданином, ограниченным судом в дееспособности, устанавливается попечительство. Он вправе самостоятельно совершать только мелкие бытовые сделки. Заключать другие сделки он может лишь с согласия попечителя. Однако такой гражданин самостоятельно несет имущественную ответственность по совершенным им сделкам и за причиненный им вред. Ввиду ст. 176 ГК РФ сделка, совершенная им без согласия попечителя, может быть признана судом недействительной по иску попечителя. Если такая сделка признана недействительной, по общему правилу, применяется двусторонняя реституция (п. 2 ст. 167, абз. 2 и 3 п. 1 ст. 171 ГК РФ).

Оценив в совокупности исследованные доказательства и установленные по делу обстоятельства, суд пришел к выводу об обоснованности исковых требований Администрации, поскольку Н., являясь лицом, ограниченно дееспособным, в нарушение требований ст. 176 ГК РФ совершила сделку без согласия попечителя, что влечет ее недействительность. Суд решил: 1) признать кредитный договор, заключенный между банком и ограниченно дееспособной Н., недействительным; 2) взыскать с Н. сумму основного долга по кредитному договору. Указанное решение служит основанием для исключения из расчета задолженности процентов за пользование займом¹.

¹ Решение Петропавловск-Камчатского городского суда (Камчатский край) от 9 декабря 2024 г. по делу № 2-7249/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kDtOks2WKPdq/> (дата обращения: 15.08.2025).

Ограничение дееспособности совершеннолетнего гражданина, по действующему законодательству, не влияет на ответственность за причинение вреда: не исключает и не изменяет ее. Если такой причинитель вреда был не способен осознавать свои действия в момент причинения вреда ввиду психического расстройства, он освобождается от ответственности, независимо от того, был ограничен в дееспособности или не был ограничен (п. 1 ст. 1078 ГК РФ). Психическое заболевание лица, причинившего вред, в том числе и ограниченного в дееспособности, по действующим нормам гражданского права не является и основанием уменьшения размера возмещения. Согласно ст. 1083 ГК РФ к таким основаниям отнесены грубая неосторожность потерпевшего, вина причинителя и его имущественное положение. Перечень оснований, приведенных в ст. 1083 ГК РФ, исчерпывающий, возможность его расширительного толкования не предусмотрена. Действующее гражданское законодательство не позволяет уменьшить размер возмещения вреда, причиненного лицом, которое, хотя и могло осознавать свои действия, но по причине психического расстройства было не способно оценить их надлежащим образом¹.

Предложения о субсидиарной ответственности попечителей ограниченно дееспособных психически больных в литературе высказывали и до закрепления в ГК РФ психического расстройства как основания ограничения дееспособности², и после появления новеллы³. Существует мнение и о том, что попечитель должен нести с ограниченно дееспособным вследствие психического расстройства солидарную ответственность⁴, хотя этот вывод сомнителен.

Ограничение дееспособности лица с психическим расстройством должно быть направлено прежде всего на защиту

¹ Шепель Т. В. Деликт и психическое расстройство: цивилистический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2006. С. 199.

² Там же. С. 200.

³ Богданов Е. В. Указ. соч.; Темникова Н. А. Изменение правового положения недееспособных и ограниченно дееспособных лиц в российском гражданском праве // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (36). С. 83; Лозовская С. О. Правосубъектность лиц, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 146.

⁴ Рябинин Н. А., Казанцева К. Ю. Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 53.

его интересов¹. Следовательно, на попечителя этого лица должны возлагать такие же обязанности, что и на попечителя несовершеннолетнего, в том числе и обязанность по надзору за ним. При привлечении такого попечителя к субсидиарной ответственности за причинение вреда противоправность его поведения может проявиться в ненадлежащем надзоре за подопечным. Эффективной правовой формой защиты интересов психически больных, ограниченных в дееспособности, могла бы служить норма о субсидиарной ответственности попечителя за вред, причиненный ими.

Таким образом, в законе прямо закреплено, что опекуны несут ответственность за причинение вреда недееспособными вследствие психического расстройства, если в действии (бездействии) этих представителей существует вина. Хотя законодатель называет только одно условие ответственности опекуна, в частности его вину, становится понятным, что требуются и другие условия деликтной ответственности (наличие вреда, противоправность поведения опекуна, причинная связь между ними), которые составляют в совокупности состав гражданского правонарушения.

Правила о договорной ответственности опекунов сформулированы недостаточно четко, что приводит к вынесению противоречивых судебных решений. Полагаем, что в ГК РФ необходимо предусмотреть в качестве условий такой договорной ответственности по крайней мере два условия: 1) заключение ими договора от имени подопечного; 2) наличие состава гражданского правонарушения в поведении опекуна, в том числе его вины в неисполнении или ненадлежащем исполнении договора, заключенного от имени подопечного. Если договор заключен недееспособным самостоятельно, то ответственность представителей по этим договорам наступать не должна, риски неблагоприятных имущественных последствий необходимо возлагать на контрагентов подопечных.

Однако следует отличать обязанности опекуна по содержанию имущества подопечного, в том числе по приведению

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 92.

его в состояние, отвечающее требованиям законодательства, и по оплате коммунальных услуг от его ответственности за нарушение этих обязанностей. Если договор заключен до назначения опекуна или помещения недееспособного в организации, выполняющие опекунские функции, или опекун доказал отсутствие в своем поведении состава правонарушения, то обязанности по исполнению такого договора могут возлагать на опекуна, но только за счет имущества подопечного. Ответственность по такому договору у опекуна не наступает.

В ГК РФ сформулированы одинаковые правила о гражданско-правовой ответственности попечителей психически больных, ограниченных в дееспособности, независимо от ее вида (деликтной или договорной):

1) при причинении вреда гражданам, ограниченный в дееспособности судом, отвечает за причиненный вред; субсидиарная ответственность попечителей не наступает. Представляется, что при причинении вреда гражданами, ограниченными в дееспособности вследствие психического расстройства, их попечители должны быть привлечены к субсидиарной ответственности, как родители и попечители несовершеннолетних причинителей вреда в возрасте от 14 до 18 лет;

2) ограниченно дееспособные граждане несут самостоятельную договорную ответственность.

Библиографический список

1. *Богданов Е. В.* Правовое положение граждан, ограниченных в дееспособности вследствие психического расстройства // Адвокат. 2013. № 6. С. 33–37.

2. *Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского.* 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

3. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4. С. 23–41.

4. *Лозовская С. О.* Правосубъектность лиц, признанных недееспособными и ограниченно дееспособными вследствие психического расстройства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 5 (105). С. 139–146.

5. *Невзгодина Е. А.* Представительство: гражданско-правовой аспект: монография. М.: Изд-во Омского гос. ун-та, 2007. 552 с.

6. *Рябинин Н. А., Казанцева К. Ю.* Совершенствование законодательства, регулирующего правовой статус лица, ограниченного в дееспособности // Современное право. 2017. № 7. С. 53–60.

7. *Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю.* Имущественная ответственность опекунов и недееспособных лиц // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2016. № 2 (22). С. 64–71.

8. *Тарасова А. Е.* Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях: монография. М.: Волтерс Клувер, 2008. 320 с.

9. *Татаринцева Е. А.* Договор об осуществлении опеки (попечительства) как основание возникновения правоотношений по воспитанию ребенка в семье // Семейное и жилищное право. 2015. № 3. С. 21–25.

10. *Темникова Н. А.* Изменение правового положения недееспособных и ограничено дееспособных лиц в российском гражданском праве // Вестник Омского университета. 2013. № 3 (36). С. 81–84.

11. *Шепель Т. В.* Деликт и психическое расстройство: цивилистический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. Кемерово, 2006. 349 с.

Е. Н.Богданова

декан факультета иностранных студентов,
доцент кафедры истории, экономики
и правоведения

Уральского государственного медицинского университета,
кандидат юридических наук
Россия, г. Екатеринбург
lena_bogd@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЭМБРИОНА

LEGAL STATUS OF THE EMBRYO

Согласно авторской позиции, взгляды современных отечественных и зарубежных ученых относительно вопроса о том, какой момент в развитии человека – рождение или зачатие – следует считать началом жизни, требующей охраны, настолько различны, что не появившийся на свет ребенок (эмбрион, плод) стал не только объектом экспериментальных исследований биологии и медицины, но и юриспруденции. Как показал анализ научной литературы, в медицине и правовой сфере, остаются открытыми вопросы о том, синонимичны ли используемые в российском законодательстве понятия «эмбрион», «плод» и «зародыш»; является ли эмбрион (плод, зародыш) человеком или не является; эмбрион (плод, зародыш) выступает субъектом или

объектом правоотношения; является ли эмбрион (плод, зародыш) частью материнского организма, или это начало самостоятельной жизни, для которой необходима особая правовая защита; можно ли считать началом физической личности момент рождения ребенка или следует относить это начало к моменту его зачатия. Изучение литературных источников показало, что исследуемые дефиниции рассмотрены учеными, медиками и юристами, с различных точек зрения.

Ключевые слова: эмбрион, плод, зародыш, ребенок, здоровье, правовой статус, внутриутробное развитие, субъект права.

According to the author's position, the views of modern foreign and Russian scientists regarding the question of which moment in human development – birth or conception – should be considered the beginning of life requiring protection, are so different that the unborn child (embryo, fetus) has become the object of not only experimental research in biology and medicine, but also in jurisprudence. As an analysis of the scientific literature in medicine and legal sphere has shown, questions remain unresolved, such as whether the terms “embryo”, “fetus”, and “foetus” are synonymous in Russian law; whether an embryo (fetus, foetus) is a human being or not; whether an embryo (fetus, foetus) is a subject or an object of legal relations or perhaps an embryo (fetus, foetus) is part of the mother's body, or is it the beginning of an independent life which requires special legal protection; whether the beginning of a physical personality can be considered the moment of a child's birth or should this beginning be attributed to the moment of conception. A study of literary sources showed that the definitions under study were considered by scientists, both medical and legal, from different points of view.

Keywords: embryo, fetus, foetus, child, health, legal status, intrauterine development, subject of law.

Большинство авторов в медицине и биологии (Л. А. Ясюкова, О. В. Шатрова, Л. Е. Обухова и др.) склонны рассматривать понятия «эмбрион», «зародыш» и «плод» как процесс формирования человеческой жизни, имеющий свои особенности и закономерности. В свою очередь, представители юридического сообщества (К. Н. Свитнев, Г. Б. Романовский, Н. Н. Федосеева, Е. А. Фролова и др.) утверждают, что научно-правовая литература зачастую проводит условное разделение таких понятий, и это предполагает отсутствие строгих различий в их значении и практике применения. В ст. 2 Федерального закона от

20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» понятие «эмбрион» определено как зародыш человека на стадии развития до восьми недель. Термины «зародыш» и «плод» в российском законодательстве до сих пор не определены.

С учетом анализа трактовки понятий «эмбрион», «зародыш» и «плод», представленных в литературных источниках, можно утверждать следующее: во-первых, основным элементом в определении этих понятий выступает срок утробного развития человека; во-вторых, для объяснения понятия «зародыш» всегда задействовано понятие «эмбрион» как определение одного синонимического ряда; в-третьих, термины «эмбрион», «зародыш», «плод» в литературном языке в большей степени не наделены одушевленностью, они определены как организм в утробный период развития. Подобное отношение литературного языка и медицины, как нам представляется, в целом запрограммировало отношение закона к ребенку на внутриутробной стадии развития: ребенок до рождения – неодушевленное существо (организм человека, а не человек как таковой). Следовательно, при таком определении возникает вывод о том, что ребенок в период внутриутробного развития – обезличенное существо, не имеющее прав как личность (не наделено правом на жизнь и здоровье), а это говорит в первую очередь о базисе, на котором строится юридическое отношение к еще не рожденному ребенку. Однако в медицинской литературе находит отражение и иная точка зрения в контексте данного вопроса. Р. Р. Кильдиярова считает, что «плод – это личность, следовательно, пренейт (нерожденный ребенок) еще до рождения обладает всеми уровнями личности, присущими человеку»¹.

В рамках настоящего исследования значительный интерес вызывает правовой статус эмбриона, являющийся частью правовой системы общественных отношений. Поэтому следует обратить внимание на труды исследователей в области права, изучающих его правовую природу в период внутриутробного развития. Более того, реализация мер по охране здоровья будущего ребенка во время беременности напрямую связана с тем, как закон определяет статус эмбриона.

По мнению А. М. Авакян, «эмбрион – это объект правоотношений, так как своими действиями не может

¹ Кильдиярова Р. Р. Клинические нормы педиатрии. 2-е изд., перераб. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. С. 6.

приобретать и осуществлять права и обязанности»¹. Г. Б. Романовский пишет о том, что «субъективные права могут возникнуть только у реально существующего объекта, при этом речь о правоспособности до его рождения идти не может»². Ю. А. Морозова, Ю. Ф. Дружинина также утверждают, что «эмбрион необходимо рассматривать как объект права»³. С. С. Шевчук в своем исследовании предлагает признать эмбрион объектом, обладающим особым правовым статусом, и исключительное право на него должно быть закреплено за женщиной, в тело которой планируется его имплантация⁴.

Весомым аргументом в пользу вышеизложенных утверждений является положение ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации (РФ), в которой говорится о том, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Кроме того, в соответствии с п. 25 приказа Министерства здравоохранения РФ от 30 августа 2012 г. № 107н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» оставшиеся эмбрионы в пробирке возможно заморозить для будущего использования, донировать или утилизировать. В соответствии с п. 52 указанного приказа эмбрионы могут быть выданы пациенту по его заявлению.

Н. Н. Федосеева и Е. А. Фролова полагают, что «за эмбрионом наиболее удачным будет признание правосубъектности только после 12 недель внутриутробного развития»⁵. Авторы аргументируют свою точку зрения тем, что российское законодательство предусматривает ряд норм, которые охраняют права ребенка еще на стадии внутриутробного развития (установленные сроки прерывания беременности). Прерывание беременности проводится не позднее окончания двенадцатой недели беременности (п. 2 ст. 56 Федерального закона от 21 ноября

¹ Авакян А. М., Морозова А. А. Эмбрион: субъект или объект гражданских правоотношений // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 67.

² Романовский Г. Б. Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? // Юрист. 2001. № 11. С. 49.

³ Морозова Ю. А. Гражданско-правовой статус эмбриона // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 305.

⁴ Шевчук С. С. Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Медицинское право. 2003. № 1. С. 37.

⁵ Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 38.

2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Однако в ч. 3 ст. 1116 Гражданского кодекса (ГК) РФ указано, что дети, зачатые еще до смерти наследодателя, имеют право на наследство. Кроме того, в п. 2 ст. 7 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» указано, что дети, зачатые при жизни потерпевшего (или родившие после его смерти), имеют право на обеспечение по страхованию. В уголовном праве также содержатся предпосылки правовой защиты эмбриона, а именно: признание косвенным образом уголовно-правовой защиты не только матери, но и нерожденного ребенка (ст. 105, 111 Уголовного кодекса (УК) РФ). Обобщая изложенное, можно заключить, что складывается ситуация, при которой отраслевое законодательство (ГК РФ, УК РФ, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») противоречит Конституции РФ.

В связи с этим ряд ученых-правоведов (С. В. Гландин, А. А. Раленко, В. А. Голиченков, Е. В. Перевозчикова, Е. А. Панкратова и др.) утверждают, что с момента зачатия и на протяжении всех стадий развития эмбрион имеет правоспособность и, как следствие, пользуется защитой со стороны государства. По мнению К. Н. Свитнева, «конституционное право на жизнь и здоровье должно гарантироваться на всех этапах человеческой жизни от зачатия до смерти»¹.

И. Г. Гаранина также полагает, что «на всех стадиях своего развития эмбрион должен быть признан человеческим существом, обладающим безусловной ценностью и неотъемлемым правом на жизнь и здоровье с момента зачатия»². Заслуживает внимания и точка зрения Д. А. Беловой, которая пишет о том, что «оптимальным представляется рассмотрение эмбриона в качестве особого правового явления (*sui generis*) с определением его места в системе элементов правоотношения либо в качестве самостоятельного объекта гражданских прав с особым правовым

¹ Свитнев К. Н. Статус эмбриона: правовые и морально-этические аспекты // Правовые вопросы в здравоохранении. 2011. № 7. С. 49.

² Гаранина И. Г. Проблемы определения международно-правового статуса эмбриона при реализации репродуктивных прав человека // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 163.

режимом, в основу которого предлагается заложить принципы уважения и сохранения человеческой жизни на любом этапе ее развития»¹.

В процессе изучения правовой природы эмбриона, что отражено в отечественной научной литературе и действующем российском законодательстве, с позиции юриспруденции можно выделить несколько ключевых подходов к проблеме определения правового статуса эмбриона.

Абсолютная позиция. Эмбрион – субъект права, полноправный участник правоотношений, приравненный к человеку с момента зачатия.

Умеренная позиция. Эмбрион имеет право на жизнь при достижении определенного уровня развития или достижения жизнеспособности.

Либеральная позиция. Эмбрион – объект права: как часть организма матери, приравненная к органам и тканям человека; как вещь, по поводу которой могут возникнуть правоотношения имущественного характера.

В настоящее время правовой статус эмбриона определен в таких международно-правовых документах, как Американская Конвенция о правах человека 1969 г. (согласно ст. 4 каждый человек имеет право на уважение его жизни, и это право защищено законом, как правило, с момента зачатия); Декларация прав ребенка 1959 г. (ребенок ввиду его физической и умственной неполноценности нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после рождения). Однако в большинстве государств – членов Совета Европы (Бельгии, Дании, Финляндии, Франции, Греции, Ирландии, Италии, Люксембурге, Нидерландах, Португалии и Швеции) не существует правового определения понятия «эмбрион», а законодательства других государств (Германии, Австрии, Испании, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии) по-разному его определяют. Более того, судебная практика Европейского суда по правам человека не признает за эмбрионом наличие юридических характеристик, свойственных физическим лицам. На основании проведенного исследования международных документов и литературных источников можно констатировать, что между европейскими странами, как и в

¹ Белова Д. А. Правовая природа эмбриона *in vitro* // Lex Russica / Русский закон. 2019. № 6 (151). С. 124.

России, не существует консенсуса в отношении вопроса научного и правового определения начала жизни человека, а вопросы о статусе эмбриона и его оборотоспособности в полной мере отнесены к усмотрению национальных государств.

В настоящее время в России судебные органы сталкиваются с трудностями при решении вопросов, связанных с защитой жизни и здоровья эмбриона (будущего ребенка) в период внутриутробного развития. Эти сложности вызваны, во-первых, отсутствием четкого законодательного закрепления правового статуса эмбриона как самостоятельного субъекта права. Во-вторых, в России криминалисты-ученые по-прежнему не считают достижение ребенком в утробе стадии жизнеспособности необходимым и достаточным условием для признания состава преступления, связанного с убийством или смертью по неосторожности¹.

В судебно-медицинской практике под жизнеспособностью понимают возможность новорожденного ребенка продолжать жизнь вне материнского организма в обычных условиях. Это позволяет сделать вывод о том, что правоприменители признают правовой статус эмбриона (как субъекта права) только с момента рождения ребенка. Следовательно, для работников судебной системы при установлении правового положения ребенка на стадии внутриутробного развития решающее значение имеет его обособленное существование вне материнского организма, а не сама по себе его жизнедеятельность в утробе матери. Однако ряд имеющихся судебных решений подтверждает, что уголовно-правовая охрана здоровья наступает еще до рождения малыша². Как следствие, возникла парадоксальная ситуация: право на охрану здоровья зарождающегося и новорожденного ребенка предшествует праву на охрану его жизни.

На основании проведенного анализа судебной практики изложенное можно резюмировать следующим образом. Судебная практика не дает четкого ответа на вопрос о том, с какого момента охраняются жизнь и здоровье ребенка в период внутриутробного

¹ Проценко С. В. К вопросу об уголовно-правовой защите в российском законодательстве права внутриутробного ребенка на жизнь // Российский следователь. 2009. № 5. С. 15.

² Габай П. Г. Проблемы квалификации деяний медицинских работников, приведших к интранатальной гибели плода человека // Российский следователь. 2016. № 21. С. 13.

развития, при этом действующее законодательство и правоприменительная практика в России подразумевают защиту жизни и здоровья с момента начала родов. Кроме того, выявленная в ходе анализа судебной практики проблема квалификации деяний медицинского работника, связанных с внутриутробной гибелью эмбриона (зародыша, плода), требует дополнительной законодательной регламентации, что могло бы быть достигнуто при специальных разъяснениях Верховного Суда РФ. Следовательно, чтобы исключить споры, законодателю необходимо четко определить правовой статус вынашиваемого и рождающегося ребенка в действующих нормативных правовых актах.

Библиографический список

1. *Авакян А. М., Морозова А. А.* Эмбрион: субъект или объект гражданских правоотношений // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 67–69.
2. *Белова Д. А.* Правовая природа эмбриона in vitro // Lex Russica / Русский закон. 2019. № 6 (151). С. 122–130.
3. *Габай П. Г.* Проблемы квалификации деяний медицинских работников, приведших к интранатальной гибели плода человека // Российский следователь. 2016. № 21. С. 11–15.
4. *Гаранина И. Г.* Проблемы определения международно-правового статуса эмбриона при реализации репродуктивных прав человека // Марийский юридический вестник. 2014. № 11. С. 162–170.
5. *Кильдиярова Р. Р.* Клинические нормы педиатрии. 2-е изд., перераб. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2018. 384 с.
6. *Морозова Ю. А.* Гражданско-правовой статус эмбриона // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 304–307.
7. *Проценко С. В.* К вопросу об уголовно-правовой защите в российском законодательстве права внутриутробного ребенка на жизнь // Российский следователь. 2009. № 5. С. 9–17.
8. *Романовский Г. Б.* Человеческий эмбрион: субъект или предмет правоотношений? // Юрист. 2001. № 11. С. 48–51.
9. *Свитнев К. Н.* Статус эмбриона: правовые и морально-этические аспекты // Правовые вопросы в здравоохранении. 2011. № 7. С. 48–58.
10. *Шевчук С. С.* Некоторые проблемы правового регулирования применения искусственных методов репродукции // Медицинское право. 2003. № 1. С. 33–37.

11. Федосеева Н. Н., Фролова Е. А. Проблема определения правового статуса эмбрионов в международном и российском праве // Медицинское право. 2008. № 1. С. 36–40002Е

УДК 347.232
ББК 67.4

Т. А. Быкова

доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Саратов
tamara.bykova.1958@mail.ru

С. А. Филиппов

доцент кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Саратов
philips85@mail.ru

Т. С. Мангушева

доцент кафедры административного и муниципального
права имени профессора Василия Михайловича Манохина
Саратовской государственной юридической академии,
доцент
Россия, г. Саратов
tamarasm@mail.ru

**ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАРКЕТПЛЕЙСОВ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ**

**CERTAIN ISSUES OF MARKETPLACES' ACTIVITY THROUGH
THE PRISM OF JUDICIAL PRACTICE**

В статье проведен комплексный анализ правовых аспектов деятельности маркетплейсов в контексте российской судебной практики. Авторами рассмотрены актуальные проблемы, связанные с отсутствием четкого законодательного определения статуса маркетплейсов, что порождает правовую неопределенность в вопросах ответственности при нарушении договоров розничной купли-продажи. Исследованы различия между маркетплейсами и онлайн-магазинами, проанализированы договорные конструкции (агентский договор, договор возмездного оказания услуг и смешанные договоры), находящиеся в основе

взаимоотношений платформ с продавцами. Особое внимание уделено проблемам определения надлежащего ответчика по искам потребителей, правовым последствиям технических сбоев, злоупотреблениям со стороны и недобросовестных покупателей, и платформ. На основе изучения судебных решений и действующего законодательства сформулированы предложения о совершенствовании правового регулирования, включая необходимость законодательного закрепления статуса маркетплейсов, установления прозрачных механизмов взаимодействия и распределения ответственности, в том числе солидарной, с интернет-провайдерами. Сделан вывод о необходимости сбалансированного подхода, сочетающего государственное регулирование и саморегулирование, для обеспечения защиты прав участников дистанционной торговли в условиях цифровизации экономики.

Ключевые слова: маркетплейсы, онлайн-платформа, дистанционная розничная купля-продажа, надлежащий ответчик, агентский договор, технический сбой, защита прав потребителей, платформенная экономика, судебная практика, цифровизация.

The article provides a comprehensive analysis of the legal aspects of marketplace activities within the context of Russian judicial practice. The authors examine current issues related to the lack of a clear legislative definition of the status of marketplaces, which creates legal uncertainty regarding liability for violation of retail purchase and sale contracts. The differences between marketplaces and online stores are explored, and the contractual frameworks (agency agreements, paid service contracts, and mixed contracts) that underlie the relationships between platforms and sellers are analysed. Particular attention is paid to the issues of determining the appropriate defendant in consumer claims, the legal consequences of technical failures, and abuses by both unscrupulous buyers and the platforms. Based on a study of court decisions and current legislation, proposals for improving legal regulation are formulated, including the need to legally define the status of marketplaces, establish transparent mechanisms for interaction and liability distribution, including joint liability with internet providers. The conclusion emphasizes the necessity of a balanced approach combining state regulation and self-regulation to ensure the protection of the rights of distance trade participants in the context of the digitalization of the economy.

Keywords: marketplaces, online platform, remote retail purchase and sale, proper defendant, agency agreement, technical failure, protection of consumers' rights, platform economy, judicial practice, digitalization.

Развитие информационных технологий в современном обществе неизбежно приводит к качественным изменениям во всех сферах жизни человека¹. За цифровизацией общественной жизни неизбежно следует возникновение не только новых объектов², но и субъектов гражданских прав, среди которых особое место занимают так называемые маркетплейсы, как форма электронной розничной торговли. В юридической литературе справедливо утверждается, что для должного нормативного регулирования следует определить правовую природу электронной торговли, ее эффективное осуществление с целью обеспечения баланса интересов участников цифрового торгового оборота в Российской Федерации (РФ)³. Однако действующее законодательство не всегда успевает за стремительным развитием новых технологий, их правовым регулированием, в том числе и разработкой необходимого понятийного аппарата. Поэтому термин «маркетплейс» в нем до сих пор отсутствует.

В соответствии с Законом РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»⁴ торговые онлайн-площадки рассматривают как агрегаторы по предоставлению информации о товарах или услугах. Вместе с тем в правоприменении сложилось устойчивое восприятие маркетплейсов как разновидности онлайн-платформ не только в сферах торговли и предоставления

¹ См.: Камышанский В. П. Некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при реорганизации правообладателя в условиях цифровизации экономики // Власть Закона. 2022. № 2 (50). С. 26.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 174.

³ См.: Левушкин А. Н., Морозов С. Ю. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 3.

⁴ О защите прав потребителей: закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 (в ред. от 07.07.2025 № 194-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 28. Ст. 3834.

возмездных услуг, но и при продвижении информационных продуктов, творческих, инвестиционных проектов и т. д.

Наибольшее значение и востребованность в настоящее время приобрела данная платформа в дистанционной розничной торговле потребительскими товарами. Возросший интерес покупателей к заключению договора розничной купли-продажи посредством маркетплейсов сводится не только к оптимизации и привлекательности цен на товары, но и в продуманной публичной оферте с использованием современных цифровых технологий и выверенной логистики. Совокупность маркетинговых приемов основана на сформировавшихся принципах, с учетом которых строится деятельность маркетплейсов, а именно:

а) оперативности прохождения товарного потока от продавца к покупателю;

б) оптимальности поиска и возможности сравнительного анализа предлагаемого товарного ресурса;

в) использования стимулирующих акций и предложений по товарному ассортименту;

г) применения безналичной формы расчетов за приобретенный покупателем товар как с отсрочкой платежа при его получении, так и с предварительной оплатой;

д) надлежащего исполнения договора с условием доставки товара покупателю или указанному им лицу (до пункта его выдачи или на дом).

Не следует приравнивать к маркетплейсам онлайн-магазины. Основное отличие состоит в том, что последние заключают договоры розничной купли-продажи только в отношении своих товаров и посредством своего сайта, а маркетплейсы продвигают товары различных товаропроизводителей и продавцов. Неоднозначным остается вопрос правового взаимодействия между участниками дистанционной торговли, в том числе порядка оформления и содержания отношений между субъектами онлайн-платформ с одной стороны и их партнерами (торговыми предприятиями) – с другой.

С учетом сложившейся практики делового оборота такого рода взаимоотношения основаны: а) на агентском договоре, при котором маркетплейс продает товары в интересах продавца, действуя от собственного имени или от имени контрагента; б) на основе договора возмездного оказания услуг, например при

продаже маркетплейсом товара покупателю с одновременным оказанием услуг торговому предприятию по продвижению и реализации его товаров на своей платформе; в) на смешанном гражданско-правовом договоре, в котором предусмотрены условия двух вышеуказанных договоров (этот вид договора часто использует в работе компания Ozon).

Думается, реализация прав и обязанностей участников договора по купле-продаже товаров на маркетплейсах с применением различных гражданско-правовых договорных конструкций является предпочтительным вариантом для всех субъектов дистанционной торговли с учетом интереса и индивидуального запроса сторон.

Посредством торговых интернет-платформ оформить заказ на приобретение товара может любое лицо при соблюдении правил о правоспособности и дееспособности граждан. Однако на практике возникают ситуации, в которых несовершеннолетние дети, пользуясь доступной возможностью, без разрешения родителей оплачивают заказанный ими товар банковской картой законных представителей. Например, на одном из телеканалов показан сюжет о приобретении десятилетним мальчиком электросамоката таким способом. В этой ситуации при вмешательстве родителей сотрудник маркетплейса вынужден был оформить отказ от доставленного в пункт выдачи оплаченного товара и возратить предварительно за него оплаченную денежную сумму.

С одной стороны, вины маркетплейса в данной ситуации нет, поскольку родители обязаны контролировать несовершеннолетних детей и осуществлять надлежащим образом их воспитание. С другой – и продавец, и изготовитель несут убытки при продаже качественного товара, основание возврата которого правилами розничной торговли в такой ситуации не предусмотрено. Более сложная ситуация возникает, если банковской картой незаконно или без разрешения и последующего одобрения со стороны ее обладателя воспользовался взрослый, совершеннолетний гражданин для оплаты дорогостоящего товара. В этом случае, как неоднократно обращали внимание исследователи, что отражено в литературе, возникает необходимость на законодательном уровне урегулировать данную ситуацию либо дать соответствующее разъяснение высшей судебной инстанцией.

Полагаем, что в подобной ситуации следует ввести обязательное правило, согласно которому совершеннолетний

покупатель обязан подтверждать при получении дорогостоящего товара на маркетплейсе свою личность. Необходимо внедрять имеющиеся современные способы идентификации личности, средства коммутации и управления, обеспечивающие передачу и распространение информации в цифровом виде, и на это неоднократно указано в работах ученых-цивилистов¹. В частности, предлагают использовать «перекрестную» идентификацию с применением идентификационных данных, собранных третьим лицом, допустить делегирование идентификации физических лиц, расширить перечень организаций, которым может быть делегировано проведение идентификации физических лиц². Относительно несовершеннолетних можно утверждать, что следует придерживаться гражданского законодательства, регулирующего совершение сделок частично дееспособными лицами. И нужно ввести запрет на выдачу товара, не соответствующего возрасту ребенка или не относящегося к мелкой бытовой сделке.

Не менее значимым является определение правового положения субъекта дистанционной торговли при установлении статуса надлежащего ответчика в случае нарушения договора розничной купли-продажи. Так, не всегда представляется возможным определить субъекта, к которому следует предъявлять иск, в частности к онлайн-площадке или продавцу товара. Судебная практика дает неоднозначный ответ на данный вопрос. Например, по делу гражданки А. о взыскании убытков за некачественно проданный электрический чайник суд взыскал деньги с маркетплейса Wildberries³. В аналогичном споре по продаже некачественной радиосистемы суд принял решение о взыскании убытков с продавца, а не с онлайн-площадки. И, наконец, в ходе судебного разбирательства маркетплейс «Яндекс

¹ См.: Морозов С. Ю., Тужилова-Орданская Е. М. Частноправовые отношения в условиях цифровизации // *Ex Jure*. 2024. № 4. С. 66; Серова О. А. Эволюция предметных исследований в области гражданского права: связь с новой технологической реальностью // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2021. № 3. С. 85.

² См.: Камышанский В. П. О финансовых сделках с использованием финансовой платформы // *Власть Закона*. 2021. № 1 (45). С. 17–18.

³ Решение мирового судьи судебного участка № 332 Бабушкинского района г. Москвы от 26 мая 2017 г. по делу № 02-0234/332/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/JJ4DDfE9Q5ZF/> (дата обращения: 28.10.2025).

Маркет» исключен из числа ответчиков. Он, будучи посредником в правоотношениях между покупателем и продавцом, согласно позиции суда, не уполномочен принимать и рассматривать претензии о продаже некачественного товара¹.

Неопределенной видится ситуация, при которой вследствие случайного технического сбоя в системе интернет-сайта появилась недостоверная информация о продаже товаров по существенным скидкам на маркетплейсе Ozon. У покупателей, которые приобрели товар по выгодной цене, через несколько часов, в этот же день, аннулированы заказы. Реакция Роспотребнадзора была категоричной: маркетплейс в соответствии с действующим законодательством, ст. 450 Гражданского кодекса (ГК) РФ, не имеет права в одностороннем порядке расторгать договор купли-продажи². Поэтому покупатели вправе требовать передачи товара по оплаченной цене или возмещения убытков.

Безусловно, маркетплейсы, как коммерческие организации, несут повышенную (без вины) гражданско-правовую ответственность при осуществлении предпринимательской деятельности³. Они освобождаются от ответственности вследствие действий непреодолимой силы либо ввиду прямого указания закона. На наш взгляд, ситуацию, связанную с техническим сбоем интернет-трафика, нельзя однозначно рассматривать как основание, дающее право для привлечения к ответственности только маркетплейса. Возможно, следует предусмотреть в законодательстве ответственность и интернет-провайдеров (долевою либо солидарную) применительно к изложенной ситуации. Это станет для интернет-агрегатора стимулирующим фактором в целях внедрения передовых технологий в области обеспечения бесперебойного трафика и, как следствие,

¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 8 ноября 2021 г. по делу № 8Г-22660/2021 // Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/324178023/#friends> (дата обращения: 28.11.2025).

² Батыров Т. Роспотребнадзор посчитал незаконной отмену Ozon аномально дешевых заказов // *Forbes*. 2021. 2 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/444899-rospotrebnadzor-poscital-nezakonnoj-otmenu-ozon-anomal-no-desevyh-zakazov> (дата обращения: 28.11.2025).

³ Шеховцова А. С., Капишникова Д. В. Актуальные проблемы договорной ответственности как вида гражданско-правовой ответственности // Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. для молодых ученых (Краснодар, 31 октября 2016 г.). Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2016. С. 11.

предоставления достоверной информации, а для маркетплейса – более справедливым решением данного вопроса.

Определенную проблему, злоупотребляя своими правами, создают для маркетплейсов недобросовестные покупатели товаров, преследующие цель не защиты нарушенных прав, а личного обогащения. Защищая права потребителей при дистанционном способе продажи товаров, действующее законодательство дает право потребителю в течение семи дней вернуть товар ненадлежащего качества. Воспользовавшись такой правовой возможностью, после новогоднего праздника потребители стали возвращать маркетплейсам новогодние электрические гирлянды и иные елочные украшения, ссылаясь на их недоброкачественность. Работники пунктов приема и выдачи товаров маркетплейсов, не обладая достаточными (а зачастую отсутствующими) профессиональными навыками и не всегда имея возможность осуществить надлежащим образом проверку возвращенных товаров, оформляют их возврат. В результате подобных действий возникают значительные убытки и у торговых предприятий (товаропроизводителей), и у маркетплейсов.

Данная проблема подтверждается и судебной практикой. Так, ООО «Ламобайл», будучи дистрибьюторской компанией, представляющей интересы фирмы Xiaomi по продаже в России бытовой техники, вынуждены были обратиться в суд с иском к «Яндекс Маркет» за защитой своих прав и законных интересов от действий недобросовестных потребителей (дело № А40-113637/2021). В ходе судебного разбирательства установлено, что маркетплейс принял к возврату от покупателя качественный товар, а так называемый некачественный характер товара стал следствием преднамеренных, неправомерных действий покупателя¹.

В деятельности некоторых маркетплейсов прослеживается порой недобросовестное поведение с их стороны, которое можно квалифицировать как злоупотребление правом. Например, участились случаи автоматического изменения цен на товары при

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 мая 2022 г. по делу № А40-113637/2021 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/37c53d13-bafa-4546-a7a5-2ed3b024244e/c2b45066-a49b-414c-b7cb-95e5c5d718a5/A40-113637-2021_20220520_Resheniya_i_postanovleniya.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.11.2025).

проведении их распродаж на площадках. Такие акции маркетплейсы Wildberries и Ozon проводят в одностороннем порядке, без предварительного согласия с продавцами и за их счет. Федеральная антимонопольная служба (ФАС) в связи с этим направила предупреждение крупнейшим маркетплейсам, указав, что такие действия несут риски для предпринимателей, поскольку лишают их права регулировать цены, и до установленного ФАС срока онлайн-платформам следует предусмотреть условия, при которых участие в акциях, в том числе и автоматических, должно носить добровольный характер, только с согласия продавца и его подтверждения¹.

Проанализируем еще один интересный случай. 12 ноября 2023 г. истец Г. осуществила приобретение кроссовок New Balance 574 стоимостью 8 707 руб. через интернет-платформу <https://cdek.shopping>. После получения товара покупатель установила его несоответствие заявленному размеру и инициировала процедуру возврата в установленный законом срок.

С 28 марта 2024 г. истец неоднократно направляла продавцу письменные обращения с требованием о возврате денежных средств, однако ответчик не предоставил мотивированного ответа и не выполнил обязательств по возмещению стоимости товара. Доводы истца сводились к п. 4 ст. 26.1 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»: потребитель вправе отказаться от товара в течение семи дней после его передачи, а при отсутствии письменного уведомления о порядке возврата – в течение трех месяцев. В данном случае возврат осуществлен в установленные сроки, а товар сохранил потребительские свойства и товарный вид, что является условием для возврата денежных средств. Согласно ст. 22 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 продавец обязан вернуть уплаченную сумму в течение десяти дней с момента предъявления требования. Нарушение этого срока является основанием для взыскания неустойки (п. 1 ст. 23), которая составляет 1 % от стоимости товара за каждый день просрочки. Истец просила также компенсировать

¹ Липанова Л. ФАС обязала Wildberries и Ozon согласовывать скидки с продавцами // Ведомости. 2025. 4 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki> (дата обращения: 28.11.2025).

моральный вред на основании ст. 15 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1¹.

Ответчик в своих возражениях ссылается на многочисленные судебные акты (апелляционное определение Ростовского областного суда от 11 июля 2023 г. по делу № 33-11732/2023, определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 декабря 2023 г. по делу № 2-370/2023 и др.), последовательно подтверждающих агентский характер деятельности ООО «СДЭК.Маркет». Суды единодушно признают, что компания действует исключительно как исполнитель агентского поручения, организуя для принципалов (потребителей) заключение договоров розничной купли-продажи с иностранными продавцами, таможенное оформление и доставку товаров.

Суды обращают внимание на принципиальное отличие агентского договора от купли-продажи. Согласно позиции Свердловского районного суда г. Костромы (решение от 27 февраля 2024 г.), предметом соглашения выступает не товар, а комплекс юридических и фактических действий по его приобретению. Денежные средства, перечисляемые агенту, включают в себя исключительно вознаграждение и компенсацию понесенных расходов (таможенные платежи, логистику), не образуя доход от реализации товаров.

Согласно правовой позиции, изложенной в решениях Бийского городского суда (от 13 июля 2023 г.) и Хабаровского краевого суда (от 14 февраля 2024 г.), ответственность агента ограничивается размером вознаграждения (п. 5 ст. 28 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»). Это соответствует п. 48 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2012 г. № 17, разъясняющего специальный статус посредников в потребительских отношениях.

Суды (например, Коркинский городской суд в решении от 10 июля 2023 г.) указывают на правомерность использования терминов «товар» и «покупатель» в агентских отношениях, что не изменяет их юридической природы. Как утверждает Девятый кассационный суд (определение от 7 мая 2024 г.), информационная прозрачность условий на платформе исключает смешение договорных моделей.

¹ Решение мирового судьи судебного участка № 5 Заводского района г. Саратова по делу № 2-4487/2024 // Судебный участок № 5 Заводского района г. Саратова: офиц. сайт. URL: <http://46.sar.msudrf.ru> (дата обращения: 14.11.2025).

Неприменимость ст. 23.1 и 26.1 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»; отсутствие оснований для применения норм о розничной купле-продаже (гл. 30 ГК РФ); специальный режим ответственности, ограниченный вознаграждением агента, – все это свидетельствует о последовательном подходе судебной практики к защите прав потребителей и законных интересов добросовестных участников агентских отношений. Ключевым критерием выступает четкое нормативное закрепление правового статуса сторон в договорных документах и пользовательских соглашениях.

Проведенный анализ правового регулирования деятельности маркетплейсов позволяет сделать вывод о том, что обычный покупатель, не обладающий специальными юридическими знаниями, не способен в полной мере осознавать сложность правоотношений, возникающих при дистанционной торговле через онлайн-платформы. Отсутствие четкого законодательного закрепления статуса маркетплейсов, а также противоречивая судебная практика в определении надлежащего ответчика за нарушение обязательств создают правовую неопределенность, что осложняет процесс защиты прав потребителей.

В условиях цифровизации экономики и расширения дистанционных форм торговли необходимым видится совершенствование законодательства, направленного на:

- четкое определение правового статуса маркетплейсов и разграничение их ответственности в зависимости от выполняемых функций (агентский договор, договор возмездного оказания услуг и др.);
- установление прозрачных механизмов взаимодействия между платформой, продавцом и покупателем, включая обязательное информирование потребителя о порядке возврата товара и распределении ответственности;
- создание эффективных механизмов защиты от злоупотреблений со стороны и недобросовестных покупателей, и маркетплейсов (например, автоматическое изменение цен без согласования с продавцами);
- закрепление солидарной или долевой ответственности интернет-провайдеров и маркетплейсов в случаях технических сбоев, приводящих к недостоверному отражению информации о товарах.

Только системное законодательное регулирование, учитывающее специфику цифровых платформ, способно

обеспечить баланс интересов участников дистанционной торговли и гарантировать защиту прав потребителей в условиях стремительного развития электронной коммерции.

Российское законодательство, регулирующее маркетплейсы, представляет собой совокупность правовых норм, которые служат фундаментом для функционирования цифровых торговых платформ и устанавливают порядок взаимодействия между маркетплейсами, продавцами и потребителями. Среди них – ГК РФ, Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», в соответствии с которым маркетплейсы признаны операторами цифровых платформ, обязанными обеспечивать техническую возможность для реализации прав потребителей: возврата товара или денег, обмена, оформления жалоб и т. д., а маркетплейс выступает посредником, несет ответственность при обеспечении условий возврата и рекламаций, но не несет непосредственной ответственности за качество товара. В этом же ряду находятся Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе», регулирующий требования к рекламной информации, размещаемой на сайтах маркетплейсов; Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», направленный на регулирование, предотвращение недобросовестной конкуренции между продавцами на маркетплейсах и соблюдение правил прозрачного доступа к рекламным и другим маркетинговым инструментам платформ; Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации», устанавливающий требования к организации торговой деятельности, в том числе с использованием цифровых платформ, ст. 11.1 которого запрещает размещение в публичном доступе предложений о продаже запрещенных к обороту товаров, незарегистрированных лекарств и товаров без надлежащей маркировки и сертификатов, а также правила дистанционной торговли, установленные Правительством РФ.

Несмотря на существующие нормативные акты, регулирующие работу маркетплейсов, в действующем законодательстве последних лет прослеживаются значительные недочеты, которые отрицательно влияли на эффективность управления рассматриваемых субъектов предпринимательской деятельности и безопасность рынка в целом. К главным проблемам можно отнести следующие:

- отсутствие четких правил, определяющих права и обязанности участников (платформ, продавцов, покупателей), что провоцирует конфликты;
- неопределенность ответственности маркетплейсов за качество товаров и услуг, открывающая двери для мошенничества;
- отсутствие единых стандартов договоров между маркетплейсами и продавцами, что ведет к неравным условиям и снижает доверие мелких игроков и потребителей;
- технические уязвимости в системах проверки продавцов, допускающие продажу подделок и нарушение прав потребителей;
- непрозрачные и слабо регулируемые алгоритмы ранжирования и поиска, позволяющие маркетплейсам дискриминировать продавцов, манипулируя видимостью товаров без объяснения причин.

Введение Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» открывает новую главу в развитии цифровой торговли в России. Этот документ не только расширяет действующие нормы, но и создает всеобъемлющую нормативно-правовую базу для регулирования деятельности маркетплейсов и других цифровых платформ. Закон впервые устанавливает единые стандарты для таких сервисов, как маркетплейсы, такси и доставка; четкие определения в отношении ключевых участников рынка, в частности операторов платформ, продавцов, покупателей и владельцев пунктов выдачи заказов, формулируя их права и обязанности. Цель закона – обеспечение прозрачной и безопасной для всех участников работы маркетплейсов и подобных сервисов.

Работа маркетплейсов в России вызывает все больше вопросов и со стороны покупателей, селлеров, владельцев пунктов выдачи заказов, и со стороны регуляторов. Важно, чтобы российский рынок электронной коммерции продолжал динамично расти, принося пользу обществу и способствуя развитию малого и среднего предпринимательства. Однако для этого необходимо внедрить разумные и справедливые правила игры.

Государство долгое время воздерживалось от регулирования деятельности маркетплейсов. В результате рынок онлайн-торговли сформировался и функционировал по собственным законам, не подпадающим под надзор. В настоящее время деятельность маркетплейсов подпадает под действие антимонопольного

законодательства. Изначально цифровые платформы полагались на принципы саморегулирования, что принесло результат, но оказалось неполноценным решением.

Законодательное регулирование должно обеспечить справедливые возможности участникам цифровых маркетплейсов, хотя, по мнению Ассоциации компаний интернет-торговли, «в отрасли уже существует достаточно хорошо развитый институт саморегулирования, который, по сути, формулирует общеотраслевые принципы»¹. Пока закон о платформенной экономике находится на стадии ожидания вступления в силу, представители маркетплейсов высказывают свои пожелания о снижении уровня будущего государственного регулирования. Параллельно с этим площадки электронной торговли готовятся к переходу на модель саморегулирования, разрабатывая соответствующие меры (например, требования по настройке алгоритмов удаления контрафактных товаров с маркетплейсов, создание реестра операторов и системы досудебного рассмотрения жалоб на *e-commerce*). К тому же участники рынка, которых не обошел стороной закон о платформенной экономике, работают над документом, определяющим ключевые принципы саморегулирования. В него войдут, в частности, нормы по контролю инвестиций маркетплейсов в скидки, направленные на предотвращение монополизации, а также механизмы удаления контрафактной продукции с площадок. Законопроект может содержать детализацию ряда пунктов закона: например, создание списка операторов, механизм внесудебного разрешения спорных ситуаций, условия предоставления сервисов за плату, которые оказывают воздействие на результаты поиска и др.

Оптимальное соотношение между государственным регулированием и саморегулированием² способствует эволюции и комплементарности норм саморегулирования по отношению к государственным. Это особенно становится актуальным для

¹ Полонская В., Исакова Т. Маркетплейсы готовятся саморегулироваться // Коммерсантъ. 2025. 4 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8008934> (дата обращения: 14.11.2025).

² Серая Н. А. К вопросу о защите саморегулируемой организацией в сфере строительства прав и законных интересов своих членов: доктрина и актуальная арбитражная практика // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 187; Серая Н. А., Марухно В. М. Методология формирования гражданско-правовой конструкции института саморегулирования в сфере строительства // Власть Закона. 2023. № 1 (53). С. 171.

оперативного регулирования новых форм реализации общественных правоотношений, возникающих в таких специфических секторах, как торгово-посредническая деятельность (включая маркетплейсы), строительная индустрия и др.

Библиографический список

1. *Батыров Т.* Роспотребнадзор посчитал незаконной отмену Ozon аномально дешевых заказов // Forbes. 2021. 2 ноября. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/444899-rospotrebнадzor-poscital-nezakonnoj-otmenu-ozon-anomal-no-desevyh-zakazov> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
3. *Камышанский В. П.* Некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при реорганизации правообладателя в условиях цифровизации экономики // Власть Закона. 2022. № 2 (50). С. 25–33.
4. *Камышанский В. П.* О финансовых сделках с использованием финансовой платформы // Власть Закона. 2021. № 1 (45). С. 12–18.
5. *Левушкин А. Н., Морозов С. Ю.* Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике // Вестник арбитражной практики. 2024. № 5. С. 3–10.
6. *Липанова Л.* ФАС обязала Wildberries и Ozon согласовывать скидки с продавцами // Ведомости. 2025. 4 февраля. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2025/02/04/1090197-fas-obyazala-skidki> (дата обращения: 28.11.2025).
7. *Морозов С. Ю., Тужилова-Орданская Е. М.* Частноправовые отношения в условиях цифровизации // Ex Jure. 2024. № 4. С. 66–77.
8. *Полонская В., Исакова Т.* Маркетплейсы готовятся саморегулироваться // Коммерсантъ. 2025. 4 сентября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8008934> (дата обращения: 14.11.2025).
9. *Серая Н. А.* К вопросу о защите саморегулируемой организацией в сфере строительства прав и законных интересов своих членов: доктрина и актуальная арбитражная практика // Власть Закона. 2022. № 4 (52). С. 187–198.

10. *Серая Н. А., Марухно В. М.* Методология формирования гражданско-правовой конструкции института саморегулирования в сфере строительства // *Власть Закона*. 2023. № 1 (53). С. 171–181.

11. *Серова О. А.* Эволюция предметных исследований в области гражданского права: связь с новой технологической реальностью // *Методологические проблемы цивилистических исследований*. 2021. № 3. С. 76–95.

12. *Шеховцова А. С., Капишникова Д. В.* Актуальные проблемы договорной ответственности как вида гражданско-правовой ответственности // *Актуальные проблемы гражданского и предпринимательского права: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. для молодых ученых (Краснодар, 31 октября 2016 г.)*. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2016. С. 11–14.

П. Г. Габай

адвокат, председатель Совета учредителей АНО «Национальный аналитико-экспертный центр здравоохранения», вице-президент Фонда поддержки противораковых организаций «Вместе против рака»,

кандидат юридических наук,
Россия, г. Москва
polina.gabay@kormed.ru

**КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР
РАЗВИТИЯ ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ,
СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ
(УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ**

**INDIRECT CONNECTION AND PROBABILISTIC NATURE
OF THE DEVELOPMENT OF CAUSALITY IN COURT CASES
RELATED TO THE PROVISION OF MEDICAL CARE (SERVICES)
WITH AN UNFAVORABLE OUTCOME**

В статье исследованы проблемные вопросы, возникающие в судебной практике при рассмотрении дел об оказании медицинской помощи (услуги) с неблагоприятным исходом. Автор утверждает, что практика и теория права не выработали универсального понятия косвенной связи. Но, по мнению автора, оно необходимо при установлении основания публичного или гражданского деликта: если физической непрерывной и закономерной причинно-следственной связи (в классической

интерпретации естественной науки) не выявлено, а юридически значимое негативное поведение участников общественных отношений наблюдается и существует необходимость установить лицо, которое будет восстанавливать нарушенные права. В заключение сделан вывод о том, что виновное поведение – это оценка вероятностей возникновения неблагоприятного исхода медицинского вмешательства в условиях конкретной ситуации, то есть оценка перспектив развития причинной связи, которая, в свою очередь, за счет многофакторности многовариантна. Проанализировано 120 судебных решений, принятых по итогам рассмотрения уголовных (44) и гражданских (86) дел в связи с ненадлежащим оказанием медицинской помощи (услуги).

Ключевые слова: косвенная связь, причинно-следственные связи, неблагоприятный исход медицинской помощи, судебная медицинская экспертиза, вероятностный характер развития причинности, моральный вред, права пациента, дефекты оказания медицинской помощи.

The article examines problematic issues that arise in judicial practice when considering cases on the provision of medical care (services) with an unfavorable outcome. The author argues that neither legal doctrine nor judicial practice has developed a universal concept of indirect causation. However, in the author's opinion, it is necessary when establishing the grounds for a public or civil tort: if a physical, continuous, and regular cause-and-effect relation (in the classical interpretation of natural science) is not identified, but legally significant negative behavior of participants in social relations is observed, and it is necessary to identify the party who will restore violated rights. The author concludes that culpable conduct is an assessment of the probabilities of an adverse outcome of medical intervention in a specific situation, in other words, an assessment of the prospects of the development of a causal relationship which, due to the multiplicity of factors involved, is inherently variable and multi-vector. The study analyses 120 court decisions in criminal (44) and civil (86) cases related to the improper provision of medical care (services).

Keywords: indirect causation, cause-and-effect relations, unfavourable outcome of medical care, forensic medical examination, probabilistic nature of causation development, moral damage, patient's rights, defects in medical care.

Законодательство Российской Федерации (РФ) и подзаконные нормативные правовые акты не содержат упоминания о косвенной связи, в отличие от причинно-следственной. Универсального понятия «косвенная связь» практика и теория права также не выработали. Обычно имеют в виду установление связи между неблагоприятным исходом и условиями, ставшими катализатором для главной причины. Иногда используют в качестве синонима термин «опосредованная связь»¹.

Например, непрямая связь указана в заключении экспертизы (приговор Канавинского районного суда города Нижний Новгород от 10 июня 2020 г. по делу № 1-121/2020), с учетом которой по ч. 2 ст. 328 Уголовного кодекса (УК) РФ осужден руководитель организации. Руководитель клиники не организовал внутренний контроль качества и безопасности медицинской деятельности, не издал локальный нормативный акт, определяющий порядок организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности, и не возложил в установленном законом порядке указанные обязанности на квалифицированного специалиста, имеющего необходимое образование и сертификат.

В результате при оказании реанимационной помощи в стоматологическом кабинете в аптечке не оказалось обязательного для оказания неотложной медицинской помощи препарата «адреналин». Медицинские работники, оказывающие неотложную помощь, ввели другой препарат и вызвали скорую. Предпринятые усилия не помогли спасти потерпевшую от смерти. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, нарушение алгоритма оказания медицинской помощи до прибытия работников скорой медицинской помощи ухудшило прогноз для успешной реанимации, но в прямой причинной связи со смертью потерпевшей не состояло, поскольку применение адреналина не гарантирует сохранение жизни.

Приведем еще один пример косвенной связи. Пациент обратился в травмпункт с жалобами на боль в области грудной

¹ См., напр.: Илларионова Т. И. Ответственность по российскому гражданскому праву // Гражданское право: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. М.: Норма, 2001. С. 428–430; Рыженков А. Я. Механизм связи юридических фактов и их последствий в гражданском праве // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 92.

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

клетки. Он получил общее обследование, включая рентгенограмму, рекомендации врача по лечению и обращению в поликлинику по месту жительства для наблюдения участковым медицинским работником. Пациент рекомендаций не выполнил и умер через несколько дней вследствие воспаления легких, которое не было диагностировано. Недиагностированное заболевание стало причиной смерти, а значит, прослеживается связь между деянием врача травмпункта и наступившим вредом. Но каковы ее свойства? Воспользуемся вышеуказанными критериями причинно-следственной связи для анализа данной ситуации.

Закономерность смерти пациента от недиагностированности заболевания очевидна, так как отсутствие сведений об источнике расстройства здоровья не стимулировало пациента к дальнейшим действиям после произведенного осмотра. Цепь событий (боль в грудине, осмотр с рентгеном, рекомендации врача, необращение в поликлинику, неполучение лечения, смерть) не стала следствием непрерывной и объективной динамики, а опосредована человеческими решениями. У пациента была возможность выполнить рекомендации врача из травмпункта, но он не использовал ее. Из этого следует, что физически обусловленная связь между рекомендациями врача и смертью пациента отсутствует. Своеобразное информационное воздействие в виде недостаточной осведомленности о состоянии здоровья в момент обращения за помощью преломляется в сознании пациента в его собственное решение. Иными словами, связь существует, но не причинно-следственная, так как отсутствует признак непрерывности. Соответственно, косвенная связь устанавливается, если поведение врачей служит лишь условием, воздействующим на естественный ход событий, вмешательство в который не привело к негативным последствиям¹.

Анализ судебных решений по гражданским спорам не выявил единодушия правоприменителей в оценке причинной или косвенной связи и ее влияния на вердикт. Например, в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. по делу № 2-38/2022 утверждается: «Отсутствие *прямой причинно-следственной связи* между недостатками

¹ См.: Веселкина О. Дефекты оказания медицинской помощи с точки зрения судебно-медицинской экспертизы // Национальная медицинская палата. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=34467> (дата обращения: 12.02.2024).

медицинской помощи и ухудшением состояния здоровья Д. *не опровергает факта причинения* последней морального вреда. Наличие недостатков оказания медицинской помощи, констатированное проведенной по делу судебно-медицинской экспертизой, само по себе в силу вышеприведенных положений ст. 19 и ч. 2, 3 ст. 98 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ является обстоятельством, свидетельствующим о наличии оснований для компенсации морального вреда»¹.

Вместе с тем в определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 марта 2023 г. по делу № 88-6382/2023 в связи со спором о возмещении морального вреда вследствие оказания медицинской помощи ненадлежащего качества, приведшей к смерти пациента, указано: «...Приняв во внимание акт экспертов Территориального фонда обязательного медицинского страхования, пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных истцом требований исходя из того, что *доказательств наличия прямой причинно-следственной связи* между дефектами оказания медицинской помощи и его смертью *не представлено*, в связи с чем отсутствуют основания для привлечения ответчика к гражданско-правовой ответственности»².

Статья 1095 Гражданского кодекса (ГК) РФ гласит о том, что *вред*, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица *вследствие* конструктивных, рецептурных или иных недостатков товара, работы или услуги, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации о товаре (работе, услуге), *подлежит возмещению* продавцом или изготовителем товара, лицом, выполнившим работу или оказавшим услугу (исполнителем), *независимо от их вины* и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или не состоял. Использование предлога «вследствие» подразумевает необходимость связать факт ненадлежащего оказания

¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. по делу № 2-38/2022 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=106121#U1D1R4VE5Za2ly051> (дата обращения: 15.03.2025).

² Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 марта 2023 г. по делу № 88-6382/2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ002&n=112197#t3N2R4VguRon07n1> (дата обращения: 15.03.2025).

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

медицинской помощи или услуги с наступившим вредом, то есть установить причинную связь. Одновременно упомянутая статья делает акцент на неважности установления вины для поиска основания ответственности. Следовательно, в гражданском праве рассмотрение дел о компенсации в связи с причинением вреда здоровью базируется на презумпции вины. Подтверждением служит положение ст. 1064 ГК РФ, согласно которой при оказании медицинской помощи ненадлежащего качества вина медицинской организации предполагается, пока ответчик не докажет обратное. В результате гражданское судопроизводство, не акцентированное законодателем на установлении вины, не всегда заинтересовано в выявлении причинной связи, но всегда учитывает косвенную.

Анализ судебных решений позволяет заключить, что в ситуациях гражданского судопроизводства с участием страховой компании прямая причинная связь относится к предмету доказывания. Рассмотрение исков о компенсации морального вреда гражданам не требовало поиска причинной связи. Полагаем, подобная практика соотносится с правильным пониманием сущности причинной связи в праве. Как указано выше, исследуемая категория обозначает закономерности трансформации материальных объектов вследствие материального (физического) воздействия либо отсутствия такого вмешательства (если речь идет об обязательных действиях). Результатом изложенного процесса становится материальный вред, который, согласно теории¹ уголовного права, может быть представлен либо в виде имущественного ущерба (убытков), либо в виде физического вреда (вреда здоровью). Например, из определения Первого кассационного суда общей юрисдикции от 14 марта 2023 г. по делу № 88-5818/2023, 2-3/2022 следует, что доводы истцов о наступлении страхового случая, являющиеся основанием для удовлетворения исковых требований о *выплате страхового возмещения*, являются необоснованными. Причиной смерти пациента стало обострение сердечно-сосудистого заболевания. Сопутствующая патология – новая коронавирусная

¹ См.: Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 16–22; Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. С. 28, 187; Шкабин Г. С. Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // Lex Russica / Русский закон. 2016. № 8 (117). С. 62.

инфекция – не подтверждена ПЦР-тестом и не связана с основным заболеванием или его осложнениями, послужившими причиной смерти. Судами не установлено, что заражение произошло именно на работе, при непосредственном контакте с пациентом, у которого подтверждено наличие коронавирусной инфекции. Нарушений требований правил осуществления медицинской деятельности, находящихся в *прямой причинно-следственной связи* с наступившей смертью, не установлено.

Моральный вред, как субъективное ощущение потерпевшего в виде нравственных страданий или физической боли (без ухудшения состояния здоровья), не позволяет выявить физическую закономерность его происхождения от деяния или события¹. Например, в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 июня 2023 г. № 88-11019/2023 указано, что материалами дела достоверно подтверждено наличие дефектов в оказании медицинской помощи пациенту при обращении к ответчикам. После того как пациенту внутривенно ввели неустановленную инъекцию, он, потеряв сознание, упал, и затем был доставлен в больницу, в которой скончался, не приходя в сознание. Отсутствие прямой причинно-следственной связи между нарушениями, допущенными обоими ответчиками при оказании медицинской помощи пациенту, и наступлением его смерти не освобождает ответчиков от обязанности компенсации морального вреда истцу, являющемуся близким родственником умершего. Во взыскании расходов на погребение (имущественных убытков материального качества) истцу отказано.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» также обращено внимание на презумпцию наступления обязанности возмещения морального вреда в случаях выявленных дефектов оказания медицинской помощи или услуги, а также иных нарушений прав пациента (п. 3, 12 и 15). При этом причинно-следственную связь необходимо устанавливать только в ситуациях, в которых основанием ответственности стало причинение вреда здоровью пациента либо смерти (п. 15 постановления), что согласуется с общей теорией причинности как материально проявляющейся закономерности. Следовательно,

¹ См., напр.: *Шкула И. Р.* К вопросу о применении законодательства о компенсации морального вреда гражданам судами Российской Федерации // *Власть Закона*. 2024. № 1 (57). С. 145.

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

презюмируется наличие косвенной связи между моральным вредом и неправомерным либо дефектным оказанием медицинской помощи, а также вины медицинского работника. Последний аспект может быть устранен (если ответчик успешно оспорит виновность) вместе с необходимостью нести ответственность.

Презумпция вины относительно наступившего морального вреда в подобных случаях следует из характеристики объективной потенциальной опасности практически любого медицинского вмешательства. Это связано с неопределенностью индивидуальных реакций организма пациента на такое воздействие. Видимо, правоприменитель проводит аналогию с перманентной гражданско-правовой ответственностью собственников транспортного средства, поскольку оно всегда служит источником повышенной опасности.

Моральный вред и иные негативные социальные последствия нарушения прав пациентов (вне наступления существенных имущественных убытков или вреда здоровью) – результат не физических закономерностей, а нарушения социальных связей в области оказания медицинской помощи или услуги. Аналогичны последствия, которые причиняет заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ч. 1 ст. 207 УК РФ): временная дезорганизация деятельности инфраструктуры населенного пункта или его части.

Таким образом, косвенной причинной связью при оказании медицинской помощи (услуги) можно считать юридически значимую социально обусловленную связь между ненадлежащим (дефектным, некачественным) медицинским вмешательством и неблагоприятными последствиями (независимо от степени тяжести) при отсутствии хотя бы одного из признаков прямой причинно-следственной связи.

Появление рассматриваемой категории продиктовано потребностями практики в установлении основания публичного или гражданского деликта: если физической непрерывной и закономерной причинно-следственной связи (в классической интерпретации естественной науки) не выявлено, а юридически значимое негативное поведение участников общественных отношений прослеживается и существует необходимость установить лицо, которое будет восстанавливать нарушенные права. Распространенная формулировка для таких случаев: «Наличие недостатков оказания медицинской помощи,

констатированное проведенной по делу судебно-медицинской экспертизой, не установившей прямую причинно-следственную связь, само по себе является обстоятельством, свидетельствующим о наличии оснований для компенсации морального вреда» (определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. по делу № 2-38/2022). Иными словами, правовой оценке подлежат только факт нарушения права и степень его нарушения, а не связь между деянием и вредом.

Многофакторность условий возникновения последствия вносит в физическое и юридическое значение конструкции причинно-следственной связи категорию вероятности. Так, уголовная ответственность за неоконченное преступление (в частности, покушение на преступление) существует за счет моделирования превращения деяния в наиболее вероятный вид общественно опасного последствия, которое не наступило благодаря случайному (неподконтрольному виновному) стечению обстоятельств. С вероятностью связаны такие аспекты причинно-следственной связи, как «наибольший вклад в наступление вреда данного деяния» или «главная причина» (в этом мы убедились на примерах вменения уголовной ответственности за бездействие при оказании медицинской помощи или услуги). Вопрос о предвидении вероятности наступления преступных последствий считают ключевым для установления наличия и вида вины (ст. 25 и 26 УК РФ).

С категорией вероятности в большей степени коррелирует теория адекватной причинности (или теория типичных и нетипичных связей), согласно которой сделать вывод о прямой причинно-следственной связи можно, если наступивший вред был типичным (наиболее вероятным и статически прослеживаемым) следствием выявленных условий. Например, согласно кассационному определению Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2021 г. № 77-1618/2021, установлено, что дежурный врач больницы направил пациента, доставленного машиной скорой помощи, в терапевтическое отделение, не выполнив необходимые лечебно-диагностические мероприятия и не выявив данные острой хирургической патологии. Пациент вскоре скончался от хронической язвы двенадцатиперстной кишки с осложнением в виде кровотечения в полость желудочно-кишечного тракта. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, ввиду тяжести заболевания, которым страдал пациент, своевременно, правильно назначенное и проведенное

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

лечение однозначной гарантией наступления благоприятного исхода не было. С учетом этого отсутствует прямая причинно-следственная связь между дефектами оказания медицинской помощи и смертью. Следовательно, типичные закономерности, запускаемые при оказании стандартной медицинской помощи для данного случая, не привели бы к типичному результату.

Типичность или атипичность развития связи в таких ситуациях соотносится с доказательственной базой медицины, заложенной в основу обучения врачей. В соответствии с одним из вариантов теории адекватной причинности для целей права обстоятельство станет причиной вреда, если оно повысило вероятность возникновения вреда такого рода¹. Например, пациенту «оказана противопоказанная экстренная медицинская помощь: консервативная терапия предсердной тахикардии с применением препарата “финоптин”. Согласно внутриведомственному стандарту по оказанию неотложной МП, больным с нарушением ритма при впервые возникших пароксизмах узловой тахикардии финоптин противопоказан. Механизм действия финоптина заключается в активации дополнительных путей проведения и трансформации предсердной тахикардии, обуславливающих многофокусную фибрилляцию желудочков, ведущую к смерти»². Смерть стала типичной реакцией на введение препарата пациенту с указанным диагнозом, о чем медицинский работник, безусловно, знал, а следовательно, действовал виновно.

Объективная действительность смешивает природные закономерности, поэтому не всегда понятно, какой механизм причинения вреда сработает (сработал) в той или иной жизненной ситуации и как его оценивать³ в контексте права. Например, усложнение анализа причинной цепочки становится возможным

¹ См.: Михайлов В. С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 24.

² Пристансков В. Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 3. С. 90.

³ Квалификационным аспектам причинной связи в сложных ситуациях много внимания уделял Г. А. Есаков. См., напр.: Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81; Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: неосторожные преступления // Уголовное право. 2024. № 4. С. 20.

за счет выявления нескольких последовательно воздействующих причин, если дефекты при оказании медицинской помощи установлены в деятельности работников разных медицинских организаций. В науке такие случаи получили название кумулятивной причинности¹, или сопричинения². По общему правилу, ответственность наступает у каждого из сопричинителей. В некоторых ситуациях это помогает определить квалификацию. Например, эксперты указали на две причины повторного засыпания и последующей гипоксии пациента, приведшей к смерти: избыточная анестезия и недостаток оказания медицинской помощи в палате пробуждения в виде отсутствия мониторингового наблюдения. Дефекты оказания помощи в поведении анестезиолога и условиях пребывания в палате пробуждения совместно привели к неблагоприятному исходу. Отсутствие хотя бы одного из этих двух факторов могло нейтрализовать возможность смерти при прочих равных условиях. Поэтому причинно-следственная связь устанавливается для каждого из врачей, и ответственность за неосторожное причинение вреда должна наступать у каждого.

Иногда приведенное правило компенсируется выводами экспертизы. Например, в определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 6 декабря 2022 г. по делу № 88-25629/2022 отражен случай наступления смерти ребенка в результате развития гнойно-септического состояния, в частности бактериального гнойного менингита и отека головного мозга. Амбулаторное обследование провели не в полном объеме (недооценена тяжесть состояния ребенка), и госпитализация в стационар была запоздалой, с уже развившейся генерализацией инфекции. При оказании медицинской помощи в стационаре выявлены дефекты: диагностические мероприятия проведены не в полном объеме, лечение назначено неадекватно клиническому состоянию. Экспертами установлена причинная связь только второго этапа лечения со смертью, что позволило освободить от ответственности медицинских работников амбулаторного этапа. Становится понятным, что без экспертного заключения делать

¹ См.: Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 82.

² См.: Радов В. В. Неосторожное сопричинение в ятрогенных преступлениях // Медицинское право: теория и практика. 2023. Т. 9. № 3–4 (21–22). С. 83.

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

вывод о так называемой восходящей кумулятивной причинности¹ нельзя.

Обычно в науке рекомендуют оценивать существенность того или иного условия путем мысленного упражнения, названного В. Б. Малининым «золотым правилом причинности» или универсальным логическим правилом *sine qua non*. Автор пишет: «Если, мысленно выделив интересующее нас явление из всей суммы предшествующих факторов, мы найдем, что последствие не произошло бы или произошло бы иным путем или в иное время, то следует признать, что данное явление является условием данного последствия. Если же окажется, что последствие наступило бы в том же порядке, то это значит, что действие не является условием последствия и между ними нет причинной связи»².

Концепция связана с теорией рисков, то есть просчитывают возможности благоприятного и неблагоприятного результатов оказания медицинской помощи. Предложенный механизм успешно работает в случаях причинения вреда путем действия. Например, бездействие медицинских работников, то есть отсутствие необходимых к выполнению в данной ситуации действий, мысленно исключать бесполезно. Наоборот, необходимо создавать модели результативности проведения медицинского вмешательства в сложившихся обстоятельствах с соблюдением требований медицинских стандартов и рекомендаций.

В судебных решениях порой задействованы положения из экспертных заключений, включающих в себя моделирование развития неблагоприятного и благоприятного результатов за счет выполнения правомерных действий медицинскими работниками в анализируемых ситуациях. В апелляционном постановлении Воронежского областного суда от 14 сентября 2022 г. по делу № 22-2228 рассмотрен казус: согласно заключению комиссионной судебно-медицинской экспертизы, у пациента при поступлении имелся неполный перекрут яичка, то есть не сопровождающийся выраженными ишемическими изменениями, что на современном этапе развития медицины при своевременном оперативном лечении *«достаточно позволяет избежать развития выраженной*

¹ См.: Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 84.

² Малинин В. Б. Философские основы причинной связи в уголовном праве и криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 16.

ишемии» в первые часы с момента формирования (до 4–6 часов) перекута в яичке. Ненадлежащее исполнение обязанностей дежурным врачом «не позволило избежать развития выраженной ишемии». Врач, не имея объективной картины состояния здоровья пациента, в нарушение положений своей должностной инструкции, умышленно не принял неотложных мер реагирования, направленных на устранение угрозы для здоровья пациента, хотя располагал возможностью их принять. В апелляционном постановлении Воронежского областного суда от 14 сентября 2022 г. по делу № 22-2228 указано: «В рассматриваемой ситуации между ненадлежащим исполнением врачом своих профессиональных обязанностей и последствиями в виде развития атрофии яичка, приведшей к увеличению продолжительности временной нетрудоспособности, имеется прямая причинно-следственная связь»¹.

В приговорах редко отражена необходимость выстраивания *реальных и потенциальных закономерностей* возникновения неблагоприятных последствий (развития заболевания, ухудшения состояния здоровья пациента) экспертами. В случаях, если перед экспертом ставят широкий круг вопросов, в заключении прослеживается оценка потенциальной динамики.

Например, «если бы своевременно провели диагностику, то вероятность проведения корректного лечения позволила бы сохранить жизнь пациенту». В приговоре Октябрьского районного суда города Мурманска от 26 января 2023 г. по делу № 1-4/2023 использован похожий прием описания вероятностного развития событий: «Таким образом, медицинская услуга “Назначение лекарственных препаратов врачом – анестезиологом-реаниматологом”, оказанная лечащим врачом пациенту, считалась бы предоставленной в полном объеме и надлежащего качества, отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья пациента в случае применения к пациентке, находящейся в состоянии агитации, рекомендованного препарата для седации “Мидазолам” в необходимой дозировке. Медицинские услуги “Исследование уровня кислорода крови” и код “Исследование уровня углекислого газа в крови”, оказанные пациентке ее

¹ Апелляционное постановление Воронежского областного суда от 14 сентября 2022 г. по делу № 22-2228 // Судебные Решения РФ. URL: <https://xn--90afdbaa0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/69087869?ysclid=mirtvr9bw83652734> (дата обращения: 15.03.2025).

лечащим врачом, считались бы предоставленными в полном объеме и надлежащего качества, отвечающими требованиям безопасности жизни и здоровья пациента в случае получения и исследования не венозной, а артериальной крови»¹. Квалификация бездействия в условиях подробного охвата вероятностных результатов не совершённых, но обязательных действий, становится более обоснованной.

Обратим внимание на оценочность и гипотетичность представленных моделей вероятного развития ситуации. Ряд ученых² уверены в невозможности конкретизации индикаторов, которые объясняли бы правоприменителю степень достоверности возникновения того или иного благоприятного исхода при моделировании. Практико-ориентированные исследователи³ пишут о необходимости фиксации в экспертных заключениях степени вероятности предотвращения неблагоприятных последствий при условии надлежащего оказания медицинской помощи. Кроме того, не существует научно обоснованного подхода к прогнозу характера и степени тяжести осложнений медицинского вмешательства.

Например, невозможно достоверно оценить объем вероятной кровопотери при проведении хирургической операции и сделать обоснованный вывод о том, могла ли кровопотеря достигнуть такого объема, при котором имеется тяжкий вред здоровью пациента или возможно наступление смерти. В материалах судебной практики нами не найдены документы, отражающие показатели вероятностей развития причинно-следственной связи с использованием фрагментов предложений «последствие, безусловно, не наступило бы, если...» или «последствие определено не наступило бы, если...» либо характерных для математического

¹ Приговор Октябрьского районного суда города Мурманска от 26 января 2023 г. по делу № 1-4/2023 // Октябрьский районный суд города Мурманска: офиц. сайт. URL: <https://okt.mrm.sudrf.ru/> (дата обращения: 15.03.2025).

² См., напр.: *Есаков Г. А.* Причинная связь в сложных ситуациях: неосторожные преступления // *Уголовное право.* 2024. № 4. С. 28; *Медведев Е. В.* Причинная связь в составах нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (транспортных преступлений) // *Безопасность бизнеса.* 2018. № 6. С. 16; *Шмаров А. А.* Множественность причинных связей в заключениях по «врачебным делам» // *Медицинское право.* 2022. № 2. С. 39.

³ См.: *Радов В. В.* Уголовная ответственность за ятрогенные преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. С. 110.

моделирования процентов. Обычно упоминают глагол «могло», являющийся показателем вероятности.

Полагаем, проблема определения вероятности наступления благоприятных и неблагоприятных последствий в результате оказания медицинской помощи или услуги требует более подробного анализа в контексте разных жизненных ситуаций.

Существует еще одна квалификационная загвоздка, имеющая прямое отношение к категории причинно-следственной связи в уголовном праве: сложные по конструкции «составы угрозы» или «составы опасности»¹. В диспозиции УК РФ они содержат описание вредных последствий, наступление которых не требуется для вменения соответствующей статьи, но предполагает установление отношения виновного к таким предполагаемым законодателем последствиям. Например, ч. 1 ст. 238 УК РФ имеет прямое отношение к юридической оценке дефектов оказания медицинской помощи (услуги) с неблагоприятным исходом, так как часто ее применяют в отношении медицинских работников. Абзац 2 п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» принуждает правоприменителя устанавливать *высокую степень вероятности наступления вреда*: «Если услуги не представляли *реальную опасность* причинения тяжкого вреда здоровью или смерти человека, то такое деяние не образует состава преступления»². Следовательно, нетривиальный по конструкции состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 238 УК РФ, создает правовую фикцию: наступление вреда для уголовной ответственности не требуется, но вероятность его наступления должна быть высокой.

Например, апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Амурского областного суда от 6 июня 2023 г. по делу № 22-1026/2023 содержит выписку из заключения комиссии экспертов. В нем перечислены грубые дефекты оказания

¹ См., напр.: Курсаев А. В. Состав поставления в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 166.

² О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_327674/ (дата обращения: 15.03.2025).

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ
ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

медицинской помощи лечащим врачом: не приняты надлежащие меры для оценки степени тяжести заболевания пациентки; не осуществлен лабораторный контроль прогрессирования имеющегося заболевания; поставлен предварительный диагноз, не соответствующий клиническому состоянию; анамнез жизни и эпидемиологический анамнез собраны недопустимо кратко; не выполнена термометрия; сформирован не в полном объеме соответствующий временным методическим рекомендациям план обследования; назначено обследование не при поступлении в стационар, а только на следующий день; назначены и не выполнены анализы; назначена недостаточная дозировка препарата; не приняты меры для перевода в отделение интенсивной терапии; не назначена консультация реаниматолога. Таким образом, лечащий врач, допустив грубые дефекты в процессе оказания медицинской помощи, своими действиями оставил пациентку без необходимой медицинской помощи, создав тем самым угрозу для жизни и здоровья, что привело к сохранению стабильно тяжелого состояния. Смерть потерпевшей не находится в причинной связи с бездействием подсудимого, поэтому действия квалифицированы по ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Показательна и теория «утраты шанса». Если врач совершает врачебную ошибку (правонарушение), то пациент теряет шанс (или множество шансов) на выздоровление¹. Обычно данный принцип используют при возмещении морального вреда, предполагая некоторые неудобства ситуации, в которой оказался истец вследствие некомпетентности исполнителя услуги. Полагаем, что гражданско-правовая презумпция вины медицинских работников (медицинских организаций) в причинении вреда в случае нарушения критериев оказания медицинской помощи (услуги) иногда автоматически переносится и используется при квалификации деяний по ч. 1 ст. 238 УК РФ, что представляется неверным и нарушает уголовно-правовой принцип субъективного вменения.

В рассматриваемом аспекте возникает вопрос о квалификации дефектов оказания медицинской помощи или услуги, которые должны были бы повлечь наступление тяжкого вреда здоровью пациента, но, благодаря вмешательству других медицинских работников (или пациента) в причинную связь, не

¹ См.: Михайлов В. С. Указ. соч. С. 166.

наступили. Обращение к теории «привходящей причинности»¹ (если причинная связь прерывается действиями третьих лиц) ситуацию не проясняет. При совершении неосторожного преступления вмешательство третьих лиц в запущенный процесс, по общему правилу, разрывает причинную связь между первоначальным деянием и последствием, поскольку субъект правонарушения теряет контроль над ситуацией. Деяние, предусмотренное ст. 238 УК РФ, относится к категории умышленных. С учетом этого логично предположить, что избавление от вероятных последствий за счет вмешательства третьих лиц должно быть оценено как покушение медицинского работника на преступление. Необходимая для ответственности опасность создана виновным лицом, а значит, состав окончен.

В случаях так называемой расширенной ответственности вред, созданный подчиненными, должен быть вменен и лицу, не проконтролировавшему их действия в соответствии со своими обязанностями (с неосторожной формой вины и при наличии такой возможности). Например, если амбулаторный пациент не осуществляет назначенное ему лечение или использует вместо назначенных лекарственных средств народные рецепты, то ухудшение состояния здоровья не состоит в причинной связи с действиями или бездействием врача. Вместе с тем, если пациент должным образом не проинформирован о характере назначаемых процедур или препаратов, то ответственность не перераспределяется, врача (при определенных условиях) можно будет наказывать за наступление неблагоприятных последствий лечения. Можно ли рассуждать о прерывании связи, если пациент не выполняет ошибочное назначение врача? Сохраняется ли причинная связь при соблюдении пациентом ошибочных или заведомо некорректных назначений врача? В обоих случаях ответ утвердительный.

Неисполнение назначений лечащего врача младшим медицинским персоналом в стационаре может формировать причинную связь только при условии объективной возможности влияния на поведение медицинской сестры. Таким образом, вопрос о развитии причинной связи в сфере оказания медицинской помощи или услуги осложнен не только

¹ См.: Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 85.

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ
ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ
МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

биологическими особенностями восприятия внешнего воздействия организмом человека, но и распределением ответственности разных субъектов при ее оказании. Причинная связь сохраняется до тех пор, пока лицо фактически управляет ситуацией или продолжает ее контролировать, тем самым поддерживая запущенный механизм. Данный тезис относится и к юридической оценке неосторожного сопричинения при оказании медицинской помощи или услуги.

Принятие на себя ответственности как проявление свободы воли – это действительно важный фактор, объясняющий непрерывность причинной связи. Например, руководитель соответствующего сектора медицинской организации не обеспечил своевременную замену деталей аппарата для рентгенограммы, и результат проведения диагностики не позволяет сделать однозначное заключение о наличии или отсутствии изменений в легких; кроме того, аппарат стал небезопасным для окружающих за счет повышенного радиационного фона. Рентгенолог имеет право отказаться от осуществления своей деятельности в ненадлежащих условиях, прервать причинную связь между ненадлежащими условиями и оказанием небезопасной услуги медицинской организацией.

Установление причинно-следственной связи между противоправным поведением и вредом осуществляется в два этапа¹:

1) фактическая стадия – установление того, является ли поведение человека необходимым условием причинения вреда. На данном этапе целесообразно применять концепцию адекватной причинности, позволяющую выявить закономерность появления именно этого последствия в сложившихся условиях. Например, в решении Центрального районного суда города Новосибирска от 11 августа 2021 г. по делу № 2-9/2021 указано: «Выявленные дефекты в оказании медицинской помощи потерпевшему на этапах его лечения в ГБУЗ РХ “Республиканская клиническая инфекционная больница” и ГБУЗ РХ “Республиканская клиническая больница им. Г. Я. Ремишевской” не состоят в прямой причинно-следственной связи с наступлением смерти, так как ухудшение здоровья пациента обусловлено не допущенными дефектами, а особенностями и прогрессированием клинического течения

¹ См.: Михайлов В. С. Указ. соч. С. 211.

имевшегося у него заболевания (желчнокаменная болезнь) с развитием смертельных осложнений (на фоне тяжелой патологии со стороны сердечно-сосудистой системы)»¹;

2) нормативная стадия – выделение юридически значимой причины вреда среди его условий. Уместным стоит считать использование концепции причинности *condicio sine qua non*, в соответствии с которой поведение в форме действия или бездействия будет рассмотрено как причина вреда, если оно не может быть устранено мысленно без изменения исхода (вреда здоровью)². Но, как указано ранее в статье, одной теории объяснения причинности недостаточно для верного решения вопроса о наличии юридически значимой связи.

Таким образом, деление причинной связи в теории права на непосредственную и опосредованную возникло в результате научного поиска критериев выявления свойства ее непрерывности. Попытки объяснить закономерность развития причины в следствие послужили материалом для выделения в исследовательских работах необходимых и случайных видов связей. Дифференциация главной или второстепенной причины среди нескольких факторов породили дефиниции: прямая и косвенная связь. В действительности констатация опосредованности или случайности в развитии связи исключает ее причинно-следственный характер. Косвенная связь не может быть причинно-следственной.

Критерии юридически значимых связей представлены нами далее.

Причинно-следственная связь:

– формальная определенность – связь между вредом и деянием, обладающим признаками противоправности;

– сущностное (нативное) свойство – такая связь закономерна (существует по законам материальной природы); связь объективна, поскольку деяние относится к необходимому условию функционирования этой закономерности; связь непрерывна, то есть между деянием (причиной) и вредом (результатом)

¹ Решение Центрального районного суда города Новосибирска от 11 августа 2021 г. по делу № 2-9/2021 // Центральный районный суд города Новосибирска: офиц. сайт. URL: <https://centralny.nsk.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

² См.: Фомина В. Г. Причинно-следственная связь в делах, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 140.

КОСВЕННАЯ СВЯЗЬ И ВЕРОЯТНОСТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ ПРИЧИННОСТИ В СУДЕБНЫХ ДЕЛАХ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ (УСЛУГИ) С НЕБЛАГОПРИЯТНЫМ ИСХОДОМ

отсутствуют иные факторы, повлиявшие на запущенную закономерность; определяют наличие и объем вины субъекта ответственности, так как предсказуема в развитии;

– функциональное свойство – порождает обязанности и юридически значимые последствия.

Косвенная связь:

– формальная определенность – связь между вредом и деянием, обладающим признаками противоправности;

– сущностное (нативное) свойство – такая связь социально (а не физически) обусловлена, поскольку нет возможности установить единственный закон материальной природы, обуславливающий ее развитие; связь объективна, так как деяние относится к необходимому условию функционирования этой закономерности; связь прерывается, то есть между деянием (причиной) и вредом (результатом) присутствуют иные факторы, повлиявшие на запущенную закономерность; не позволяет установить вину лица, так как не осознается деятелем;

– функциональное свойство – не порождает обязанностей, но используется в качестве фиктивного основания юридически значимых последствий.

Отечественная правовая доктрина выстраивает систему ответственности (уголовной, дисциплинарной, гражданско-правовой и иных) через призму вины. Наказание за неосознаваемые (и невозможные для осознания) закономерности наступления вреда является в уголовно-правовом поле объективным вменением, что запрещено ч. 2 ст. 5 УК РФ. Предметное содержание вины в интеллектуальном аспекте составляет предвидение наступления предусмотренных в законе негативных последствий с разной степенью вероятности. Иными словами, виновное поведение в исследуемой нами сфере – это *оценка вероятностей возникновения неблагоприятного исхода медицинского вмешательства в условиях конкретной ситуации*, то есть оценка перспектив развития причинной связи, которая, в свою очередь, за счет многофакторности многовариантна.

Игнорирование требования возникновения ответственности именно у виновного лица противоречит положениям главы 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» ГК РФ. Допущение в абзаце 2 ч. 1 ст. 1064, а также ст. 1068 ГК РФ относительно закрепленной в законе обязанности возмещения вреда лицом, не являющимся причинителем вреда, связано либо с потенциально

опасной деятельностью, осуществление которой урегулировано детальными нормативными требованиями безопасности, либо с причастностью к появлению у истца психоэмоционального состояния страдания. В обеих ситуациях нет требования устанавливать вину, поскольку детальное предвидение вреда (именно оно составляет предметное содержание вины) при этом невозможно.

Проведение судебных экспертиз по делам рассматриваемой категории неслучайно доверено организациям здравоохранения и их сотрудникам, так как они не только компетентны в установлении закономерностей превращения воздействия на организм пациента в рамках медицинского вмешательства, но и способны прогнозировать (оценивать вероятность) возникновения того или иного вреда здоровью в сложившихся обстоятельствах. Следовательно, в экспертизе (призванной выявить объективные закономерности развития причинной связи из деяний в общественно опасное последствие) существует элемент субъективного восприятия вероятностей, которое внутри уголовного права составляет среди прочего и содержание вины. Иными словами, если эксперт, анализирующий такие же материалы, что и медицинский работник во время диагностики и лечения, прогнозирует высокую степень неблагоприятного исхода, то и медицинский работник имел возможность (и обязанность) это предвидеть. Значит, его поведение обладает свойством вины.

Вероятностный характер развития причинности не позволяет в некоторых случаях делать однозначный вывод о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между дефектами оказания медицинской помощи или услуги и неблагоприятным результатом. Требуется разработка методики проведения медицинской экспертизы для этой категории дел и построения вопросов экспертам с целью побуждения моделирования при исследовании результативности проведения медицинского вмешательства в сложившихся обстоятельствах.

Библиографический список

1. *Веселкина О.* Дефекты оказания медицинской помощи с точки зрения судебно-медицинской экспертизы // Национальная медицинская палата. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=34467> (дата обращения: 12.02.2024).

2. Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 81–102.

3. Есаков Г. А. Причинная связь в сложных ситуациях: неосторожные преступления // Уголовное право. 2024. № 4. С. 20–36.

4. Землюков С. В. Преступный вред: теория, законодательство, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1994. 464 с.

5. Илларионова Т. И. Ответственность по российскому гражданскому праву // Гражданское право: учебник для вузов: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. М.: Норма, 2001. 464 с.

6. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М.: Городец, 2007. 332 с.

7. Курсаев А. В. Состав посягательства в опасность в уголовном праве // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 166–180.

8. Малинин В. Б. Философские основы причинной связи в уголовном праве и криминологии // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24). С. 12–18.

9. Медведев Е. В. Причинная связь в составах нарушения правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (транспортных преступлений) // Безопасность бизнеса. 2018. № 6. С. 16–22.

10. Михайлов В. С. Причинно-следственная связь как условие деликтной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 239 с.

11. Пристансков В. Д. Методологические проблемы установления причинно-следственной связи при расследовании неосторожных преступлений, совершаемых медицинскими работниками // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2015. № 3. С. 87–99.

12. Радов В. В. Неосторожное сопричинение в ятрогенных преступлениях // Медицинское право: теория и практика. 2023. Т. 9. № 3–4 (21–22). С. 83–87.

13. Радов В. В. Уголовная ответственность за ятрогенные преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 240 с.

14. *Рыженков А. Я.* Механизм связи юридических фактов и их последствий в гражданском праве // *Власть Закона*. 2021. № 2 (46). С. 92–102.

15. *Фомина В. Г.* Причинно-следственная связь в делах, связанных с возмещением вреда, причиненного ненадлежащим оказанием медицинских услуг // *Актуальные проблемы российского права*. 2022. Т. 17. № 12 (145). С. 140–150.

16. *Шкула И. Р.* К вопросу о применении законодательства о компенсации морального вреда гражданам судами Российской Федерации // *Власть Закона*. 2024. № 1 (57). С. 145–155.

17. *Шкабин Г. С.* Вред в уголовном праве: виды и правовое регулирование // *Lex Russica / Русский закон*. 2016. № 8 (117). С. 62–80.

18. *Шмаров Л. А.* Множественность причинных связей в заключениях по «врачебным делам» // *Медицинское право*. 2022. № 2. С. 39–46.

Р. Е. Жихорева

старший преподаватель кафедры административного права и
административной деятельности полиции Московского
областного филиала
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Россия, Московская обл., Рузский м. о.,
п. Старотеряево
dina5557@list.ru

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПОощРЕНИЯХ В СИСТЕМЕ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**THE MAIN DIRECTIONS FOR IMPROVING THE PROCEEDINGS
ON CASES OF INCENTIVES IN THE SYSTEM OF INTERNAL
AFFAIRS BODIES**

В статье рассмотрены основные вопросы производства о поощрениях в системе органов внутренних дел. Проанализированы положения Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» относительно правовых оснований применения мер поощрений к сотрудникам органов внутренних дел. В исследовании акцентировано внимание на проблемных аспектах в этой сфере, а также на изменениях в законодательстве, которые целесообразно внести в процессе оптимизации института поощрения в целом. По мнению автора, следует пересмотреть раздел III Типового положения о территориальном органе внутренних дел Российской Федерации, заменив слово «применяет» более категоричным понятием «обязан применять», что обеспечит формализацию процесса поощрения и сделает его обязательным элементом кадровой работы. Предлагается введение обязательного применения системы поощрений в отношении сотрудников, которые добросовестно и качественно выполняют служебные обязанности.

Ключевые слова: меры поощрения, органы внутренних дел, сотрудник органов внутренних дел, награда, основания награждения, система поощрений, дисциплинарное взыскание.

The article discusses the main issues of the proceeding on cases of incentives in the system of internal affairs bodies. The provisions of Federal Law No. 342-FZ dated November 30, 2011, "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" have been analysed, regarding the legal basis for applying incentives to employees of internal affairs bodies. The study focuses on problematic aspects in this area, as well as on legislative changes that would be appropriate to introduce in the process of optimizing the incentive system as a whole. According to the author, Section III of the Model Regulation on the Territorial Body of Internal Affairs of the Russian Federation should be revised, replacing the wording "applies" with the more categorical term "is obliged to apply", which will ensure the formalization of the incentive process and make it a mandatory element of personnel management. It is proposed to introduce a mandatory incentive system for employees who perform their job duties conscientiously and efficiently.

Keywords: incentives, internal affairs bodies, employee of internal affairs bodies, award, grounds for awarding, incentive system, disciplinary penalty.

Организационно-правовая структура государственного управления неизбежно претерпевает изменения, что связано с динамичным развитием государства и необходимостью укрепления его суверенитета. В таких условиях важнейшее место занимают основы правового положения гражданских служащих, в частности механизм применения мер поощрения. Они выполняют не только мотивационную функцию, но и способствуют формированию профессиональной этики и укреплению служебной дисциплины.

В целом служба в органах внутренних дел Российской Федерации (РФ) обладает спецификой, исходя из поставленных оперативно-служебных задач по охране общественного порядка и безопасности. Поступая на службу, сотрудники берут на себя обязательства, подкрепленные Присягой, которая выражает не только юридическую, но и моральную ответственность. Их профессиональная деятельность, направленная на борьбу с преступностью, поддержание правопорядка и обеспечение

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПООЩРЕНИЯХ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

законности, требует от каждого высоких личных и профессиональных качеств. В таких условиях меры поощрения становятся действенным способом стимулировать добросовестное исполнение служебных обязанностей¹.

Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о службе²) содержит правовые основания применения поощрений. Особый исследовательский интерес вызывают положения, предусматривающие возможность представления сотрудников за заслуги перед государством к награждению государственными наградами или поощрению высшими должностными лицами, в частности Президентом РФ и Правительством РФ. Такие меры стимулирования имеют моральное значение, укрепляют престиж службы в органах внутренних дел³.

Между тем остаются открытыми некоторые вопросы. Так, по-прежнему не получило прямого законодательного определения понятие заслуг как основания награждения государственными наградами. Однако в научных трудах их содержание активно изучают, что позволяет оценить их роль в юридической практике. Особенность осуществляемого правового регулирования заключается в его требовательности к исполнителям. Без соблюдения установленного порядка награждение утрачивает юридическую силу и может вызвать сомнения в его обоснованности⁴.

¹ Русайкина М. О. Меры поощрения сотрудников в системе управления органов внутренних дел // Юность. Наука. Культура: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 16 декабря 2021 г.) / отв. ред. Г. П. Кулешова. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2022. С. 425.

² О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. I). Ст. 7020.

³ Административно-процессуальное право: учебник / под ред. А. И. Каплунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С. 147.

⁴ Чесалова Е. Д. Поощрения в органах внутренних дел // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сб. тезисов выступлений участников Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 16–17 мая 2019 г.) / сост. А. В. Афанасьев, А. В. Ефимовский, О. С. Кравченко. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ, 2019. С. 735.

Но правомерность – это не единственное требование, предъявляемое к мерам поощрения. Не менее важно учитывать временной фактор: задержка в реализации поощрительных мер способна снизить их ценность и для награждаемого, и для коллектива в целом. Если момент признания заслуг наступает слишком поздно, это может создать ощущение разрыва между поступком и его оценкой. Своевременность укрепляет связь между результатом деятельности и признанием заслуг, что способствует не только индивидуальной мотивации, но и повышению эффективности служебного взаимодействия.

При этом недостаточно применить своевременные меры поощрения, их необходимо соразмерить с достигнутыми результатами или поступками. Чрезмерно высокая оценка может вызвать недовольство в коллективе, а заниженная, напротив, демотивирует награждаемого. Соответствие меры достигнутому результату подтверждает ее справедливость, усиливает ее стимулирующую функцию. Персонализированный подход также выполняет огромную роль: индивидуальное награждение подразумевает уникальный вклад каждого сотрудника, что позволяет избежать нивелирования значимости награды.

Перед руководителями органов внутренних дел стоит множество задач. Одна из них – повышение эффективности их оперативно-служебной деятельности. Данный процесс требует совершенствования методов управления персоналом, внимательного отношения к каждому сотруднику, обеспечивая оптимальное сочетание профессиональной квалификации и личной инициативы¹.

Совершенствование системы управления кадрами должно стать основой повышения результативности работы структур МВД России². Отдельного внимания заслуживает система поощрений, которой отведена важная роль в удержании квалифицированных кадров и обеспечении высокого уровня их мотивации. Престиж профессии сотрудника МВД, его конкурентоспособность на рынке труда, а также готовность молодых специалистов поступать на

¹ Поощрение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В. А. Кубышко. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. С. 11.

² Чимаров С. Ю., Бялт В. С. Теоретико-правовые основы института поощрения в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 19.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПООЩРЕНИЯХ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

службу во многом зависят от того, какие для этого созданы условия.

Правовое регулирование сферы поощрений в органах внутренних дел должно обеспечивать признание заслуг и гарантировать справедливость мер, способствующих развитию профессиональных качеств и повышению общего уровня работы. Следует учитывать и то, что мотивировать сотрудников к достижению высоких результатов можно не только через денежные вознаграждения или награды, но и посредством создания атмосферы взаимного уважения и признания.

Наличие разнообразных видов поощрений, предусмотренных действующими нормативно-правовыми актами, позволяет обеспечить равные возможности для сотрудников, независимо от занимаемой должности. К тому же ввиду специфики работы в органах внутренних дел не менее значимым считаем и привлечение на службу граждан, соответствующих строгим критериям, с возможностью пройти объективный и прозрачный конкурсный отбор.

Однако на практике часто наблюдается ситуация, при которой руководители, ориентированные на применение санкций, игнорируют использование положительных стимулов. Такой подход, направленный преимущественно на наказание, не способствует улучшению результативности работы, а порой приводит к тому, что сотрудники начинают избегать наказаний, а не стремиться к достижению положительных результатов.

Реализация системы поощрений требует более тщательной проработки и внимательного подхода. В идеале их применение должно быть не только элементом мотивации, но и индикатором профессионального роста сотрудников¹. Необходимость реализации дифференцированного подхода к мотивации заключается в том, что сотрудники, не чувствующие разницы в оценке их личных усилий, теряют интерес к инициативности, и их личная ответственность за выполнение задач уменьшается².

¹ Бочков С. С. Проблемы совершенствования системы поощрения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 02–03 октября 2020 г.). Вып. 4. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел РФ, 2021. С. 54.

² Торопов Д. С. Принципы в производстве по делам о поощрениях // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сб. материалов XXII Всерос. науч.-теор. конф. адъюнктов, курсантов и слушателей

Профессиональные успехи сотрудников должны быть отмечены в соответствии с их значимостью для выполнения служебных задач¹. Именно такая объективность способствует укреплению авторитета руководства и службы в глазах общества.

Недостаточная проработанность системы учета и контроля за применением поощрений в органах внутренних дел создает дополнительные трудности. Ведение материалов личных дел сотрудников, хотя и включает в себя информацию о поощрениях, не позволяет эффективно отслеживать в действительности их влияние на служебную деятельность.

Как пишет В. В. Стрельцов, принципиальной проблемой стало отсутствие централизованного учета и статистического анализа применения мер поощрения². Без эффективной системы мониторинга невозможно провести объективную оценку практики применения поощрений и ее влияния на результаты служебной деятельности³.

Целесообразным представляется введение обязательного применения системы поощрений в отношении сотрудников, которые добросовестно и качественно выполняют служебные обязанности. Такие нормы должны быть встроены в систему кадровой политики, их соблюдение окажет значительное влияние на повышение эффективности работы всех сотрудников, создавая более прозрачную и понятную систему мотивации.

В частности, предлагаем пересмотреть раздел III Типового положения о территориальном органе внутренних дел РФ, уточнив

образовательных организаций МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций Минобрнауки России (Ростов-на-Дону, 06 апреля 2022 г.) / отв. секр. Е. В. Собакарева. Ростов н/Д: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, 2022. С. 505.

¹ *Кайков В. В.* Роль руководителя (начальника) территориального органа МВД России в применении мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации // Научный компонент. 2023. № 3 (19). С. 40.

² *Стрельцов В. В.* Проблемы применения мер поощрения к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в территориальных органах МВД России и пути их решения // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12 (115). С. 285.

³ *Давлетшина А. Х.* Понятие, правовая основа и особенности производства по делам о поощрениях // Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Лазаревские чтения – 2022» / ред. М. Н. Кобзарь-Фролова. М.: Институт государства и права РАН, 2022. С. 395.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ПООЩРЕНИЯХ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

требования к применению поощрений¹. Замена слова «применяет» более категоричным понятием «обязан применять» обеспечит формализацию процесса поощрения, сделает его обязательным элементом кадровой работы.

Думается, что такое законодательное уточнение обеспечит системность и предсказуемость применения поощрений. Представляется целесообразным исключить из п. 245 раздела XI Порядка организации прохождения службы в органах внутренних дел РФ слово «только», которое, вопреки принципам применения мер поощрения, существенно и необоснованно ограничивает поощрительную практику, изложив его в следующей редакции:

«К сотруднику органов внутренних дел, имеющему дисциплинарное взыскание, наложенное на него в письменной форме приказом Министра или соответствующего руководителя (начальника), может быть применена мера поощрения в виде досрочного снятия ранее наложенного в письменной форме дисциплинарного взыскания.

В случае применения к сотруднику, имеющему дисциплинарное взыскание, наложенное на него в письменной форме приказом Министра или соответствующего руководителя (начальника), мер гарантированного поощрения в соответствии с законодательством, нормативными правовыми актами или локальными нормативными актами указанные меры применяются уполномоченными руководителями одновременно с досрочным снятием наложенного (наложенных) дисциплинарного взыскания (дисциплинарных взысканий)». Приведенное толкование практики поощрений в полной мере соответствует ч. 4 ст. 48 Закона о службе, согласно которой допустимо применение к персоналу нескольких поощрений одновременно.

Таким образом, можно утверждать, что успех работы органов внутренних дел напрямую зависит от качества системы управления персоналом, включая эффективную организацию системы поощрений. Только при наличии комплексного подхода, предусматривающего все направления деятельности, можно ожидать повышения общей эффективности системы МВД. Правильное сочетание мотивации, поощрений и управления

¹ Об утверждении Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации на районном уровне: приказ МВД России от 05 июня 2017 г. № 355 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 13.07.2025).

позволит не только сохранять, но и развивать кадровый потенциал.

Библиографический список

1. Административно-процессуальное право: учебник / под ред. А. И. Капунова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. 380 с.

2. Бочков С. С. Проблемы совершенствования системы поощрения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров: сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф. (Волгоград, 02–03 октября 2020 г.). Вып. 4. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел РФ, 2021. С. 54–61.

3. Давлетишина Л. Х. Понятие, правовая основа и особенности производства по делам о поощрениях // Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. «Лазаревские чтения – 2022» / ред. М. Н. Кобзарь-Фролова. М.: Институт государства и права РАН, 2022. С. 392–398.

4. Кайков В. В. Роль руководителя (начальника) территориального органа МВД России в применении мер поощрения и наложения дисциплинарных взысканий в органах внутренних дел Российской Федерации // Научный компонент. 2023. № 3 (19). С. 39–44.

5. Поощрение сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: учеб.-метод. пособие / под общ. ред. В. Л. Кубышко. М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2023. 262 с.

6. Русаякина М. О. Меры поощрения сотрудников в системе управления органов внутренних дел // Юность. Наука. Культура: материалы IX Всерос. науч.-практ. конф. (Саранск, 16 декабря 2021 г.) / отв. ред. Г. П. Кулешова. Саранск: ЮрЭксПрактик, 2022. С. 424–426.

7. Стрельцов В. В. Проблемы применения мер поощрения к сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в территориальных органах МВД России и пути их решения // Евразийский юридический журнал. 2017. № 12 (115). С. 285–289.

8. Торопов Д. С. Принципы в производстве по делам о поощрениях // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: сб. материалов XXII Всерос. науч.-теор. конф. адъюнктов, курсантов и слушателей образовательных организаций

МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций Минобрнауки России (Ростов-на-Дону, 06 апреля 2022 г.) / отв. секр. Е. В. Собакарева. Ростов н/Д: Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел РФ, 2022. С. 505–507.

9. *Чесалова Е. Д.* Поощрения в органах внутренних дел // Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты: сб. тезисов выступлений участников Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 16–17 мая 2019 г.) / сост. А. В. Афанасьев, А. В. Ефимовский, О. С. Кравченко. СПб.: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел РФ, 2019. С. 733–738.

10. *Чимаров С. Ю., Бялт В. С.* Теоретико-правовые основы института поощрения в органах внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2022. № 1 (54). С. 18–22.

Г. А. Мантул

профессор кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина,
кандидат юридических наук
Россия, г. Краснодар
anoniia@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ СТИМУЛЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА

LEGAL INCENTIVES FOR THE DEVELOPMENT OF RURAL TOURISM

В статье исследованы нормативные акты, содержащие правила, направленные на стимулирование развития сельского туризма в России. Изучен зарубежный опыт стран Западной Европы. Сформулированы предложения о дальнейшем нормативном обеспечении успешного развития сельского туризма в Российской Федерации, требующего, по мнению автора, существенного развития инфраструктуры сельских территорий, с обязательным привлечением целостного комплекса мер государственной поддержки. Утверждается, что для реализации

этих задач в России необходимо активно использовать зарубежный опыт стран Западной Европы, в том числе в сфере применения мер государственно-частного партнерства.

Ключевые слова: сельский туризм, туристская услуга, правовые стимулы, туризм, субъекты туристской деятельности, агротуризм, благоустройство сельских территорий, государственная поддержка сельского туризма.

This article examines regulations containing rules aimed at stimulating the development of rural tourism in Russia. The international experience of Western European countries is explored. Proposals are formulated for further regulatory support for the successful development of rural tourism in the Russian Federation which, according to the author, requires significant development of rural infrastructure, with the mandatory involvement of a comprehensive set of state support measures. It is argued that to achieve these goals in the Russian Federation, it is necessary to actively utilize the international experience of Western European countries, including in the area of public-private partnerships.

Keywords: rural tourism, tourism service, legal incentives, tourism, tourism entities, agritourism, rural areas improvement, state support for rural tourism.

Сельский туризм имеет значительный потенциал и может стать не только одним из локомотивов внутреннего туризма, но и драйвером развития сельских территорий.

Об этом свидетельствует опыт развития сельского туризма в странах Западной Европы. По мнению сербских ученых¹, агротуризму отведена значительная роль в развитии сельских территорий и аграрного производства. Они утверждают, что диверсификация сельскохозяйственной деятельности через развитие агротуризма требует скоординированных усилий на всех уровнях, включая местные органы власти и сообщества, правительство и частный бизнес. Изложенный подход способствует устойчивому развитию сельских территорий, укреплению их экономического потенциала и сохранению уникального природного, исторического и культурного наследия. Важным направлением институциональной поддержки

¹ Veljkovic B., Brocic Z. Agritourism and rural development // Tourism in function of development of the Republic of Serbia (Vrnjačka Banja, June 1–3, 2017). Vrnjačka Banja, 2017. P. 482.

агротуризма является развитие партнерских отношений между органами власти, частными инвесторами и местными сообществами¹.

Такой вид отдыха – отличная возможность провести полезный и интересный отпуск вместе с детьми на природе. На территории российских просторов, от Калининграда и Карелии до Камчатки и Сахалина, практически в каждом из субъектов Российской Федерации (РФ), можно найти огромное количество благоприятных мест для сельского туризма. Он не требует дополнительных затрат на покупку зарубежных авиабилетов и оформление виз. Сельский туризм позволяет заняться традиционными для россиян видами деятельности: рыбалкой, охотой, сбором грибов и ягод. Универсальным форматом отдыха, который примерно в равной степени интересен россиянам всех возрастов, можно признать дегустацию фермерских продуктов (81–89 %), алкогольных напитков (43–54 %) и экскурсию на ферме (60–70 %) или винодельне (66–74 %)².

Сельский туризм в России в течение последних лет получил активное развитие. Этому способствовал целый ряд мер нормативного, организационного и экономического характера, разработанных органами государственной власти и местного самоуправления. Успешное развитие сельского туризма предполагает развитие инфраструктуры, с привлечением различных мер государственной поддержки. Без этого невозможно рассчитывать на существенные успехи в данном секторе российской экономики. Такое направление деятельности может способствовать одновременно и благоустройству сельских территорий, повышению качества жизни в сельской местности, притоку частных инвестиций и переселению в сельскую местность экономически активных горожан.

На необходимость совершенствования данного направления указано в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года³, а также в Стратегии устойчивого

¹ Дмитриева О. А., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А., Поляков А. Е. Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения // Народонаселение. 2025. Т. 28. № 1. С. 198.

² Агротуризм по-русски: в начале пути // ВЦИОМ. 2024. 5 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/agroturizm-po-russki-v-nachale-puti> (дата обращения: 23.05.2025).

³ О Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р //

развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года. В этих целях в настоящее время Государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия¹ предусмотрено предоставление субсидий.

Выделен также специальный грант «Агротуризм» для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Получателем средств этого гранта² станет заявитель, проект развития сельского туризма которого прошел конкурсный отбор. Нормативную базу гранта «Агротуризм» составили приказ Министерства сельского хозяйства РФ от 10 февраля 2022 г. № 68 «Об утверждении порядка проведения конкурсного отбора проектов развития сельского туризма», утверждающий правила, по которым проводят конкурсный отбор, порядок предоставления и рассмотрение конкурсных документов. Приказом Министерства сельского хозяйства РФ от 2 марта 2022 г. № 116 «Об утверждении перечня целевых направлений расходования гранта “Агротуризм”» предусмотрены направления, по которым можно использовать целевые средства гранта.

Средства гранта могут быть направлены на приобретение, строительство, модернизацию или реконструкцию средств размещения, например гостевых домов, объектов туристического показа или развлекательной инфраструктуры; подключение объектов сельского туризма к газовым, канализационным, электрическим сетям и др. Вместе с тем на средства гранта разрешено приобретать и осуществлять монтаж определенного туристического оборудования, которое будет использовано для развития сельского туризма. Размер получаемых грантов зависит

Гарант.ру: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/?ysclid=mitacb2klj351841515> (дата обращения: 01.12.2025).

¹ О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия: постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. № 717 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 32. Ст. 4549.

² Абзац 5 п. 2 Правил предоставления и распределения субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на развитие сельского туризма, предусмотренных приложением № 12 к Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия.

от суммы софинансирования грантополучателем, которую он указал в заявке.

По заявлению министра сельского хозяйства РФ О. Н. Лут, Министерством сельского хозяйства РФ с 2022 г. на развитие агротуризма выделено более двух миллиардов рублей, что позволило поддержать свыше 300 проектов. С 2026 г. в России будет запущена новая форма государственной поддержки для развития аграрного туризма, в частности субсидии на создание туристической инфраструктуры в сельской местности. На них смогут претендовать хозяйства, занимающиеся развитием сельского хозяйства. Эти субсидии позволяют возместить часть затрат раз в три года. Максимальная сумма субсидии – пять миллионов рублей, что позволяет покрыть до половины расходов хозяйства на благоустройство территорий, развитие инженерной инфраструктуры и закупку необходимого оборудования¹.

В обязанности получателя гранта входит представление в Министерство сельского хозяйства РФ в форме электронного документа, в системе «Электронный бюджет», по форме и в сроки, установленные в соглашении о предоставлении гранта «Агротуризм», отчета о его целевом расходовании, а также отчета о достижении показателей деятельности. Следует иметь в виду, что за нарушение условий и порядка предоставления гранта «Агротуризм», в том числе за недостижение значений результатов его предоставления, установлена ответственность в виде возврата средств гранта в краевой бюджет, выявленных в том числе по фактам проверок, проведенных Министерством сельского хозяйства РФ и органами государственного финансового контроля.

Меры поддержки Минсельхоза России синхронизированы с программами Министерства экономического развития РФ и региональными инициативами. Кроме того, они дополнены возможностями государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий», позволяющей субсидировать создание инфраструктуры в населенных пунктах и пригодной для туристических целей. Это поможет в создании качественных и интересных для потребителей объектов агротуризма, которые станут экономически эффективными для

¹ Новая мера господдержки агротуризма появится в России с 2026 года // Свое фермерство. 2025. 26 июня. URL: <https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/news/novaja-mera-gospodderzhki-agroturizma-pojavitsja-v-rossii-s-2026-goda> (дата обращения: 01.12.2025).

сельхозтоваропроизводителей, предоставляющих туристские услуги.

С помощью гранта «Агротуризм» в субъектах РФ появляются новые туристические объекты. Они способствуют созданию новых рабочих мест, повышению привлекательности и устойчивому развитию сельских территорий, сохранению сельского быта, многообразия национальных культур и традиционных видов деятельности. Для сельхозтоваропроизводителей – это дополнительная возможность расширить рынок сбыта произведенной и выращенной продукции.

В 2024 г. Минсельхозом России выделено 700 млн руб. на поддержку сельхозтоваропроизводителей с целью привлечения туристов в сельскую местность. К сожалению, пока доля сельского туризма в общем объеме путешествий по России не превышает полутора процентов.

В течение ближайших трех лет агротуризм может стать заметным трендом в российской индустрии отдыха, а количество сельских туристов возрастет до семи миллионов человек в год. По некоторым оценкам, дополнительный доход фермеров от сельского туризма достигнет 250 млрд руб. в год, что составит пять процентов от суммарного дохода крестьянских (фермерских) хозяйств¹. Решению этой непростой задачи должно содействовать дальнейшее совершенствование российского законодательства в сфере сельского туризма.

Для осуществления деятельности по оказанию отдельных видов услуг к исполнителю могут быть предъявлены особые требования². Активное развитие внутреннего туризма предполагает существенное улучшение его инфраструктуры, в том числе средств размещения для туристов в сфере малого и среднего бизнеса. Одним из таких объектов является гостевой дом³.

¹ С. Митин: Агротуризм станет одним из драйверов развития сельских территорий // Совет Федерации Федерального Собрания РФ: офиц. сайт. 2025. 10 февраля. URL: <http://council.gov.ru/events/news/164160?hl=сельский%20туризм> (дата обращения: 26.11.2025).

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 278; Шеховцова А. С. Правовые аспекты регулирования оказания услуг с использованием цифровых технологий // Власть Закона. 2024. № 2 (58). С. 212.

³ Камышанский В. П. Гостевой дом получил законодательное закрепление в законодательстве, но пока в порядке эксперимента // Власть Закона. 2025. № 2.

Президент России В. В. Путин 7 июня 2025 г. подписал долгожданный Федеральный закон № 127-ФЗ «О проведении эксперимента по предоставлению услуг гостевых домов». Это означает, что появилась законодательная основа, позволяющая при соблюдении ряда условий легализовать деятельность собственников жилых домов, имеющих возможность создавать благоприятные условия для развития туризма, в том числе в сельской местности, а также избавиться от излишних правовых ограничений¹.

В ходе дальнейшего развития законодательства в сфере сельского туризма Правительство РФ приняло постановление от 30 августа 2025 г. № 1345 «Об утверждении Положения о классификации гостевых домов», которое вступило в силу с 1 сентября 2025 г. Этим нормативным актом привнесена определенность относительно требований к гостевому дому, к содержанию услуг по размещению в гостевом доме, порядку проведения классификации гостевого дома, включения сведений о гостевом доме в реестр классифицированных средств размещения. Обратим внимание на то, что процесс самостоятельной оценки и документального подтверждения соответствия объекта минимальным требованиям к гостевому дому максимально упрощен², что можно только приветствовать.

Библиографический список

1. Агротуризм по-русски: в начале пути // ВЦИОМ. 2024. 5 сентября. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/agroturizm-po-russki-v-nachale-puti> (дата обращения: 23.05.2025).

2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.

С. 16; Седова Н. А. Некоторые особенности гостевых домов как объектов гражданских прав // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 147.

¹ Камышанский В.П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5-7.

² Камышанский В. П. О классификации гостевых домов в Российской Федерации // Власть Закона. 2025. № 3. С. 17.

3. *Дмитриева О. А., Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А., Поляков А. Е.* Развитие агротуризма как фактор диверсификации региональной экономики: влияние на качество жизни сельского населения // *Народонаселение*. 2025. Т. 28. № 1. С. 190–203.

4. *Камышанский В. П.* Гостевой дом получил законодательное закрепление в законодательстве, но пока в порядке эксперимента // *Власть Закона*. 2025. № 2. С. 16–23.

5. *Камышанский В. П.* Конституционные ограничения права собственности // *Юрист*. 2004. № 5. С. 5–7.

6. *Камышанский В. П.* О классификации гостевых домов в Российской Федерации // *Власть Закона*. 2025. № 3. С. 16–22.

7. Новая мера господдержки агротуризма появится в России с 2026 года // *Свое фермерство*. 2025. 26 июня. URL: <https://svoefermerstvo.ru/svoemedia/news/novaja-mera-gospodderzhki-agroturizma-pojavitsja-v-rossii-s-2026-goda> (дата обращения: 01.12.2025).

8. *С. Митин:* Агротуризм станет одним из драйверов развития сельских территорий // *Совет Федерации Федерального Собрания РФ: офиц. сайт*. 2025. 10 февраля. URL: <http://council.gov.ru/events/news/164160/?hl=сельский%20туризм> (дата обращения: 26.11.2025).

9. *Седова Н. А.* Некоторые особенности гостевых домов как объектов гражданских прав // *Власть Закона*. 2024. № 3 (59). С. 147–154.

10. *Шеховцова А. С.* Правовые аспекты регулирования оказания услуг с использованием цифровых технологий // *Власть Закона*. 2024. № 2 (58). С. 212–221.

11. *Veljković B., Bročić Z.* Agritourism and rural development // *Tourism in function of development of the Republic of Serbia (Vrnjačka Banja, June 1–3, 2017)*. Vrnjačka Banja, 2017. P. 480–499.

УДК 342.72.73
ББК 67.400

В. А. Николаев

советник Секретариата заместителя Председателя
Государственной Думы Федерального Собрания Российской
Федерации,
кандидат юридических наук
Россия, г. Москва
valdemar11111@gmail.com

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ, УСТАВНЫЕ СОВЕТЫ КАК
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО,
УСТАВНОГО КОНТРОЛЯ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И
ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**CONSTITUTIONAL, STATUTORY COUNCILS AS REGIONAL
BODIES OF CONSTITUTIONAL, STATUTORY CONTROL: LEGAL
STATUS AND PROSPECTS OF ESTABLISHMENT IN THE
CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION**

В связи с реформированием органов публичной власти интерес среди ученых в области конституционного права вызывает дальнейшее развитие института конституционного, уставного контроля в субъектах Российской Федерации (РФ).

Замена модели конституционного, уставного контроля на несудебную форму ее организации требует формирования новых подходов. В статье содержится анализ института конституционных, уставных советов, механизма его организации, показана перспектива создания в субъектах РФ. Рассмотрен правовой статус конституционных, уставных советов. Определено их место в системе государственных органов, сформулирована дефиниция конституционных, уставных советов, а также предложены оптимальные варианты развития этого института в субъектах РФ в целях их повсеместного создания. Неопределенность правового статуса конституционных, уставных советов и организационно-функционального назначения свидетельствует об отсутствии в применении федеральным законодателем системного подхода при организации модели конституционного, уставного контроля в субъектах РФ. Отсутствие рамочного закона на федеральном уровне опосредует наличие в настоящее время неопределенности в понимании статуса и цели деятельности советов. Конституционные, уставные советы с учетом дискуссионности имеющихся подходов ученых можно определить в качестве органов конституционного, уставного контроля, создаваемых при неспециализированных органах конституционного, уставного контроля - законодательных (представительных) органах субъектов РФ, в статусе экспертно-консультативных органов, принимаемые решения которых носят рекомендательный характер.

Ключевые слова: права человека, конституционный, уставной контроль, защита прав человека, органы по защите прав человека, правовой статус органов конституционного и уставного контроля.

In connection with the reform of public authorities, the further development of the institution of constitutional, statutory control in the constituent entities of the Russian Federation is of particular interest to scholars in the field of constitutional law. Replacing the constitutional, statutory review model with a non-judicial form of organization requires the development of new approaches. This article analyses the institution of constitutional, statutory councils, the mechanism for their organization, and discusses the prospects for their establishment in the constituent entities of the Russian Federation. The legal status of constitutional, statutory councils has been examined. Their place in the system of state bodies have been determined, definition of constitutional, statutory councils have been

formulated, and optimal options for the development of this institution in the constituent entities of the Russian Federation have been proposed with the aim of their widespread establishment. The ambiguity of the legal status of constitutional statutory councils, their organizational and functional purpose indicate the absence of a systematic approach in the application by the federal legislator to the organization of the model of constitutional, statutory control in the constituent entities of the Russian Federation. The absence of a framework law at the federal level contributes to the current uncertainty regarding the status and purpose of these councils. Taking into account the controversial nature of existing approaches, constitutional, statutory councils can be defined as bodies of constitutional, statutory control, established within non-specialized bodies of constitutional, statutory control – legislative (representative) bodies of constituent entities of the Russian Federation – as expert advisory bodies, the decisions of which are of an advisory nature.

Keywords: human rights, constitutional, statutory control, human rights protection, human rights protection bodies, legal status of constitutional, statutory control bodies.

Конституционная реформа в 2020 г. предопределила упразднение конституционных, уставных судов в субъектах Российской Федерации (РФ) как института конституционного, уставного контроля. При этом на момент ликвидации конституционных, уставных судов субъектов РФ деятельность осуществляли 15 судов: 12 конституционных (Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Ингушетия, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия – Алания, Республика Татарстан, Чеченская Республика) и три уставных (Санкт-Петербург, Свердловская и Калининградская области).

Заложенная федеральным законодателем модель создания конституционных, уставных советов в субъектах РФ не обеспечивает преемственности между органами конституционного, уставного контроля ввиду следующих причин.

1. Советы не являются судебными органами, а значит, их решения лишены свойств правоприменительного акта, присущих органу правосудия.

2. Неопределенность правового статуса советов, их места в системе государственных органов в связи с возможностью их учреждения при законодательных (представительных) органах субъектов РФ, выполняющих законотворческие функции.

3. Экспертно-консультативная природа советов, которая объясняется тем, что они изначально задуманы к введению федеральным законодателем именно при законодательных (представительных) органах на основании п. 7 ст. 5 Федерального конституционного закона от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ «О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы»¹.

Несмотря на перечисленные выше аспекты, конституционные, уставные институты можно отнести к органам, осуществляющим специализированный конституционный, уставной контроль. Указанный вывод можно сделать с учетом разграничения государственных органов в контексте осуществления ими специализированного и неспециализированного конституционного контроля.

К органам специализированного конституционного контроля относятся Конституционный Суд РФ, а также действовавшие до января 2023 г. конституционные, уставные суды субъектов РФ. С 2023 г. к этой категории органов можно отнести конституционные, уставные советы. К неспециализированным органам конституционного контроля относятся парламенты, органы прокуратуры, государственные правозащитные органы в лице уполномоченных различных специализаций (человека, ребенка, предпринимателей) и др.

При этом конституционные, уставные советы как специализированные органы конституционного, уставного контроля предложены на федеральном уровне к созданию при парламентах субъектов РФ, которые, в свою очередь, являются неспециализированными органами конституционного, уставного контроля. Такая модель формирования советов представляется нелогичной и в достаточной мере дискуссионной.

¹ О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы: федер. конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_369977/ (дата обращения: 20.03.2025).

Вместе с тем право субъектов РФ по созданию таких органов при своих законодательных (представительных) органах как форма организации регионального конституционного, уставного контроля может подвергаться обоснованной критике, поскольку под сомнение поставлена возможность объективной формы осуществления конституционного, уставного контроля. У созданного совета вполне обоснованно могут возникнуть в деятельности трудности при принятии объективных решений в связи с влиянием политической конъюнктуры законодательного (представительного) органа субъекта РФ.

Введенная модель органов конституционного, уставного контроля достаточно далека от идеала. Исследователями на основе анализа российского и зарубежного опыта предлагаются возможные к рассмотрению модели.

Например, размышляя о приемлемой модели конституционного контроля, В. Е. Чиркин выделил неотъемлемые признаки, которые могут заслуживать внимания при моделировании сбалансированного органа конституционного контроля, отвечающего демократическим стандартам. Первой из характеристик приведен несудебный характер органа¹.

Конечно, критерии сбалансированной модели конституционного контроля можно обсуждать, приводить контраргументы относительно перечисленных характеристик, начиная с первой характеристики, предполагающей создание модели несудебного органа конституционного контроля, поскольку, как правило, именно судебная модель конституционного контроля в большей степени позволяет раскрыть потенциал органа, и судебный акт по своей природе обязателен к исполнению. В настоящее время перевод региональной модели конституционного, уставного контроля во внесудебную форму организации ее деятельности и вызвал дискуссии среди ряда ученых.

Оценивая комплексно конституционную реформу, проведенную в 2020 г., в том числе ликвидацию конституционных, уставных судов субъектов РФ среди прочих изменений, И. А. Умнова-Конюхова справедливо акцентирует внимание на результатах таких реформ, которые «привели к преобразованию

¹ См.: Чиркин В. Е. Суд и иные органы конституционного контроля: плюсы и минусы (субъективные заметки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 35.

федеративной государственности в гибридную форму, где имеет место тесное сочетание унитарных и федеративных начал в государственном устройстве при явном доминировании централизации»¹. Речь идет и о снижении уровня защиты личных прав в связи с упразднением конституционных, уставных судов².

С одной стороны, централизация в некоторой степени позволяет снизить разногласия в истолковании конституционных норм. В практике возникали случаи, в которых конституционными, уставными судами приняты одни решения, а в дальнейшем эти же правовые обстоятельства выступали предметом проверки в аспекте уже соответствия норм Конституции России и предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

Примером может служить широко известное так называемое челябинское дело по транспортному налогу. По этому делу Конституционным Судом РФ проверена конституционность регионального закона о транспортном налоге. Данный вопрос ранее рассмотрен Уставным судом Челябинской области на предмет соответствия Уставу области, и суд признал нормы не соответствующими Основному закону региона. Конституционным Судом РФ принято фактически противоположное решение при проверке соответствия региональных норм Конституции РФ. Как итог, им признаны нормы регионального закона соответствующими Конституции РФ (постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П³).

С другой стороны, тезис, приводимый ученым о доминировании централизации в гибридной форме федеративной государственности в современных реалиях, ведет к постепенной утрате дополнительных механизмов защиты прав и свобод на

¹ Умнова-Конюхова И. А. Тридцать лет Конституции Российской Федерации сквозь призму мирового опыта конституционного развития: настоящее и образ будущего // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2023. № 4. С. 21.

² Умнова-Конюхова И. А., Костылева Е. Д. Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики: учеб. пособие. М.: РГУП, 2022. С. 66.

³ См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области»: постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 г. № 26-П // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155909/ (дата обращения: 20.03.2025).

уровне субъектов РФ. Превалирование централизации не приведет в итоге к реализации субъектами РФ возможных инициатив относительно создания правовых институтов, в том числе предлагаемых на замену региональных конституционных, уставных судов в форме советов. Это видится вполне закономерным. Решение на федеральном уровне, устанавливающее диспозитивность при их создании, не будет иметь действенного практического значения. Изначально заложенная экспертно-консультативная природа органов конституционного, уставного контроля, влекущая факультативность исполнения принимаемых ими решений со стороны государственных органов, нивелирует идею их создания, поскольку некоторые элементы конституционного, уставного контроля могут выполнять и другие неспециализированные в этой области органы.

Учеными (А. М. Цалиевым¹, М. И. Клеандровым², И. А. Митусовой³, С. А. Беньяминовой⁴ и др.) также приведены отдельные обоснования снижения уровня гарантированности защиты прав и свобод в связи с упразднением конституционных, уставных судов и образованием советов. Нельзя не согласиться с превалированием в настоящее время общих законотворческих тенденций, сопровождающихся сокращением ряда правовых возможностей субъектов РФ в реализации полномочий, включая возможность создавать органы конституционной, уставной юстиции для обеспечения регионального конституционного, уставного контроля.

Как ни странно, когда такая возможность у субъектов РФ была, 2/3 созданных таких судов приходилось на республики. В остальных субъектах РФ такие суды либо изначально не создавали, либо упраздняли по определенным политико-правовым причинам.

Вместе с тем федеральный законодатель, предлагая к возможному учреждению в субъектах РФ конституционные,

¹ См.: Цалиев А. М. О судебной власти в России (в свете конституционных новелл) // Российский судья. 2021. № 4. С. 35.

² См.: Клеандров М. И. Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднить эти суды? // Российский судья. 2023. № 10. С. 40.

³ См.: Митусова И. А. Стагнация в региональном конституционном (уставном) правосудии // Российский судья. 2022. № 3. С. 43.

⁴ См.: Беньяминова С. А. Конституционные (уставные) советы в механизме обеспечения конституционной законности // Закон. 2023. № 12. С. 177.

уставные советы, не конкретизировал ни их правовой статус, ни их место в системе органов публичной власти. Изначально именно непонимание предназначения института регионального конституционного, уставного контроля и породило дальнейшую пассивность в распространении повсеместно, во всех субъектах РФ, практики создания конституционных, уставных судов. Аналогичный негативный опыт может постигнуть и институт советов, поскольку не устранены первопричины незначительной заинтересованности субъектов РФ относительно учреждения таких органов.

Однако некоторые ученые, например А. В. Савоськин и В. В. Курятников, видят отдельные положительные моменты в недосказанности федерального законодателя. Это, по их мнению, способствует проявлению творческого подхода при принятии соответствующих законодательных решений о данном институте¹.

По состоянию на 2025 г. конституционные, уставные советы функционируют в четырех субъектах РФ. В их числе – Саха (Якутия), Башкортостан, Адыгея, Татарстан. Это может указывать на ряд факторов, препятствующих созданию рассматриваемого института.

Отдельные субъекты РФ в связи с принятием поправок в Конституцию России лишь обновили содержание уставов путем дублирования норм о правомочиях по созданию соответствующих советов при своих законодательных органах (например, п. 5 ст. 122 Устава Тверской области от 5 ноября 1996 г. № 436 (с изменениями на 19 июля 2024 г.); п. в3 ч. 1 ст. 25 Устава Ненецкого автономного округа от 11 сентября 1995 г. (с изменениями на 2 июля 2024 г.)). Но указание в Основном законе субъекта РФ лишь на возможность их создания не побуждает регион к их учреждению. Представляется нецелесообразным в основных региональных законах дублировать нормы, которые уже представлены в федеральном законодательстве. Наоборот, первоосновой к созданию советов может стать введение отдельных глав (статей) о целях деятельности, правовом статусе, включающем в себя положение органа в системе органов публичной власти, принципы деятельности и другие составляющие. Именно такие первичные нормы позволили бы объективно обобщить

¹ См.: Савоськин А. В., Курятников В. В. Порядок формирования конституционных (уставных) советов субъектов РФ: проблемы и решения // *Lex Russica / Русский закон*. 2023. Т. 76. № 4 (197). С. 96.

законодательный опыт регионов на предмет необходимости дополнительного нормативно-правового регулирования в целях унификации региональных практик.

Исходя из формально-юридических соображений, можно заключить, что конституционные, уставные советы определены федеральным законодателем как часть региональных законодательных (представительных) органов. Выбран неоднозначный подход в связи с тем, что за субъектами РФ закреплено право создавать орган в структуре действующих органов, то есть законодательных (представительных) органов. В законодательных (представительных) органах функционируют соответствующие структурные подразделения в виде различных комитетов и комиссий, которые обладают необходимой компетенцией в работе с законопроектами, включая возможности использования консультационных инструментов, обращаясь к представителям научного сообщества, в том числе приглашая их на заседания профильных комитетов по обсуждению законопроектов.

В целях систематизации для анализа можно выделить позиции ученых относительно конструктивных особенностей создания органов конституционного, уставного контроля. Ряд ученых в своих размышлениях о правовом статусе конституционных, уставных советов подвергают критике конструкцию создания органов именно при законодательных (представительных) органах субъектов РФ. Некоторые исследователи творчески подходят к толкованию правового статуса конституционных, уставных советов субъектов РФ. Например, А. М. Цалиев указывает на необходимость создания самостоятельного органа, при определенной критике вводимой федеральным законодателем модели в форме «подразделения регионального парламента»¹. Авторы А. Т. Карасев, А. В. Савоськин и В. А. Мещерягина на основе анализа действующих советов субъектов РФ приходят к выводу об отсутствии у них властных полномочий и на основании этого не относят их к органам государственной власти².

¹ Цалиев А. М. Указ. соч.

² См.: Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мещерягина В. А. Конституционные советы Республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия): кто в лес, кто по дрова? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 2. С. 63.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ, УСТАВНЫЕ СОВЕТЫ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, УСТАВНОГО КОНТРОЛЯ: ПРАВОВОЙ
СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сравнивая предлагаемое региональными законами правовое положение этих органов, можно прийти и к подобным выводам. Однако, если рассмотреть примеры Республики Адыгея и Республики Башкортостан, на которые ссылаются указанные ученые, то определенные властные полномочия советов производны от органа, при котором их и создают.

В соответствующих региональных законах, в первых статьях о статусе, указано следующее: «Конституционный совет Республики Башкортостан действует при Государственном Собрании – Курултае Республики Башкортостан»¹; «Создать при Государственном Совете – Хасэ Республики Адыгея Конституционный совет Республики Адыгея...»². Применяемый региональным законодателем предлог «при» и означает производность правового статуса от органа, при котором он действует.

Соответственно, нельзя в полной мере согласиться с тем, что данный орган не обладает властными полномочиями. Однако стоит оговориться, что проявление властных полномочий происходит опосредованно через законодательные (представительные) органы субъектов РФ, которые в случае согласия с региональными советами и будут приводить их решения в действие в соответствии с законотворческими полномочиями.

В зависимости от характера правового статуса и особенностей функционального назначения в области конституционного, уставного контроля можно привести следующие позиции. О. В. Брежнев при определении правового статуса, анализируя первичный опыт их законодательного регулирования в субъектах РФ, относит конституционные, уставные советы к специальным несудебным органам конституционного контроля (надзора)³. Характеризуя модели

¹ О Конституционном совете Республики Башкортостан: закон Республики Башкортостан от 21 ноября 2022 г. № 625-з // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW140&n=157668#sUAC24VL3DOUOokZ> (дата обращения: 20.03.2025).

² О Конституционном совете Республики Адыгея: закон Республики Адыгея от 28 апреля 2022 г. № 66 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc&base=RLAW977&n=81020#n4KC24V3vWKEeELB> (дата обращения: 20.03.2025).

³ См.: Брежнев О. В. Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 32.

конституционного контроля, И. А. Митусова относит конституционные, уставные советы к квазисудебным органам¹. В достаточной мере нейтральную позицию занимает С. Б. Сафина, применяя к конституционным, уставным советам термин «конституционный государственный орган»². Это в некоторой степени изменяет тональность и дискуссионный вектор применительно к позициям ученых о наличии или отсутствии у советов властных полномочий при определении их правового статуса, а также их предназначения. Н. А. Марокко, размышляя о первичном опыте деятельности советов с акцентом на функционирование Конституционного совета Республики Саха (Якутия) как первого созданного совета, обращает внимание на незначительную востребованность данного органа и общественно-просветительский характер деятельности³.

Не вдаваясь в дискуссионный характер предлагаемых учеными характеристик конституционным, уставным советам, следует указать, что это свидетельствует, с одной стороны, о многообразии подходов к пониманию правового статуса и организационно-функционального назначения, с другой – о неопределенности в выработке единого подхода к правовому статусу конституционных, уставных советов. Первопричина такой ситуации видится в отсутствии системного подхода федерального законодателя к организации в субъектах РФ определенной модели конституционного, уставного контроля.

Если на общефедеральном уровне конституционный контроль осуществляется Конституционным Судом РФ, то вполне обоснованы и закономерны с учетом федеративного устройства страны судебные органы субъектов РФ для целей осуществления регионального конституционного, уставного контроля. Если осуществлен переход к несудебной модели, то следует определить главные сущностные характеристики, составляющие направление

¹ Митусова И. А. Формирование органов конституционного контроля в зависимости от его моделей // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 3. С. 4.

² См.: Сафина С. Б. Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 41.

³ Марокко Н. А. Создание конституционного совета при органе законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации: первая практика реализации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 37.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ, УСТАВНЫЕ СОВЕТЫ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, УСТАВНОГО КОНТРОЛЯ: ПРАВОВОЙ
СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

деятельности, а также порядок исполнения принимаемых решений. Неопределенность прежде всего состоит в том, что в связи с упразднением конституционных, уставных судов и переходом к модели конституционных, уставных советов не устранена первопричина неактивной практики создания органов конституционного, уставного контроля в субъектах РФ. Представляется, что без принятия рамочного закона на федеральном уровне о конституционных, уставных советах у регионов сохранится неопределенность относительно статуса и целей деятельности этих органов, а значит, целесообразность их создания тоже останется под вопросом, поскольку фактически их функции уже выполняют законодательные (представительные) органы субъектов РФ при осуществлении неспециализированного конституционного, уставного контроля, даже в отсутствие принятия указанных дополнительных законодательных решений.

Соответственно, если специализированные судебные органы конституционного, уставного контроля в субъектах РФ не были в достаточной мере популярными, то предлагаемые к возможному созданию в субъектах РФ советы не изменят положения дел в сфере организации дополнительных региональных органов конституционного, уставного контроля. Более предпочтительным вариантом развития предлагаемой модели специализированного несудебного конституционного, уставного контроля видится принятие соответствующего рамочного федерального закона с возможностью дальнейшего развития и конкретизации положений в основных региональных законах, прежде всего в конституциях, уставах субъектов РФ.

Учитывая дискуссионность правового статуса конституционных, уставных советов, в целом их можно сегодня охарактеризовать как органы конституционного, уставного контроля, создаваемые при неспециализированных органах конституционного, уставного контроля - законодательных (представительных) органах субъектов РФ, в статусе экспертно-консультативных органов, принимаемые решения которых носят рекомендательный характер.

Библиографический список

1. Беньяминова С. А. Конституционные (уставные) советы в механизме обеспечения конституционной законности // Закон. 2023. № 12. С. 177–182.

2. *Брежнев О. В.* Правовой статус конституционного (уставного) совета субъекта Российской Федерации: первый опыт законодательного регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 11. С. 32–36.

3. *Карасев А. Т., Савоськин А. В., Мецерегина В. А.* Конституционные советы Республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан и Саха (Якутия): кто в лес, кто по дрова? // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 2. С. 58–67.

4. *Клеандров М. И.* Конституционные (уставные) суды субъектов РФ или конституционные (уставные) советы: следовало ли упразднить эти суды? // Российский судья. 2023. № 10. С. 40–45.

5. *Марокко Н. А.* Создание конституционного совета при органе законодательной (представительной) власти субъекта Российской Федерации: первая практика реализации // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 37–41.

6. *Митусова И. А.* Стагнация в региональном конституционном (уставном) правосудии // Российский судья. 2022. № 3. С. 43–46.

7. *Митусова И. А.* Формирование органов конституционного контроля в зависимости от его моделей // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 3. С. 3–8.

8. *Савоськин А. В., Курятников В. В.* Порядок формирования конституционных (уставных) советов субъектов РФ: проблемы и решения // Lex Russica / Русский закон. 2023. Т. 76. № 4 (197). С. 94–105.

9. *Сафина С. Б.* Конституционные (уставные) советы в субъектах Российской Федерации: подходы к определению // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 41–45.

10. *Умнова-Конюхова И. А., Костылева Е. Д.* Судебная защита личных прав и свобод в Российской Федерации: актуальные проблемы теории и практики: учеб. пособие. М.: РГУП, 2022. 156 с.

11. *Умнова-Конюхова И. А.* Тридцать лет Конституции Российской Федерации сквозь призму мирового опыта конституционного развития: настоящее и образ будущего // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2023. № 4. С. 7–25.

12. *Цалиев А. М.* О судебной власти в России (в свете конституционных новелл) // Российский судья. 2021. № 4. С. 35–40.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ, УСТАВНЫЕ СОВЕТЫ КАК РЕГИОНАЛЬНЫЕ
ОРГАНЫ КОНСТИТУЦИОННОГО, УСТАВНОГО КОНТРОЛЯ: ПРАВОВОЙ
СТАТУС И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ
В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

13. *Чиркин В. Е.* Суд и иные органы конституционного контроля: плюсы и минусы (субъективные заметки) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2017. № 3 (64). С. 30–35.

В. Г. Саркисян

доцент кафедры
гражданского процесса
Кубанского государственного
аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Краснодар
Sarkisyan_vg@mail.ru

Д. А. Кротко

студент юридического
факультета Кубанского
государственного аграрного
университета имени И. Т.
Трубилина
Россия, г. Краснодар
ii-604@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ, СУЩНОСТИ И ЗНАЧЕНИИ
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОУЧАСТИЯ**

**ON THE CONCEPT, ESSENCE, AND SIGNIFICANCE
OF PROCEDURAL COMPLICITY**

В статье рассмотрены актуальные вопросы об определении понятия процессуального соучастия, о его сущности и значении в судопроизводстве. Утверждается, что институт процессуального соучастия занимает важное место в системе гражданского судопроизводства. Однако его теоретическая и практическая значимость требует углубленного изучения в условиях современных вызовов. Актуальность статьи обусловлена прежде всего динамичным усложнением общественных отношений, что связано с глобализацией, цифровизацией и ростом коллективных форм взаимодействия. Сегодня суды все чаще сталкиваются со спорами, которые затрагивают интересы не отдельных лиц, а целых групп, в том числе потребителей, дольщиков, участников корпоративных конфликтов, граждан, пострадавших от экологических нарушений. В таких условиях процессуальное соучастие становится инструментом, позволяющим объединить требования или обязанности нескольких субъектов в рамках одного дела, что не только ускоряет разрешение споров, но и снижает нагрузку на судебную систему, предотвращая риск

вынесения противоречивых решений по однородным вопросам. Согласно авторской позиции, в настоящее время необходимо закрепить понятие процессуального соучастия в Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ и Кодексе административного судопроизводства РФ. Определение термина «процессуальное соучастие» должно включать в себя существенные признаки соучастия, такие как множественность участников, связь между ними, единство предмета спора и влияние решения суда на участников.

Ключевые слова: процессуальное соучастие, гражданский процесс, судопроизводство, истец, ответчик, соистец, соответчик, множественность лиц.

The article examines current issues regarding definition of the concept of procedural complicity, its essence and significance in legal proceedings. It is argued that the institution of procedural complicity occupies an important place in the civil justice system. However, its theoretical and practical significance requires in-depth study in the face of modern challenges. The relevance of the article is determined primarily by the dynamic complexity of social relations, which is associated with globalization, digitalization, and the growth of collective forms of interaction. Today, courts are increasingly faced with disputes that affect the interests not of just individuals, but of entire groups, including consumers, shareholders, participants in corporate conflicts, and citizens affected by environmental offences. In such circumstances, procedural complicity becomes a tool that allows for the consolidation of claims or obligations of several parties within a single case, which not only speeds up dispute resolution, but also reduces the burden on the judicial system, preventing the risk of inconsistent decisions on similar issues. It has been established that it is currently necessary to consolidate the concept of procedural complicity in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The definition of the term “procedural complicity” should include all the essential features of complicity, such as the multiplicity of participants, the relationship between them, the unity of the subject of the dispute, and the impact of the court's decision on the participants.

Keywords: procedural complicity, civil procedure, legal proceedings, plaintiff, defendant, co-plaintiff, co-defendant, plurality of parties.

Процессуальное соучастие является одним из важнейших институтов гражданского процессуального права, который определяет порядок и условия участия двух или более лиц в одном судебном деле на стороне истца или ответчика.

Согласно ст. 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ) «иск может быть предъявлен в суд несколькими истцами или к нескольким ответчикам». Это определение указывает на то, что процессуальное соучастие служит формой множественности участников процесса, при которой два лица или более выступают на одной стороне спора (истец или ответчик). Структура сторон при множественности лиц не изменяется, в процессе имеются только две стороны, являющиеся соистцами или соответчиками¹. Хотя законодательство устанавливает основные правила процессуального соучастия, оно лишь намечает его общие контуры, не раскрывая содержательную сторону этого явления.

В научной литературе, посвященной гражданскому процессуальному праву, процессуальное соучастие трактуется как форма множественности лиц на стороне истца или ответчика, при которой каждое из них предположительно связано самостоятельными материально-правовыми отношениями. Это явление характеризуется тем, что в одном деле участвуют несколько субъектов права, каждый из которых имеет спор с противоположной стороной относительно защиты своих субъективных прав или законных интересов.

Многие цивилисты также формулируют свое понятие данного института. Так, А. А. Власов считает, что участие в одном деле нескольких истцов или нескольких ответчиков, интересы и требования которых не исключают друг друга, называется процессуальным соучастием². По мнению М. К. Треушникова, процессуальное соучастие следует рассматривать в качестве участия в одном и том же процессе нескольких истцов или нескольких ответчиков, к тому же их требования или обязанности не исключают друг друга³.

¹ Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс: учебник. М.: Госюриздат, 1956. С. 65.

² Власов А. А. Гражданское процессуальное право: учебник. М.: ТК Велби, 2004. С. 96.

³ Гражданский процесс: учебник для вузов / под ред. М. К. Треушникова. М.: Городец, 2014. С. 164.

Практически аналогичное определение процессуального соучастия предлагает А. М. Нурбалаева, называя его одной из форм множественности лиц, которые участвуют в одном процессе. Процессуальное соучастие возникает при наличии многосубъектного спорного материального правоотношения, имеет одно общее основание, из которого вытекает несколько спорных материальных правоотношений, являющихся предметом гражданского судопроизводства, и при условии возможности удовлетворения требований всех соучастников в одном процессе¹. Наличие нескольких истцов и ответчиков – одна из ключевых характеристик данного процессуального явления.

Обычно соучастники не вступают во взаимные противоречия или конфликты. Однако, если между ними все-таки возникают разногласия, например о размере принадлежащей им доли, то их требования, как правило, совместимы и не исключают друг друга. Как указано ранее, процессуальное соучастие представляет собой сложный институт гражданского процессуального права, регулирующий участие в деле нескольких лиц, интересы которых взаимосвязаны с предметом спора². Его сущность заключается в привлечении к участию в одном судебном процессе нескольких субъектов, помимо истца и ответчика, для более полного и объективного разрешения спора, обеспечения защиты прав и законных лиц, повышения эффективности правосудия.

Основу процессуального соучастия составляет множественность участников, что выражено при вовлечении в процесс лиц, помимо истца и ответчика, интересы которых связаны с предметом спора, но которые не обладают статусом самостоятельных сторон. Эти субъекты включаются в сформировавшиеся правоотношения между основными участниками, что указывает на их производную роль.

Важным элементом выступает правовая связь между субъектами, которая может носить материально-правовой характер (солидарные обязательства, совместная собственность,

¹Нурбалаева А. М., Исмаилова С. И. К вопросу о процессуальном соучастии в гражданском процессе // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 106.

²Величко А. В., Саркисян В. Г. Подсудность гражданских дел мировому судье // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола № 6 со всерос. и междунар. участием (Шахты, 29–30 июня 2021 г.) / ред. Н. Б. Данияров, Г. А. Темирганова, Н. В. Валуев. Шахты: Конверт, 2021. С. 176.

наследственные отношения¹⁾ и процессуальный (общность доказательств, единство юридических вопросов, взаимозависимость интересов). Для возникновения соучастия не требуется прямой правовой связи между участниками, достаточно их общей заинтересованности в разрешении спора. Впервые предоставленный признак как самостоятельный выделен в исследовании А. Б. Монахова. Он пишет: «Процессуальное соучастие, представляя собой один из случаев множественности лиц в советском гражданском процессе, занимает в нем особое положение благодаря тесной взаимосвязи общих субъективных прав или общих правовых обязанностей соучастников»².

Сущность института проявляется и в единстве судебного разбирательства, при котором соучастники участвуют в разрешении единого конфликта без предъявления самостоятельных требований. Их действия направлены на защиту интересов в рамках одного предмета спора, что исключает рассмотрение их позиций в качестве отдельных исков. Данный аспект тесно связан с зависимостью от основного спора: процессуальная активность соучастников (возражения, ходатайства, представление доказательств) подчинена разрешению конфликта между первоначальными сторонами, а их правовая позиция производна от позиций истца или ответчика³.

Ключевым следствием такого подхода становится совместное правовое последствие, поскольку судебное решение распространяется на всех участников, определяя их права и обязанности в контексте установленных обстоятельств. Это предотвращает вынесение противоречивых решений по одному предмету спора. Одновременно проявляется процессуальная зависимость соучастников от судьбы основных требований: например, отказ в удовлетворении иска влечет аналогичные

¹ См.: Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 300–307, 373–374; Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 784–885.

² Монахов А. Б. Актуальные вопросы соучастия в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 16.

³ Саркисян В. Г. Институт процессуального соучастия в гражданском процессе: понятие и значение // Юриспруденция: теория и практика. 2025. № 6. С. 22.

последствия для присоединившихся лиц, что подтверждает их вспомогательную роль.

Таким образом, процессуальное соучастие обеспечивает комплексное рассмотрение спора с учетом интересов сторон, способствуя оптимизации судопроизводства, единству судебной практики и достижению процессуальной экономии. Поэтому можно утверждать, что сущность процессуального соучастия – это не просто наличие нескольких лиц в процессе, а специфическая форма их процессуального взаимодействия, основанная на единстве предмета спора и взаимосвязанности их интересов¹. Изложенное видится важным для обеспечения полноты и объективности рассмотрения дела и защиты прав заинтересованных лиц.

Наряду с сущностью, необходимо рассмотреть и значение процессуального соучастия, понять, в каких целях его используют. Значение процессуального соучастия в гражданском процессе многогранно, обусловлено его сущностью, которая заключается в участии в одном деле нескольких лиц, интересы которых тесно связаны с предметом спора между истцом и ответчиком². Это не просто дополнение в количестве участников, а качественное изменение процесса, направленное на повышение его эффективности и справедливости.

Основное значение процессуального соучастия состоит в обеспечении полноты и объективности судебного разбирательства, защите прав и законных интересов задействованных лиц и предотвращении множественности судебных разбирательств. Процессуальное соучастие способствует экономии судебных расходов. Объединение нескольких связанных споров в одном процессе снижает общую стоимость судебного разбирательства для участников, поскольку оплата государственной пошлины, расходы на представительство, иные судебные издержки сокращаются. Это особенно важно для граждан с ограниченными финансовыми возможностями, позволяя им эффективно защищать права без чрезмерных затрат.

¹ Саркисян В. Г. Некоторые аспекты рассмотрения судами обязательственных споров // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XVIII Всерос. национальной науч.-практ. конф. (Новосибирск, 2–3 декабря 2022 г.). Новосибирск: Золотой колос, 2022. С. 246.

² Крылова А. С., Удалов М. И. Процессуальное соучастие в гражданском процессе // Юридический факт. 2022. № 163. С. 50.

Значение процессуального соучастия выходит за рамки дополнения в количестве участников в процесс. Это важный институт гражданского процесса, направленный на обеспечение полноты, объективности и справедливости судебного разбирательства, защиты прав и законных интересов задействованных лиц, а также повышение эффективности и экономичности правосудия¹. Его правильное применение служит неотъемлемой частью обеспечения верховенства права². Необходимо выделить и одну из значимых проблем процессуального соучастия. Несмотря на длительную историю института процессуального соучастия в гражданском процессе, законодательство до сих пор не содержит его четкого определения, ограничиваясь лишь констатацией возможности совместного предъявления иска.

В актуальных законодательных актах институт процессуального соучастия регулируется ст. 40 ГПК РФ, ст. 41 Кодекса административного судопроизводства (КАС) РФ, ст. 46 Арбитражного процессуального кодекса (АПК) РФ. Однако законодательно его определение по-прежнему отсутствует. Процессуальные кодексы лишь сообщают о возможности объединенного предъявления исков несколькими истцами либо к нескольким ответчикам. Эта законодательная неопределенность порождает множественность разночтений в научной доктрине, в которой процессуальное соучастие трактуется с разных позиций. Многообразие толкований существенно осложняет практическое применение института, создавая, в частности, неразрешимые на первый взгляд коллизии с близкими институтами, например с участием третьих лиц, заявляющих или не заявляющих самостоятельные требования в отношении предмета спора. Отсутствие легального определения становится источником неоднозначной судебной практики, затрудняет последовательное применение процессуальных норм.

На наш взгляд, необходимо внесение определения в кодексы. Наиболее очевидным и востребованным шагом считаем введение

¹ Глотова А. С. Некоторые проблемы института процессуального соучастия в гражданском процессе // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сб. ст. по результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 1–4 апреля 2025 г.) / сост. И. В. Хмиль; под ред. С. А. Трофимова, Е. В. Евсиковой. Симферополь: Ариал, 2025. С. 1123.

² Гражданское процессуальное право России: учебник / под ред. М. С. Шакарян. М.: Юрист, 2002. С. 98.

четкого и полного понятия процессуального соучастия в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, а при необходимости – и в другие кодексы. Определение должно включать в себя существенные признаки соучастия, такие как множественность участников, связь между ними, единство предмета спора и влияние решения суда на всех участников.

Таким образом, необходимо закрепить определение термина «процессуальное соучастие» в ст. 40 ГПК РФ, ст. 41 КАС РФ и ст. 46 АПК РФ: это участие в одном деле на стороне истца (соистцы) или на стороне ответчика (соответчики) двух или более лиц (процессуальных соучастников), права, обязанности или охраняемые законом интересы которых основаны на единых либо однородных фактических и (или) правовых основаниях и связаны с общим предметом спора, в целях обеспечения полноты, объективности и эффективности рассмотрения дела, предотвращения вынесения противоречивых судебных актов и процессуальной экономии.

Подводя итог, можно заключить, что институт процессуального соучастия служит важным механизмом гражданского и арбитражного процесса, позволяющим объединить на стороне истца или ответчика несколько лиц, связанных общими основаниями. Осуществляемая этим институтом коллективная защита прав и законных интересов участников способствует всестороннему и объективному рассмотрению споров, сокращает временные и ресурсные затраты на производство.

Библиографический список

1. Величко А. В., Саркисян В. Г. Подсудность гражданских дел мировому судье // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сб. науч. ст. по итогам работы круглого стола № 6 со всерос. и междунар. участием (Шахты, 29–30 июня 2021 г.) / ред. Н. Б. Данияров, Г. А. Темирханова, Н. В. Валуysков. Шахты: Конверт, 2021. С. 176–178.
2. Власов А. А. Гражданское процессуальное право: учебник. М.: ТК Велби, 2004. 428 с.
3. Глотова А. С. Некоторые проблемы института процессуального соучастия в гражданском процессе // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сб. ст. по результатам IV Междунар. науч.-практ. конф. (Симферополь, 1–4 апреля 2025 г.) / сост. И. В. Хмиль; под ред. С.

А. Трофимова, Е. В. Евсиковой. Симферополь: Ариал, 2025. С. 1123–1128.

4. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

5. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.

6. Гражданский процесс: учебник для вузов / под ред. М. К. Треушниковой. М.: Городец, 2014. 584 с.

7. Гражданское процессуальное право России: учебник / под ред. М. С. Шакарян. М.: Юрист, 2002. 634 с.

8. Крылова А. С., Удалов М. И. Процессуальное соучастие в гражданском процессе // Юридический факт. 2022. № 163. С. 50–52.

9. Монахов А. Б. Актуальные вопросы соучастия в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. 29 с.

10. Нурбалаева А. М., Исмаилова С. И. К вопросу о процессуальном соучастии в гражданском процессе // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 106–109.

11. Саркисян В. Г. Институт процессуального соучастия в гражданском процессе: понятие и значение // Юриспруденция: теория и практика. 2025. № 6. С. 22–26.

12. Саркисян В. Г. Некоторые аспекты рассмотрения судами обязательственных споров // Проблемы формирования правового социального государства в современной России: материалы XVIII Всерос. национальной науч.-практ. конф. (Новосибирск, 2–3 декабря 2022 г.). Новосибирск: Золотой колос, 2022. С. 246–249.

13. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс: учебник. М.: Госюриздат, 1956. 439 с.

Н. А. Седова

доцент кафедры гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т.
Трубилина,
кандидат юридических наук, доцент
pnata.sedova.68@list.ru

О ПРЕДЕЛАХ РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ

ON THE LIMITS OF PERMITTED USE OF LAND PLOTS

В статье исследованы новации гражданского и земельного законодательства, связанные с законодательным закреплением границ разрешенного использования земельных участков. Автором изучены положения двух федеральных законов: Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» и Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в статью 39.11 Земельного кодекса Российской Федерации». Установлено, что они направлены на совершенствование целевого назначения и

использования земельных участков. Законодательными новациями предусмотрены особенности определения категорий земель и видов разрешенного использования земельных участков при образовании земельных участков, использования земельных участков в соответствии с видами их разрешенного использования, выбора видов разрешенного использования земельных участков, правового режима отдельных категорий земель.

Ключевые слова: процессуальное соучастие, гражданский процесс, судопроизводство, истец, ответчик, соистец, соответчик, множественность лиц.

This article examines innovations in civil and land legislation related to the legislative consolidation of the boundaries of permitted use of land plots. The author examines two federal laws: Federal Law No. 295-FZ of July 31, 2025, "On amendments to the Land Code of the Russian Federation, certain legislative acts of the Russian Federation and the invalidation of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation" and Federal Law No. 296-FZ of July 31, 2025, "On Amendments to Article 39.11 of the Land Code of the Russian Federation". It has been established that they are aimed at improving the intended use and utilization of land plots. These legislative innovations provide for specifics for determining land categories and types of permitted land use during the formation of land plots, the use of land plots in accordance with their permitted uses, the selection of types of permitted land use, and the legal regime for certain land categories.

Keywords: land plot, permitted use of land plot, bounds of exercise of rights, subsoil use, ownership right, linear object, state ownership right, municipal ownership right.

Земельные участки по-прежнему остаются одним из важнейших и востребованных объектов гражданских прав на рынке недвижимости. Правовое регулирование вовлечения земельных участков постоянно развивается и обновляется. В этой связи представляет определенный интерес Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов

Российской Федерации» (далее – Закон № 295-ФЗ)¹. Он направлен на совершенствование целевого назначения и использования земельных участков.

Изменения в законодательство представляют собой попытку подойти к регулированию видов разрешенного использования и регламентов использования земель на гораздо более высоком уровне юридической техники, нежели в настоящее время. С 1 марта 2026 г. работает упоминаемое в законе понятие «вид разрешенного использования земельного участка». В соответствии с п. 1 ст. 14.1 Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ) «вид разрешенного использования земельного участка представляет собой вид деятельности, которую с учетом ограничений, установленных в соответствии с настоящим Кодексом, другими федеральными законами, допускается осуществлять на земельном участке, а также над и под его поверхностью, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом, другими федеральными законами».

Приведенное в законе сочетание слов «видов разрешенного использования» представляется не вполне удачным, поскольку речь идет о разрешенном использовании земельного участка, его правообладатель может совершать в отношении последнего только такие действия, которые разрешены законом либо в соответствии с законом иными нормативными актами. Что предполагает вид деятельности, которую допустимо осуществлять с учетом ограничений? Если допустимо осуществлять какую-либо деятельность, то в данном случае подразумевается разрешение, но не ограничение. Иными словами, прослеживается разрешительный метод правового регулирования². Ограничения как правовые средства регулирования общественных отношений применяют при дозволителем методе правового регулирования:

¹ О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2025 г. № 295-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 31. Ст. 4649.

² См.: Мантул Г. А. О методах гражданско-правового регулирования отношений в условиях незаконных международных ограничений // Власть Закона. 2024. № 2. С. 192; Лейбинен Н. А. Актуальные вопросы правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 202.

правообладателю предоставлена возможность действовать по своему усмотрению, за исключением случаев, предусмотренных законом (то есть правовых ограничений)¹. Пределы осуществления гражданских прав предполагают наличие определенных границ свободы усмотрения управомоченного лица², вне пределов которых какая-либо деятельность запрещена. Выбор между развитием свободы предпринимательской деятельности и централизованным управлением видится очень сложной задачей, которая не имеет однозначного ответа³.

Следует признать, что часть норм Закона № 295-ФЗ не относится в строгом смысле слова к новеллам, поскольку в определенной форме, более или менее приемлемой, могли быть выведены из прежнего регулирования и сложившейся судебной практики. Например, о возможности установления видов разрешенного использования участков для эксплуатации зданий, возведенных до принятия Правил землепользования и застройки, вопреки таким Правилам и т. д.⁴ Это обусловлено тем обстоятельством, что правоприменители в процессе практической деятельности ориентированы на нормы писаного права и не

¹ Новикова С. В., Шеховцова А. С. Некоторые вопросы ограничения свободы договора // Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения: сб. тезисов по материалам III Национальной конф. (Краснодар, 27–28 марта 2019 г.) / отв. за выпуск А. Г. Кошаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019. С. 188.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 49–50.

³ Иванюта П. П. Мобилизационная экономика как объект гражданско-правового регулирования // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Национальной науч.-практ. конф. (симпозиума) (Краснодар, 23 апреля 2024 г.) / под общ. ред. В. П. Камышанского. Краснодар: АНО «НИИ АПСР», ФГБОУ ВО КубГАУ, 2024. С. 60.

⁴ Юминов А. Новые подходы к разрешенному использованию земельных участков (Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ) // Закон.ру. 2025. 2 сентября. URL: https://zakon.ru/blog/2025/09/02/novye_podhody_k_razreshennomu_ispolzovanuyu_zemelnyh_uchastkov_federalnyj_zakon_ot_31072025_No_295-fz (дата обращения: 25.11.2025).

обладают достаточными навыками извлекать из закона содержащиеся в нем логические нормы права¹.

Положения вновь принятого Закона № 295-ФЗ вступают в силу с 1 марта 2026 г., при этом некоторые его положения уже действуют. В частности, п. 2 ст. 13 Закона № 295-ФЗ вносит изменение в Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 431-ФЗ «О геодезии, картографии и пространственных данных и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Так, перенесен срок запрета на использование иностранных геоинформационных систем (например, GIS-платформ) для органов власти и государственных компаний с 1 января 2026 г. на 1 января 2030 г. Это обусловлено тем, что органы власти, которые готовят документацию для проведения аукционов, в том числе и Градостроительный план земельного участка (далее – ГПЗУ), получают необходимое им дополнительное время для перехода на отечественное программное обеспечение.

Законом № 295-ФЗ в ЗК РФ внесены масштабные изменения регулирования видов разрешенного использования земельных участков. Введена новая глава 11.1 «Виды разрешенного использования земельных участков», в которой предусмотрены общие положения о видах разрешенного использования, порядке их установления и изменения.

Если иное не предусмотрено законом, виды разрешенного использования устанавливаются в отношении земель всех категорий в соответствии с классификатором, градостроительным регламентом, лесохозяйственным регламентом, положением об особо охраняемой природной территории. Виды разрешенного использования в отношении земельных участков сельскохозяйственного назначения будут установлены и изменены

¹ Подробнее об этом см.: Камышанский В. П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. 2010. № 4. С. 5; Камышанский В. П. О скрытых возможностях толкования норм гражданского законодательства при осуществлении судебной защиты // Седьмые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной: сб. материалов (Минск, 3 апреля 2025 г.) / ред. М. Н. Шимкович, Т. М. Халецкая, Ю. В. Емельянова. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2025. С. 123; Ротань В. Г., Камышанский В. П. Методология рационального толкования положений гражданского законодательства на примере ст. 401 ГК РФ // Власть Закона. 2025. № 2. С. 25; Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. С. 22.

Федеральным законом от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ «О землеустройстве». До его принятия вид разрешенного использования земельных участков сельскохозяйственного назначения может быть изменен решением региона.

Законодательно закреплены случаи, в которых виды разрешенного использования земельных участков допустимо устанавливать документацией по планировке территории (проектом планировки и (или) проектом межевания территории). Предусмотрены особенности определения категорий земель и видов разрешенного использования земельных участков при образовании земельных участков, использования земельных участков в соответствии с видами их разрешенного использования, выбора видов разрешенного использования земельных участков, правового режима отдельных категорий земель, иные вопросы о целевом назначении и разрешенном использовании земельных участков.

Поправки дают возможность строить линейные объекты на земельном участке, независимо от его вида разрешенного использования, позволяют определять виды разрешенного использования земельных участков на основании документации по планировке территории, конкретизируют порядок определения разрешенного использования земельного участка для недропользования¹. Новые поправки представляют собой дальнейшие эволюционные шаги законодателя в направлении большего порядка и предсказуемости работы с земельными участками как объектами гражданских прав. Первые из тех, кто научится использовать новые инструменты, получают значительное конкурентное преимущество, поскольку это позволит сэкономить время, то есть самый ценный ресурс в современной рыночной экономике. При рассмотрении условий новых аукционов в первую очередь необходимо внимательно изучить ГПЗУ, который теперь обязан предоставить орган власти.

¹ Камышанский В.П. О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 15-21.

Поправки также внесены в Градостроительный кодекс РФ¹, Лесной кодекс РФ², Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»³ и другие законодательные акты. Этими новациями закреплены особенности осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав в связи с выбором вида или видов разрешенного использования земельного участка. Предусмотрено, что виды разрешенного использования земельных участков, установленные применительно к земельным участкам до дня вступления в силу Закона № 295-ФЗ, являются действительными.

Кроме того, с 1 января 2026 г. на 1 января 2030 г. перенесен срок, с которого органы государственной власти, органы местного самоуправления, подведомственные им организации, определенные юридические лица не вправе использовать геоинформационные технологии, системы и средства, не относящиеся к российским, а также российские геоинформационные технологии, системы и средства, не соответствующие установленным требованиям.

Законом урегулированы отдельные вопросы ведения садоводства и огородничества для собственных нужд. Установлено, что нельзя создавать территории садоводства на землях сельскохозяйственного назначения, являющихся сельскохозяйственными угодьями, а также на землях населенных пунктов в границах территориальных зон, в которых не допускается ведение гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд. Предусмотрено, что образование находящихся в государственной или муниципальной собственности садовых земельных участков или огородных земельных участков осуществляется в результате раздела земельного участка, предоставленного садоводческому или огородническому некоммерческому товариществу для их

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

² Лесной кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 декабря 2006 г. № 200-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50. Ст. 5278.

³ О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.

распределения между членами такого товарищества Собственник садового земельного участка или огородного земельного участка не вправе отчуждать его отдельно от расположенных на нем жилого дома, садового дома, хозяйственных построек и (или) гаража.

Закреплено понятие «хозяйственные постройки»: к ним отнесены объекты капитального строительства и (или) некапитальные строения, сооружения, расположенные на садовых земельных участках или огородных земельных участках, предназначенные для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, в том числе сарай, бани, теплицы, навесы, погреба, летние кухни, колодцы. Не отнесены к хозяйственным постройкам погреба и другие сооружения, являющиеся частями жилых домов, садовых домов.

С 11 августа 2025 г. вступил в силу Федеральный закон № 296-ФЗ «О внесении изменений в статью 39.11 Земельного кодекса Российской Федерации»¹. Этим законом ГПЗУ включен в документацию при проведении аукциона по продаже участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и аукциона на право заключения договора аренды такого участка. Внесенные в ЗК РФ поправки позволяют потенциальному инвестору заранее получить информацию о земельном участке, предлагаемом для осуществления строительства. Более того, предусмотрена новая **обязанность** (выделено мною. – Н. С.) государственного органа: обеспечить подготовку ГПЗУ, если его разрешенное использование предполагает строительство.

ГПЗУ представляет собой основополагающий документ для проектирования объекта строительства. Он содержит исчерпывающие сведения обо всех технических условиях, включая возможность подключения к сетям инженерно-технического обеспечения, за исключением сетей электроснабжения. Получая ГПЗУ до аукциона, инвестор четко и в полной мере представляет себе возможности и ограничения пользования земельным участком. Это изменение существенно

¹ О внесении изменений в статью 39.11 Земельного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2025 г. № 296-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 31. Ст. 4650.

снижает риски инвестора¹. Технические условия в составе ГПЗУ, подготовленные органом власти, становятся частью информационной основы и условий аукциона.

Если раньше к извещению о проведении аукциона прилагался только проект договора (купли-продажи или аренды), то теперь обязательным приложением к договору является ГПЗУ, когда на земельном участке предполагается строительство. Это дает возможность потенциальному инвестору заблаговременно оценить возможные параметры будущего объекта строительства и возможные ограничения. Новый порядок помогает инвестору заблаговременно, до подачи заявки и внесения задатка, принять обоснованное решение о целесообразности участия в аукционе. Органы власти уже не смогут выставить на торги земельные участки, в отношении которых отсутствует четкость их градостроительной перспективы, и получать годами арендную плату, а тем самым неосновательно обогащаться.

Библиографический список

1. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.

2. *Иванюта П. П.* Мобилизационная экономика как объект гражданско-правового регулирования // Частное право Российской Федерации: история, современное состояние, тенденции и перспективы развития: сб. ст. IX Национальной науч.-практ. конф. (симпозиума) (Краснодар, 23 апреля 2024 г.) / под общ. ред. В. П. Камышанского. Краснодар: АНО «НИИ АПСР», ФГБОУ ВО КубГАУ, 2024. С. 58–64.

3. *Камышанский В. П.* О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. 2010. № 4. С. 5–9.

4. *Камышанский В.П.* О праве пользования участками недр в науке гражданского права // Власть Закона. 2016. № 2 (26). С. 15–21.

¹ Ранее органы власти при подготовке аукциона должны были запрашивать и предоставлять потенциальным участникам информацию только о возможности подключения к сетям (водоснабжения, теплоснабжения, канализации и т. д.) без обязательств со своей стороны.

5. Камышанский В. П. О скрытых возможностях толкования норм гражданского законодательства при осуществлении судебной защиты // Седьмые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной: сб. материалов (Минск, 3 апреля 2025 г.) / ред. М. Н. Шимкович, Т. М. Халецкая, Ю. В. Емельянова. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2025. С. 123–126.

6. Лейбинен Н. А. Актуальные вопросы правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации // Вестник экономики и права. 2024. № 94. С. 202–208.

7. Мантул Г. А. О методах гражданско-правового регулирования отношений в условиях незаконных международных ограничений // Власть Закона. 2024. № 2. С. 192–200.

8. Новикова С. В., Шеховцова А. С. Некоторые вопросы ограничения свободы договора // Научно-технологическое обеспечение агропромышленного комплекса России: проблемы и решения: сб. тезисов по материалам III Национальной конф. (Краснодар, 27–28 марта 2019 г.) / отв. за выпуск А. Г. Кощаев. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2019. С. 188–189.

9. Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 792 с.

10. Ротань В. Г., Камышанский В. П. Методология рационального толкования положений гражданского законодательства на примере ст. 401 ГК РФ // Власть Закона 2025. № 2. С. 25–59.

11. Юминов А. Новые подходы к разрешенному использованию земельных участков (Федеральный закон от 31.07.2025 № 295-ФЗ) // Закон.ру. 2025. 2 сентября. URL: https://zakon.ru/blog/2025/09/02/novye_podhody_k_razreshenno_mu_ispolzovaniyu_zemelnyh_uchastkov_federalnyj_zakon_ot_31072025_No_295-fz (дата обращения: 25.11.2025).

А. М. Соловьев
заведующий кафедрой
юридических и гуманитарных
дисциплин
Невинномысского
государственного
гуманитарно-технического
института,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Невинномысск
soloviev26@mail.ru

Н. Ю. Шлюндт
доцент кафедры
юридических и гуманитарных
дисциплин
Невинномысского
государственного
гуманитарно-технического
института,
кандидат юридических наук,
доцент
Россия, г. Невинномысск
nshlundt@mail.ru

**ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ОСМЫСЛЕНИЮ
ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ СМАРТ-КОНТРАКТА**

**A MULTYPARADIGMATIC APPROACH TO UNDERSTANDING
THE LEGAL NATURE OF A SMART CONTRACT**

В статье утверждается, что современное развитие технологий децентрализованных реестров и блокчейна привело к появлению феномена смарт-контрактов, которые становятся важным инструментом цифровой экономики, трансформируя представления о заключении и исполнении обязательств в цифровой среде. Настоящее исследование содержит обзор доктринальных дефиниций и нормативный контекст такого феномена, как смарт-контракт. Авторами рассмотрены основные подходы к пониманию правовой природы этого феномена как договора, как компьютерной программы и как автоматизированного средства исполнения обязательств. Согласно авторской позиции, признание объективной полипарадигмальности данного феномена позволит не только интегрировать современные технологические достижения в правовую систему, но и стимулировать рост инновационной экономики, повысить доверие к цифровым платформам и обеспечить их адаптацию к быстро изменяющимся условиям цифрового рынка. Авторы определяют полипарадигмальность как

сочетание различных парадигм в рамках института смарт-контракта, при этом в контексте не их системности, а согласованности результата. Концепция смарт-контрактов, по выводам авторов, развивается параллельно с изменением технологических парадигм: от традиционного права через информационно-коммуникационные технологии к современным децентрализованным решениям на основе блокчейна. Показаны также перспективы развития законодательства при полипарадигмальном подходе, предполагающем комплексное видение правового статуса смарт-контракта ввиду технологических, юридических и социально-экономических аспектов. Это, по мнению авторов, поможет выявить наиболее перспективные пути интеграции цифровых контрактных инструментов в современную правовую систему.

Ключевые слова: смарт-контракт, полипарадигмальный подход, правовая природа, правовой феномен, цифровизация, гражданский оборот, гражданско-правовой договор, блокчейн.

The article argues that the modern development of decentralized registry and blockchain technologies has led to the emergence of smart contracts, which are becoming an important tool in the digital economy, transforming traditional concepts of contractual agreements and integrating them into the digital environment. This study provides an overview of the doctrinal definitions and regulatory context of the smart contract phenomenon. The main approaches to understanding the legal nature of this phenomenon as a contract, as a computer program, and as an automated means of fulfilling obligations were examined. The authors believe that the objective multiparadigmatic nature of this phenomenon will not only integrate modern technological advances into the legal system, but also stimulate the growth of an innovative economy, increase trust in digital platforms, and ensure their adaptation to the rapidly changing market conditions. The authors define multiparadigmity as a combination of various paradigms within the smart contract institution, not in terms of their systematicity, but rather in terms of the consistency of their outcome. The concept of smart contracts is evolving alongside shifting technological paradigms: from traditional law through information and communications technology to modern decentralized solutions based on blockchain. The potential for legislative development with a multiparadigmatic approach was explored, which entails a comprehensive understanding of the legal status of smart contracts, considering technological, legal, and socioeconomic aspects.

According to the authors, these aspects demonstrate the most promising paths for integrating digital contractual instruments into the modern legal system.

Keywords: Smart contract, multiparadigmatic approach, legal nature, legal phenomenon, digitalization, civil turnover, civil law contract, blockchain.

В буквальном переводе с английского языка понятие «смарт-контракт» означает «умный контракт». Формальное восприятие смарт-контракта, исходя из буквального толкования термина, может привести к ошибочному пониманию правовой природы такой технологии. Поэтому понятие и его правовое регулирование, а также возможность применения в сфере интеллектуальной собственности сегодня порождают плюрализм доктринальных и практических подходов.

В России законодательное закрепление смарт-контрактов происходит постепенно в русле общей цифровизации гражданского оборота¹. Так, с 2019 г. основополагающие изменения внесены в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) посредством Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»², которым установлено понятие цифрового права и допущено осуществление сделок с помощью электронных средств, включая автоматизацию исполнения обязательств посредством программных алгоритмов. Этот процесс подготовил почву для появления новых юридических конструкций, нуждающихся в осмыслении³, поскольку рассмотрение осуществляется с позиций нескольких дисциплин, что выявляет комплексный характер явления. С учетом изложенного смарт-контракты в российском законодательстве рассматривают не только как самостоятельные результаты интеллектуальной деятельности, охраняемые нормами авторского права в соответствии с ч. 4 ГК РФ, но и как

¹ Камышанский В. П. Некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при реорганизации правообладателя в условиях цифровизации экономики // Власть Закона. 2022. № 2 (50). С. 26.

² О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 12. Ст. 1224.

³ См., напр.: Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском праве // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 15.

инструменты исполнения или даже элементы заключенной в электронной форме сделки. Такая дуалистичность обуславливает защиту программного кода (правообладатель, исключительные права, условия использования) и регулирование обязательственных отношений, возникающих при применении смарт-контрактов на практике¹.

В процессе регулирования цифровых финансовых активов (ЦФА) действует Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², которым введен правовой режим для выпуска, обращения и учета цифровых финансовых инструментов. В этом законе определено использование смарт-контрактов для автоматизированного исполнения условий сделок с цифровыми активами, а также предусмотрен особый порядок учета, в рамках которого операторами информационных систем ЦФА могут быть только российские юридические лица, аккредитованные у Банка России³. Смарт-контракты в этих экосистемах обеспечивают прозрачность сделок, автоматичность передачи прав на активы и возможность реализации новых моделей обмена ценностями без участия посредников.

Параллельно развивается институт электронной формы сделки, детализированный в ГК РФ и специальных нормативных актах, регулирующих государственные закупки. Со второй половины 2020-х гг. цифровые контракты внедряют в Единой информационной системе государственных закупок, что позволяет автоматически фиксировать, оформлять и исполнять договоры между участниками посредством смарт-контрактов, минимизируя риски недобросовестности и бюрократические издержки⁴.

¹ Смарт-контракты: юридическая природа и сфера их применения. Блог компании Digital Rights Center // Digital Future. URL: <https://dfcg.ru/smart-kontrakty?ysclid=miuqsjt6wm44654880> (дата обращения: 10.10.2025).

² О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

³ Цифровые финансовые активы (ЦФА) в России в 2025 году // Финансы. КР.ru. URL: <https://www.kp.ru/money/lichnye-finansy/tsifrovye-finansovye-aktivy/> (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Цифровое право: цифровые активы, оборот криптовалют, смарт-контракты, распоряжение цифровыми правами // Справ.-правовая система

Несмотря на наличие нормативной базы, проблемы комплексного регулирования по-прежнему остаются нерешенными. Юридическая практика и правоприменение только формируются: вопросы идентификации сторон сделки, доказывания факта заключения/исполнения обязательств, распределения ответственности в случаях программных ошибок или злоупотреблений пока разработаны недостаточно глубоко. Развиваются подходы к обеспечению авторских и исключительных прав на программные средства. Однако широкое распространение смарт-контрактов сдерживается ограниченным количеством успешных кейсов вне профессионального финансового оборота.

Неоднозначность определения понятия «смарт-контракт» порождена разногласиями среди исследователей технических и юридических аспектов этого феномена. В ряде работ ведущим признаком смарт-контракта называют его неразрывную связь с технологиями распределенных реестров, прежде всего платформами блокчейн. Подобная позиция доминирует в современных исследованиях, в которых понятие «смарт-контракт» рассматривают как программно реализованное соглашение, функционирующее в электронной среде и исполняемое без участия операторов или посредников¹.

В зарубежной литературе проводят различия между *legal smart contract* (юридически значимым текстом, закрепляющим волю сторон) и *smart contract code* (технической реализацией условий соглашения в форме кода)². По определению, смарт-контракт может выступать как автоматизированная программа, контролирующая перевод цифровых активов или выполнение обязательств, то есть в роли посредника между намерением сторон и технологическим исполнением.

В российской правовой школе распространено определение смарт-контракта как договора, реализуемого целиком или частично с помощью программного кода в электронной среде с

«КонсультантПлюс». 2025. 30–31 января. URL: <https://www.consultant.ru/about/presscenter/news/measure/article5565/> (дата обращения: 10.10.2025).

¹ Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica / Русский закон. 2019. № 8 (153). С. 51.

² Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 15.

обеспечением автоматизации исполнения. Так, Б. М. Гонгало и Л. А. Новоселова пишут о том, что смарт-контракт можно рассматривать как договор, заключенный в форме программного кода и предназначенный для автоматического исполнения условий¹. М. Т. Чаккиев обращает внимание на «условность реализации» смарт-контракта: выполнение происходит строго при наступлении заранее установленных обстоятельств².

Существует мнение, согласно которому смарт-контракт – это не самостоятельный вид договора, а новый способ обеспечения исполнения обязательств. Такой подход находит отражение, например, у М. Ю. Юрасова и Д. А. Позднякова, выделяющих его обеспечительную функцию по аналогии с традиционными инструментами гражданского права³. А. И. Савельев определяет термин «смарт-контракт» как соглашение сторон, выраженное в программном коде, функционирующее в блокчейн-среде и обеспечивающее неизбежность исполнения сторонами предусмотренных условий при наступлении определенных фактов⁴. А. А. Волос сделал вывод о том, что смарт-контракт – особая электронная форма договора, на основе специального программного кода. По мнению исследователя, это не новая правовая конструкция, а общепринятая и не противоречащая имеющимся принципам договорного права⁵.

Таким образом, вполне обоснованно формируется устойчивое убеждение в том, что современное развитие требует комплексного, полипарадигмального подхода к осмыслению

¹ Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179.

² Чаккиев М. Т. Актуальные проблемы применения смарт-контрактов // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Т. 11-3 (62). С. 49.

³ Юрасов М. Ю., Поздняков Д. А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн // Закон.ру. 2017. 9 октября. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokcheyn (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 32.

⁵ Волос А. А. Юридическая характеристика смарт-контрактов // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 16–17 сентября 2019 г.) / под ред. Н. Б. Барановой, А. В. Яшина, А. А. Грачева. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2019. С. 20.

феномена смарт-контрактов и соответствующего совершенствования законодательства. Традиционные рамки, основанные на единственной концепции, все реже позволяют охватить сложные по структуре цифровые отношения, возникающие на стыке права, технологий и международной практики.

В научной дискуссии выделяют три подхода к правовой природе смарт-контракта, которые отражают ведущие направления квалификации этого феномена в правовой доктрине и практике. Сторонники первого подхода рассматривают смарт-контракт как разновидность гражданско-правового договора. В этом случае акцент делают на содержательной стороне взаимодействия: программа воспринимается как форма выражения согласованной воли сторон. Указанный подход предполагает возможность признания смарт-контракта особой формой электронного договора, если соглашение между субъектами фиксируется в программном коде, а исполнение его условий происходит автоматически, без дальнейшего вмешательства участников¹.

Второй подход основывает правовую оценку на сути смарт-контракта как компьютерной программы. В данном случае ключевым объектом становится программный код, который рассматривают как самостоятельное произведение, охраняемое в рамках авторского права².

Третий – исходит из того, что смарт-контракт представляет собой автоматизированный способ исполнения уже заключенных обязательств. В этом случае сделку заключают в привычной письменной или электронной форме, а смарт-контракт, закрепляя определенный алгоритм в программном коде, служит обеспечительным инструментом для неотвратимости исполнения договоренностей. Такой подход сближает смарт-контракты с институтами обеспечения исполнения обязательств, например с автоматизированным *escrow* или поручительством. Но, в отличие

¹ См., напр.: Ячменева В. М. Сравнительный анализ инновационной и цифровой экономик: понятия, оценка, показатели // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 2. С. 154.

² См., напр.: Смарт-контракты: юридическая природа и сфера их применения. Блог компании Digital Rights Center // Digital Future. URL: <https://dfcg.ru/smart-kontrakty?ysclid=miuqsjt6wm44654880> (дата обращения: 10.10.2025).

от классических форм, он минимизирует роль человеческого фактора и третьей стороны¹.

Полагаем, что выявленные подходы обладают преимуществами и ограничениями с точки зрения теории права и эффективности применения на практике. Так, рассматривая смарт-контракт как договор, сторонники этого подхода указывают на высокую степень юридической определенности: соглашения, зафиксированные в программном коде, могут приобретать статус сделки с привычными последствиями для сторон, включая защиту через суд². Но остается проблема разночтения: не всегда удастся определить, отражает ли код полную волю сторон, особенно при сложных или нетипизированных сделках. Кроме того, судебная экспертиза кода часто становится необходимым, но дорогим и времязатратным инструментом.

Отождествление смарт-контракта с программой выделяет преимущества автоматизации: осуществление сделок без посредников, снижение издержек и рисков субъективности человеческого фактора. Принято считать, что, децентрализованная среда повышает уровень безопасности и подтверждения последствий сделки, как показывает опыт блокчейн-платформ и DeFi-сервисов³. Однако следует учитывать и вероятность сбоев и багов в исходном коде: известны кейсы (взлом DAO в 2016 г.), при которых ошибки в программе привели к крупным финансовым потерям, а юридические механизмы реагирования либо отсутствовали, либо были неэффективны⁴. Поэтому, воспринимая смарт-контракт исключительно как программу, правовая система не гарантирует исполнения защитных норм договорного права и требует отдельного

¹ См., напр.: Рожкова М. А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 60.

² Что такое смарт-контракты: как работают, их типы и особенности // Moscow Digital School. 2025. 27 апреля. URL: <https://mosdigitals.ru/blog/chto-takoe-smart-kontrakty-kak-rabotayut-ikh-tipy-i-osobennosti?ysclid=miushqvv5878244052> (дата обращения: 10.10.2025).

³ Что такое смарт-контракты: краткое руководство // Habr.com. 2018. 20 мая. URL: <https://habr.com/ru/articles/358968/?ysclid=miusl8zaa8463939895> (дата обращения: 10.10.2025).

⁴ Аналитический обзор по теме «Смарт-контракты» // Банк России. 2018. Октябрь. URL: https://cbr.ru/content/document/file/47862/smartkontrakt_18-10.pdf (дата обращения: 10.10.2025).

регулирования авторских и имущественных прав на результат интеллектуальной деятельности.

Наконец, концепция смарт-контракта как автоматизированного инструмента исполнения обязательств содержит компромисс между традиционным договорным правом и инновационными механизмами. Данный подход востребован в схемах поставок, автоматизированных выплат по страховому случаю и сервисах *peer-to-peer*. Но невозможно охватить сложные, многоступенчатые отношения, требующие постоянных корректировок по соглашению сторон или вмешательства третьей стороны (арбитра, посредника). Более того, при возникновении программных или технических сбоев, как показал кейс *Arbitrum*¹, процесс возврата к исходному юридическому статусу сделки часто затягивается, влечет дополнительные транзакционные издержки.

Показателен тот факт, что в экспертных сообществах предлагают интегрировать различные модели, признавая частично их достоинства: к примеру, отдельные положения соглашения реализуются на языке программного кода для обеспечения однозначного выполнения, а комплексные, требующие человеческого толкования, – выносятся в текстовую часть договора². Сбалансированное правовое регулирование, сочетающее надежность автоматизации с гибкостью традиционного права, видится наиболее перспективным направлением развития правового статуса смарт-контрактов и требует дальнейшего доктринального поиска.

Представляется, что полипарадигмальность подразумевает необходимость рассматривать смарт-контракты одновременно с позиций нескольких исследовательских и правовых моделей: как юридических соглашений, как объектов авторского права, как технологических инструментов автоматизации.

Попытка интеграции различных трактовок сопровождается проблемой поиска сбалансированного подхода к содержанию и квалификации смарт-контракта в правовой системе. Например,

¹ Что такое смарт-контракты: как работают, их типы и особенности // Moscow Digital School. 2025. 27 апреля. URL: <https://mosdigitals.ru/blog/chto-takoe-smart-kontrakty-kak-rabotayut-ikh-tipy-i-osobennosti?ysclid=miushqvv5878244052> (дата обращения: 10.10.2025).

² Смарт-контракты: что это такое, как они работают и примеры использования // ECOS. URL: <https://ecos-21d1d6.gitlab.io/ru/blog/smart-contracts-what-is-it-what-are-they/?ysclid=miustn2sxx650667446> (дата обращения: 10.10.2025).

слишком узкая юридизация этого инструмента может привести к утрате его инновационной сути и гибкости. Между тем акцент исключительно на технологических аспектах создает риски правовой неопределенности для участников оборота. Ввиду этого универсальную правовую формулу, способную одинаково эффективно регулировать смарт-контракты во всех сферах, в настоящее время предложить невозможно.

Важно, чтобы правовая система позволяла использовать разные модели, выступая как договорной инструмент, автоматизированное средство исполнения или программный продукт, в зависимости от обстоятельств и интересов сторон. Изложенный подход создает методологическую среду для многомодельного регулирования, при котором правоприменение на практике становится максимально адаптированным и открытым для новых форм контрактообразования.

Признание полипарадигмальности выводит на необходимость включать в законодательные акты и судебную практику не только единые стандарты, но и инструменты выбора наиболее релевантной правовой трактовки в каждом случае. Сложные правовые отношения требуют разнопланового анализа и одновременно допускают сосуществование нескольких взаимодополняющих моделей регулирования, что во многом отвечает принципу правовой гибкости и способствует устойчивости цифровых рынков¹.

Российское право признало смарт-контракты в качестве самостоятельного цифрового инструмента, но для перехода к массовому внедрению в действительности требуется ряд шагов. Во-первых, становится необходимым дальнейшее развитие системы специализированных репозиторий смарт-контрактов. Инфраструктура подобных платформ, разрабатываемых при участии Банка России, способна обеспечить прозрачность, неизменность и проверяемость условий цифровых соглашений². Нормативное закрепление требований к репозиториям, а также стандартов хранения, регистрации и идентификации смарт-

¹ Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 15.

² Ходорович М. Смарт-контракты 2025: Как бизнес экономит миллионы с помощью блокчейн-технологий // VC.ru. 2025. 26 февраля. URL: <https://vc.ru/crypto/1834125-smart-kontrakty-2025-kak-biznes-ekonomit-milliony-s-pomoshyu-blokchein-tehnologii> (дата обращения: 10.10.2025).

контрактов усилит доверие участников рынка и обеспечит единый цифровой след операций для целей контроля и аудита.

Во-вторых, ожидается существенная детализация процедур заключения и признания юридической силы смарт-контрактов. В частности, необходимо нормативно утвердить возможность признания смарт-контракта доказательством совершения сделки без необходимости дублирования обязательств в традиционной письменной или иной форме. Актуальным направлением является внедрение типовых смарт-контрактов, прежде всего для наиболее распространенных видов сделок в области логистики, страхования, факторинга и корпоративных закупок.

В-третьих, требуется комплексное урегулирование вопросов интеллектуальной собственности и исключительных прав на программный код смарт-контракта. Следует создать специальные процедуры депонирования и подтверждения авторства кода, что поможет снизить конфликтность и облегчить разрешение споров о незаконном копировании или модификации смарт-контрактов.

Важным шагом является разработка отдельных процессуальных норм по разрешению споров, связанных с автоматизированным исполнением обязательств и ошибками в смарт-контрактах. Формирование прецедентной судебной практики, создание экспертной базы и подготовка судей по цифровым вопросам будут способствовать развитию защиты прав участников цифрового оборота.

Библиографический список

1. Волос А. А. Юридическая характеристика смарт-контракта // Правовые и социально-экономические проблемы современной России: теория и практика: сб. ст. VII Междунар. науч.-практ. конф. (Пенза, 16–17 сентября 2019 г.) / под ред. Н. Б. Барановой, А. В. Яшина, А. А. Грачева. Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2019. С. 20–23.
2. Гонгало Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 179–192.
3. Гринь О. С., Гринь Е. С., Соловьев А. В. Правовая конструкция смарт-контракта: юридическая природа и сфера применения // Lex Russica / Русский закон. 2019. № 8 (153). С. 51–62.
4. Зайнутдинова Е. В. Смарт-контракт в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 238 с.

5. Камышанский В. П. Некоторые особенности регистрации права на результаты интеллектуальной деятельности при реорганизации правообладателя в условиях цифровизации экономики // Власть Закона. 2022. № 2 (50). С. 25–45.

6. Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве // Власть Закона. 2019. № 1 (37). С. 14–20.

7. Камышанский В. П. Цифровые права в российском гражданском праве // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 13–17.

8. Рожкова М. А. Смарт-контракт в договорной практике: программный код и «цифровая надстройка» классического договора // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. № 1 (39). С. 60–72.

9. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. Т. 16. № 3. С. 32–60.

10. Ходорович М. Смарт-контракты 2025: Как бизнес экономит миллионы с помощью блокчейн-технологий // VC.ru. 2025. 26 февраля. URL: <https://vc.ru/crypto/1834125-smart-kontrakty-2025-kak-biznes-ekonomit-milliony-s-pomoshyu-blokchein-tehnologii> (дата обращения: 10.10.2025).

11. Чажкиев М. Т. Актуальные проблемы применения смарт-контрактов // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. Т. 11-3 (62). С. 49–52.

12. Юрасов М. Ю., Поздняков Д. А. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн // Закон.ру. 2017. 9 октября. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchein (дата обращения: 10.10.2025).

13. Ячmeneва В. М. Сравнительный анализ инновационной и цифровой экономик: понятия, оценка, показатели // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2020. № 2. С. 154–168.

А. С. Шеховцова

доцент Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
кандидат юридических наук, доцент
Россия, г. Краснодар
ankras@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЛИКТНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**CURRENT ISSUES OF REGULATION OF TORT OBLIGATIONS IN
RUSSIAN CIVIL LEGISLATION**

В статье исследовано современное состояние института деликтных обязательств в гражданском праве, выявлены ключевые проблемы правового регулирования и правоприменения, а также сформулированы предложения по его совершенствованию. Проведенный анализ показал, что действующие нормы Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) не в полной мере отражают современные социально-экономические реалии, что приводит к неоднородности судебной практики, затруднениям в установлении причинно-следственной связи и определении справедливого размера

компенсации вреда. Установлено, что концепция строгой ответственности требует дополнительной нормативной конкретизации, особенно в отношении деятельности, связанной с повышенной опасностью. Исследование подтвердило необходимость внедрения методики расчета компенсации морального вреда и законодательного закрепления стандартов доказывания причинно-следственной связи. На основе сравнительно-правового анализа приведены рекомендации по дополнению ст. 1064 и 1101 ГК РФ, а также введению новой нормы, предусматривающей критерии оценки противоправности поведения и допустимые способы установления причинной связи. Сделан вывод о том, что предлагаемые изменения способны повысить предсказуемость и единообразие судебной практики, усилить защиту прав потерпевших, снизить риск необоснованного привлечения к ответственности и обеспечить более справедливое распределение рисков в гражданском обороте.

Ключевые слова: деликтные обязательства, гражданское право, причинение вреда, строгая ответственность, карательные убытки, компенсация морального вреда, причинно-следственная связь, судебная практика, законодательное регулирование, правоприменение.

The article examines the current state of the institution of tort obligations in civil law, identifies key issues of legal regulation and law enforcement, and formulates proposals for its improvement. The analysis showed that the current norms of the Civil Code of the Russian Federation do not fully reflect modern socio-economic realities, which leads to heterogeneity of judicial practice, difficulties in establishing a causal relationship and determining the fair amount of compensation for damages. It has been established that the concept of strict liability requires additional regulatory clarification, especially in relation to activities associated with increased risk. The study confirmed the need to implement a methodology for calculating compensation for moral damage and to legally establish standards for proving causation. Based on a comparative legal analysis, recommendations are provided for supplementing Articles 1064 and 1101 of the Civil Code of the Russian Federation, as well as the introducing a new norm establishing criteria for assessing the illegality of conduct and acceptable methods for establishing causation. It is concluded that the proposed changes can increase the predictability and uniformity of judicial practice, strengthen the protection of

victims' rights, reduce the risk of unjustified prosecution and ensure a fairer distribution of risks in civil turnover.

Keywords: tort obligations, civil law, causing harm, strict liability, punitive damages, compensation for moral damage, causal relationship, judicial practice, legislative regulation, law enforcement.

В современных условиях правового развития институт деликтных обязательств приобретает особое значение, поскольку именно через механизмы деликтного права обеспечивается защита нарушенных прав граждан и юридических лиц, а также компенсация причиненного вреда. Актуальность темы обусловлена растущим количеством судебных споров, связанных с причинением вреда, сложностью установления причинно-следственной связи между действиями причинителя и наступившими последствиями, а также необходимостью выработки единых подходов к применению концепции строгой ответственности и назначению карательных убытков. Кроме того, развитие рыночных отношений, медицинских и технологических услуг, усиление общественного запроса на справедливость требуют совершенствования законодательных норм и судебной практики в этой сфере.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с причинением вреда и возложением на причинителя обязанности по его возмещению. Предметом исследования служат правовые нормы, доктринальные подходы и судебная практика, регулирующие институт деликтных обязательств, включая вопросы строгой ответственности, карательных убытков, установления причинно-следственной связи и определения справедливого размера компенсации. В исследовании применены общенаучные и частнонаучные методы: анализ и синтез правовых норм, формально-юридический метод для изучения законодательных положений, сравнительно-правовой метод для сопоставления отечественного и зарубежного опыта регулирования деликтных обязательств, а также системный подход, позволяющий выявить взаимосвязь между нормами права, доктринальными позициями и судебной практикой.

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении института деликтных обязательств с учетом современных тенденций развития гражданского права, включая анализ концепции строгой ответственности и обоснование необходимости ее адаптации к современным социально-

экономическим условиям. В работе предлагаются уточненные критерии для применения карательных убытков, сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательного регулирования и единообразию судебной практики, что позволяет повысить уровень защиты прав потерпевших и снизить риск несправедливого привлечения к ответственности.

Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, представляют собой одну из ключевых и наиболее теоретически значимых категорий внедоговорных обязательств. Их исследование имеет не только доктринальное, но и прикладное значение, поскольку вопросы деликтной ответственности подразумевают широкий круг проблем, требующих глубокого анализа правовой природы этих обязательств, условий их возникновения, а также механизмов реализации обязанности возмещения ущерба.

По своей правовой сути деликтные обязательства формируются в результате причинения ущерба другому лицу, будь то материальный или нематериальный вред. При этом их возникновение связано с противоправным поведением субъекта, выраженным и в активных действиях, и в бездействии. Основное содержание такого обязательства прослеживается в обязанности лица, нарушившего чужое субъективное право, возместить причиненный вред в полном объеме, тем самым восстановив нарушенное имущественное или личное благо потерпевшего. Под деликтом традиционно понимают противоправное, общественно вредное деяние, которое может быть умышленным, совершенным по неосторожности и повлекшим причинение ущерба другому лицу. Тем самым законодатель возлагает на физических и юридических лиц обязанность проявлять должную осмотрительность и заботливость, предотвращая наступление неблагоприятных последствий для других участников гражданского оборота.

Согласно мнению ряда российских цивилистов, деликтные обязательства рассматривают как разновидность внедоговорных обязательств¹. Так, Е. А. Суханов пишет о том, что эти обязательства возникают вследствие противоправного деяния,

¹ Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 510; Гражданское право: учебник для вузов: в 3 ч. Ч. 2 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2009. С. 638.

причиняющего ущерб потерпевшему, и выполняют охранительную, защитную и превентивную функции¹. Б. М. Гонгало, в свою очередь, утверждает, что ответственность за нарушение таких обязательств основана на традиционных принципах вины, противоправности, причинной связи и вреда, однако законодательство допускает исключения, если один или несколько элементов ответственности могут быть смягчены или отсутствовать². Большое значение придают ученые и составу деликтного обязательства, который, по мнению В. Т. Смирнова и А. А. Собчака, включает в себя противоправное деяние, причиненный вред, причинно-следственную связь и наличие вины, что остается ключевым ориентиром для квалификации и применения норм деликтного права³.

В современной цивилистической науке институт деликтных обязательств рассматривают как один из фундаментальных элементов механизма защиты нарушенных прав и восстановления имущественной сферы потерпевшего. Обзор научных и учебных источников свидетельствует о том, что проблематика причинения вреда и возложения обязанности по его возмещению по-прежнему актуальна в теоретическом и практическом аспектах. Так, в учебном пособии С. Э. Либановой детально исследован вопрос о взыскании убытков как ключевой мере гражданско-правовой ответственности, что особенно видится значимым для анализа практики применения норм о деликтных обязательствах⁴. Автор уделяет особое внимание вопросам установления размера убытков, доказыванию причинно-следственной связи и условиям освобождения от ответственности, что позволяет сформулировать выводы о необходимости дальнейшей детализации критериев расчета ущерба и унификации судебной практики.

С. В. Николюкин в своих трудах, посвященных нормам гражданского права, предлагает материалы для решения

¹ Суханов Е. А. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: БЕК, 2004. С. 432.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2018. С. 28.

³ Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. С. 52.

⁴ Либанова С. Э. Взыскание убытков: актуальные проблемы теории и практики: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2023. С. 47.

практических задач, связанных с причинением вреда¹. Представленные кейсы и алгоритмы их анализа указывают на сложность установления юридически значимой причинной связи, а также необходимость учета субъективной стороны деяния при квалификации противоправных деяний. В работах Е. В. Разумовской проведен системный анализ обязательственных отношений, возникающих из причинения вреда, включая вопросы строгой ответственности и компенсации морального вреда². Автор пишет о том, что современная практика требует более четкого законодательного закрепления случаев, в которых ответственность наступает независимо от вины, что становится особенно актуальным для сфер, связанных с деятельностью источников повышенной опасности.

Источники возникновения деликтных обязательств разнообразны. Они могут быть обусловлены нормами договорного и внедоговорного характера, предписаниями статутного права, положениями Конституции России, а также общими принципами права. Так, в практике нередко складываются ситуации, в которых причинение вреда является следствием нарушения правил безопасности. Например, лицо, не проявившее необходимой осторожности при управлении транспортным средством и допустившее дорожно-транспортное происшествие, в результате которого причинены телесные повреждения или наступила смерть потерпевшего, несет ответственность по основанию деликта халатности. Иная ситуация складывается в случаях, если вред причинен умышленно, например при нанесении побоев или совершении иного противоправного посягательства на личность. В этом случае наступает ответственность за деликт, связанный с умышленным причинением моральных или физических страданий, что говорит о значимости субъективной стороны деяния для квалификации правонарушения³.

Осознание собственных прав и обязанностей в сфере деликтных правоотношений является важнейшей предпосылкой

¹ Николюкин С. В. Гражданское право. Особенная часть. Практикум. М.: Юрайт, 2023. С. 184.

² Разумовская Е. В. Гражданское право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. С. 398.

³ Ивановская Н. В. Гражданско-правовая ответственность за причинение экологического вреда, вызванного действием техногенных факторов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 56.

для грамотной ориентации в правовой системе, а также для формирования ответственного правосознания. Человек, обладающий знаниями о том, в каких случаях его действия или бездействие могут повлечь юридическую ответственность, оказывается в более защищенном положении: он способен и предотвратить причинение вреда другим лицам, и отстоять собственные права в случае их нарушения. Можно утверждать, что правовая осведомленность служит не только инструментом индивидуальной защиты, но и фактором, снижающим риск неосторожного причинения ущерба.

Вместе с тем определение того, какие именно действия или бездействие образуют юридически значимое основание для наступления деликтной ответственности, представляет собой непростую задачу. Сложность заключается в многообразии возможных причинно-следственных связей. Нередко вред возникает в результате сочетания нескольких факторов, а иногда под воздействием обстоятельств, не поддающихся предсказанию или контролю со стороны участников гражданского оборота, что ставит перед правоприменителем вопрос о том, в какой мере лицо должно нести ответственность, если вред наступил вследствие совокупности объективных и субъективных причин.

Дополнительную сложность вносит и несовершенство нормативного регулирования. Несмотря на то, что институту деликтных обязательств отведено значимое место в гражданском праве, действующее законодательство не всегда предоставляет четкие и исчерпывающие ответы на возникающие вопросы. В ряде случаев наблюдается неопределенность правовых норм, что порождает трудности в установлении объема прав и обязанностей сторон.

Проблематика правового регулирования деликтных обязательств носит комплексный характер, поскольку предполагает необходимость соблюдения баланса между двумя взаимосвязанными, но подчас противоречивыми целями: обеспечением эффективной защиты прав потерпевших и предупреждением злоупотреблений правом, а также избыточного ограничения свободы участников гражданского оборота¹. С одной

¹Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / отв. ред. И. О. Хлестова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: Инфра-М, 2017. С. 28.

стороны, государство должно гарантировать справедливое возмещение ущерба и восстановление нарушенных прав, с другой – избегать чрезмерного использования карательных функций, чтобы не создавать неоправданного давления на лиц, действия которых не носили явно противоправного характера.

Понятие «деликт» в ряде случаев имеет размытые очертания, оставляя пространство для различного толкования, что порождает трудности не только для граждан, которые стремятся понять, какие именно действия повлекут ответственность, но и для профессиональных участников процесса в лице юристов, судей, экспертов. На практике возникает необходимость детального анализа фактических обстоятельств и соотнесения их с нормами права, что повышает значимость судебной интерпретации и делает судебные прецеденты важным источником формирования правопорядка.

Не менее значима проблема адекватности средств правовой защиты. Компенсационные механизмы не всегда обеспечивают полное восстановление положения потерпевшего, что приводит к субъективному ощущению несправедливости и стимулирует рост количества исков о возмещении ущерба¹. Более того, даже при наличии судебного решения в пользу потерпевшего нередко возникают трудности при его фактическом исполнении. В подобных случаях требуется применение дополнительных мер государственного принуждения, что затягивает процесс восстановления нарушенных прав и повышает нагрузку на судебную и исполнительную систему.

Одним из центральных и вызывающих значительный научный интерес можно признать вопрос о концепции так называемой строгой ответственности (*strict liability*) в системе деликтного права. Суть данного института заключается в том, что лицо может быть привлечено к ответственности за причинение вреда, даже если оно не действовало умышленно или по неосторожности. Таким образом, вина в традиционном понимании не является необходимым условием наступления ответственности². Эта концепция служит предметом дискуссий в

¹ Сусликов В. Н. Обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования: монография. Новосибирск: СибАК, 2016. С. 14.

² Кузнецова Л. В. Спорные вопросы деликтной ответственности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сб. ст. Серия 7. Анализ современного права / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2010. С. 335.

отечественной и зарубежной доктрине. Одни исследователи настаивают на необходимости ее пересмотра или даже отмены, аргументируя это возможностью наступления несправедливых последствий для ответчика в случаях, если он предпринял все разумные меры для предотвращения ущерба. Другие, напротив, полагают, что строгая ответственность играет важную роль в обеспечении защиты потерпевших, перекладывая риск случайных убытков на лицо, деятельность которого связана с повышенной опасностью, тем самым стимулирует участников гражданского оборота к более тщательному соблюдению мер предосторожности.

Не менее острые споры продолжаются вокруг института карательных (штрафных) убытков¹. Эти меры направлены не только на компенсацию потерь потерпевшего, но и на наказание виновного за особо опасное, безрассудное или злонамеренное поведение, а также на предупреждение аналогичных правонарушений в будущем. При этом ученые расходятся во мнении о границах применения этих санкций: одни считают, что они должны быть назначены исключительно в случаях, если действия ответчика носят крайне опасный и социально неприемлемый характер; другие выступают за более широкое использование карательных убытков как способа укрепления принципа справедливости и повышения превентивного эффекта деликтного права.

В целом регулирование деликтных обязательств в гражданском праве сопряжено с множеством сложностей, требующих системного решения. С одной стороны, важно обеспечить потерпевшим возможность получить справедливую компенсацию, с другой – не допустить чрезмерного давления на ответчиков и злоупотреблений со стороны истцов. Особое значение в этой связи приобретает правовая грамотность граждан: знание своих прав и обязанностей в сфере деликтов позволяет им своевременно обращаться за защитой и возмещением ущерба, а также избегать действий, которые могут привести к непреднамеренному причинению вреда².

¹ Гинц Е. М. Деликтные обязательства и обязательства вследствие правомерного причинения вреда: общее и особенное // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 85.

² Кораев К. Б. К вопросу о правовой характеристике обязательств вследствие причинения вреда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 73.

Существенной практической проблемой остается определение субъекта, на которого должна быть возложена обязанность возмещения ущерба. Особенно сложными представляются дела, связанные с врачебной ошибкой или халатностью, при которых истцу необходимо доказать, что наступивший вред стал прямым следствием именно ненадлежащих действий медицинского персонала, а не обусловленным естественным развитием заболевания или иными независимыми обстоятельствами¹. Аналогичные трудности возникают и при установлении причинно-следственной связи в других категориях деликтных споров, в которых требуется показать, что конкретное действие или бездействие находилось в непосредственной причинной связи с наступившими неблагоприятными последствиями.

Дискуссионным является и вопрос о том, какие виды поведения следует считать противоправными и подлежащими санкциям. Так, в ряде правовых актов действует специальная защита работников, сообщающих о правонарушениях работодателя. Однако фактическая эффективность таких норм часто оказывается недостаточной: слабость санкций и ограниченные ресурсы контролирующих органов приводят к тому, что нарушения остаются без надлежащего реагирования, а пострадавшие не получают должной защиты. Отдельного внимания заслуживает проблема определения справедливого размера компенсации в случаях причинения вреда жизни и здоровью. В подобных делах суду приходится учитывать широкий круг факторов, от стоимости медицинской помощи и размера утраченного заработка до моральных страданий и снижения качества жизни. Практика разных юрисдикций может существенно различаться, что создает неопределенность для сторон процесса и осложняет выработку единых подходов к расчету возмещения.

С целью устранения выявленных недостатков в регулировании института деликтных обязательств целесообразно внести изменения в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). Так, ст. 1064 ГК РФ, посвященную общим положениям о деликтной ответственности, следует дополнить уточнением юридического определения «деликта» и конкретизацией перечня

¹ Золотарев А. П. Гражданско-правовая ответственность в России: понятие, основания, санкции: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 27.

действий и бездействия, образующих основания для привлечения к ответственности, включая ситуации, связанные с деятельностью повышенной опасности, например в сфере транспорта, медицинской практики или производства опасных веществ. Относительно ст. 1101 ГК РФ, регламентирующей компенсацию морального вреда, целесообразно ввести методику расчета возмещения, учитывающую материальные и нематериальные факторы, а также предложить ориентиры для определения размера компенсации в зависимости от характера и степени причиненного вреда. Кроме того, введение статьи о стандартах доказательства причинно-следственной связи, например ст. 1069.1 ГК РФ, помогло бы определить допустимые способы установления прямой связи между действием или бездействием и наступившими последствиями, включая ситуации совокупного воздействия нескольких факторов. Реализация предложенных изменений повысит предсказуемость судебной практики, обеспечит единообразие применения норм, усилит защиту прав потерпевших и позволит минимизировать риски необоснованного привлечения к ответственности. В итоге совершенствование правового регулирования деликтных обязательств будет способствовать более справедливому распределению рисков в гражданском обороте и укреплению правовой культуры участников правоотношений.

Таким образом, институт деликтной ответственности по-прежнему остается одной из наиболее динамично развивающихся и теоретически насыщенных областей гражданского права. Он требует постоянного совершенствования на уровнях нормативного регулирования и правоприменения, включая унификацию судебной практики и разработку более четких критериев для квалификации правонарушений и определения справедливого размера компенсации.

Библиографический список

1. Внедоговорные обязательства в международном частном праве: монография / отв. ред. И. О. Хлестова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: Инфра-М, 2017. 160 с.
2. Гинц Е. М. Деликтные обязательства и обязательства вследствие правомерного причинения вреда: общее и особенное // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 85–88.

3. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2018. 528 с.

4. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 2 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 895 с.

5. Гражданское право: учебник для вузов: в 3 ч. Ч. 2 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. М.: Эксмо, 2009. 704 с.

6. *Золотарев А. П.* Гражданско-правовая ответственность в России: понятие, основания, санкции: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 206 с.

7. *Ивановская Н. В.* Гражданско-правовая ответственность за причинение экологического вреда, вызванного действием техногенных факторов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 180 с.

8. *Кореев К. Б.* К вопросу о правовой характеристике обязательств вследствие причинения вреда // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 8. С. 73–77.

9. *Кузнецова А. В.* Спорные вопросы деликтной ответственности // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сб. ст. Серия 7. Анализ современного права / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2010. С. 334–373.

10. *Либанова С. Э.* Взыскание убытков: актуальные проблемы теории и практики: учеб. пособие. М.: Юрлитинформ, 2023. 212 с.

11. *Николюкин С. В.* Гражданское право. Особенная часть. Практикум. М.: Юрайт, 2023. 329 с.

12. *Разумовская Е. В.* Гражданское право: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 512 с.

13. *Смирнов В. Т., Собчак А. А.* Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учеб. пособие. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 152 с.

14. *Сусликов В. Н.* Обязательства вследствие причинения вреда жизни и здоровью: отдельные аспекты гражданско-правового регулирования: монография. Новосибирск: СибАК, 2016. 76 с.

15. *Суханов Е. А.* Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: БЕК, 2004. 785 с.

Раздел

**Наука и практика
стран СНГ**

УДК 347.4
ББК 67.404.3

А. А. Амангельды

профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Университета Кунаева,
доктор юридических наук
Казахстан, г. Алматы
aizhan_amangeldy@mail.ru

ПРАВОПРЕЕМСТВО В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

LEGAL SUCCESSION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY

В статье исследованы особенности института правопреемства применительно к сфере права интеллектуальной собственности. Анализ норм и теоретических положений о правопреемстве свидетельствует о том, что данный аспект недостаточно изучен в Казахстане. Это приводит к путанице и нечеткости в терминологии. Вследствие несовершенства законодательства, регулирующего отношения в сфере интеллектуальной собственности, возникают проблемы в правоприменительной деятельности. Автор проанализированы

различные подходы к понятию правопреемства, его классификации. Детально изучены такие аспекты права интеллектуальной собственности, как наследование исключительных прав, корректное применение понятийного аппарата, проблемы в законодательстве Республики Казахстан об авторском праве и смежных правах, договорное правопреемство в сфере интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: право интеллектуальной собственности, исключительные права, франчайзинг, передача, отчуждение, распоряжение, уступка, правопреемство, наследование.

This article is devoted to the study of the institute of legal succession in relation to the field of intellectual property law. An analysis of the norms and theoretical provisions on legal succession indicates that this aspect has not been studied sufficiently in Kazakhstan, which leads to confusion and ambiguity of terminology, due to imperfect legislation regulating relations in the field of intellectual property, problems arise in law enforcement. The article analyzes various approaches to the concept of legal succession and its classification. The article provides a detailed study on such aspects of intellectual property law as the inheritance of exclusive rights, the correct application of the conceptual framework, problems in the Law of the Republic of Kazakhstan on Copyright and Associated Rights, contractual legal succession in the field of intellectual property.

Keywords: intellectual property law, exclusive rights, franchising, transfer, alienation, disposition, assignment, legal succession, inheritance.

В теории гражданского права многие институты выступают предметом дискуссий и научного поиска обоснованных решений. Одним из таких является правопреемство. Значимость рассмотрения этого аспекта обусловлена не только неразрешенностью ряда вопросов в теории, но и возникающими на практике спорами¹. В настоящей статье

¹ Подробнее об этом см.: Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. С. 12; Ротань В. Г., Камышанский В. П. Методология рационального толкования положений гражданского законодательства на примере ст. 401 ГК РФ) // Власть Закона. 2025. № 2. С. 25; Камышанский В. П. О юридической сущности самовольной постройки: опыт логического толкования // Власть Закона. 2024. № 2. С. 16.

предпринята попытка сформулировать положения о правопреемстве в области интеллектуальной собственности. Постановка вопросов основана на том, что недостаточно изученным остается ряд аспектов права интеллектуальной собственности. Это можно объяснить существующими проблемами, а именно путаницей и нечеткостью в терминологии, несовершенством законодательства, регулирующего отношения в сфере интеллектуальной собственности¹. Анализ норм и теоретических положений о правопреемстве позволяет утверждать, что данный аспект изучен в Казахстане не в полной мере. Изложенное свидетельствует о том, что по-прежнему мало проведено исследований в области правопреемства, проблеме уделено незначительное внимание. Складывающаяся ситуация невольно порождает значительные трудности и для правоприменительной практики в вопросах использования в гражданском обороте результатов интеллектуальной деятельности и исключительных прав на них.

В юридической науке под правопреемством традиционно понимают переход прав и обязанностей. Одним из основоположников теории правопреемства признан Б. Б. Черепахин. Ученый полагал, что правопреемство есть переход субъективного права (в широком смысле – правовой обязанности) от одного лица (правоодателя) к другому (правопреемнику) в порядке производного правоприобретения (в соответствующих случаях – производного приобретения правовой обязанности)².

Изучая понятие правопреемства, нельзя не обратить внимания на исследования других ученых. По мнению Д. В. Носова, под правопреемством следует понимать свойство правоотношений, представляющее собой не связанное с личностью субъекта правоотношения и не запрещенное законодательством изменение субъектного состава правоотношения, при котором в порядке производного приобретения субъективных прав и (или) юридических обязанностей происходит их переход от одного лица (правопредшественника) к другому лицу (правопреемнику) в отношении одного и того же объекта правоотношения. Для

¹ Гражданское право: Часть третья: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: Эксмо, 2009. – (Российской юридическое образование). С. 11-78.

² Черепахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 311.

правопреемства характерно изменение субъекта правоотношения путем его замены другим субъектом, обладающим необходимым для участия в правоотношении объемом правоспособности, что влечет за собой изменение правоотношения¹.

По мнению М. А. Мирошниковой, «правопреемство» в гражданских правах как специальное юридическое понятие означает одновременное прекращение (изменение или обременение) права одного субъекта гражданского права (праводателя) и возникновение у другого субъекта (правоприобретателя) на основании одного и того же юридического факта (состава) права, тождественного (или более узкого) по содержанию и объему в отношении одного и того же блага². А. А. Тебряев утверждает, что применительно к институту правопреемства можно говорить только о субъективных правах конкретного индивида. Сами по себе они «переходить» к другому индивиду (правопреемнику) не могут, поскольку у него возникают «свои» субъективные права в порядке правопреемства. Вместе с тем субъективные права правопреемника вытекают из субъективных прав праводателя³. Эту же особенность выделяет Д. В. Носов в своих трудах⁴. Итак, в результате факта правопреемства содержание субъективного права не изменяется, а изменяется лишь субъект конкретного права.

Рассмотрим классификации правопреемства. Заслуживает внимания классификация, предусматривающая правопреемство транзитивное и конститутивное.

Б. Б. Черепакин считал, что «новое» правоотношение «возникает» потому, что существовало первоначальное правоотношение. Именно поэтому такое правопреемство называют «транслятивным», то есть переносящим права и обязанности⁵. По мнению ученого, конститутивное правоприобретение не является правопреемством в точном смысле, его роднит с правопреемством производный характер

¹ Носов Д. В. Правопреемство (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 8.

² Мирошникова М. А. Сингулярное правопреемство в авторских правах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 22.

³ Тебряев А. А. О понятии «правопреемство» как категории гражданского права // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2010. № 3. С. 254.

⁴ Носов Д. В. Правопреемство в российском праве: монография. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. С. 38.

⁵ Черепакин Б. Б. Указ. соч. С. 311.

правоприобретения, а отличается от подлинного правопреемства отсутствием перехода права от праводателя к правопреемнику. Конститутивное правоприобретение не является изменением субъектного состава правоотношения и в этом смысле не является преемством в праве¹.

М. К. Сулейменов пишет о том, что транслятивное (транзитивное) правопреемство – это такое правопреемство, при котором правообладатель (ауктор) передает права и/или обязанности правопреемнику (сукцессору), а сам выбывает из правоотношения. Классическими примерами служат наследование или перемена лиц в обязательстве. Конститутивное правопреемство – это такой вид правопреемства, при котором правообладатель (ауктор) передает только часть своих прав и/или обязанностей правопреемнику (сукцессору), но сам не выбывает из правоотношения, оставляя за собой часть прав и/или обязанностей².

Классификацию правопреемства в юридической литературе можно представить в следующем виде.

1. В зависимости от количества правоотношений, в которых может быть заменен субъект при правопреемстве, выделяют сингулярное правопреемство (субъект заменен в одном правоотношении или нескольких на основании одного юридического факта или состава юридических фактов) и универсальное правопреемство (субъект заменен во всех правоотношениях, в которых участвует, на основании одного юридического факта или состава юридических фактов).

2. В зависимости от наличия воли субъекта на изменение правоотношения путем замены этого субъекта целесообразно выделять волевое преемство и правопреемство при отсутствии воли праводателя («принудительное правопреемство»). Особый акцент сделан на том, что в частном праве существует так называемое принудительное правопреемство, осуществляемое при отсутствии воли правопредшественника.

3. В зависимости от вида субъекта-правопредшественника, участвовавшего в правоотношении, целесообразно выделять

¹ Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 320.

² Сулейменов М. К. Правопреемство в гражданском праве: монография. Алматы: НИИ частного права Каспийского общественного университета, Казахстанский Международный арбитраж, 2023. С. 52.

правопреемство индивидуальных субъектов правоотношения и правопреемство коллективных субъектов правоотношений.

4. В зависимости от основания для деления отраслей права на материальные и процессуальные в теории права следует различать материальное правопреемство и процессуальное правопреемство¹.

Универсальное и сингулярное правопреемство выделял и Б. Б. Черпахин². Это не единственная классификация преемства в теории права. Различают преемство по видам. В литературе отражено деление обязательств, в зависимости от оснований преемства, на договорные и внедоговорные³.

Проанализируем понятие правопреемства применительно к праву интеллектуальной собственности. В этой отрасли права существует два вида: имущественные (то есть исключительные) и личные неимущественные права.

Личные неимущественные права на результаты интеллектуальной творческой деятельности не предоставляются, не передаются, не переходят, не отчуждаются; они принадлежат только физическому лицу, творческим трудом которого создан тот или иной объект (автору, изобретателю, селекционеру). Иными словами, эти права необоротоспособны в соответствии со ст. 963 Гражданского кодекса Республики Казахстан (ГК РК). Этим, возможно, характеризуются личные неимущественные права и являются абсолютными. Хотя личные неимущественные права не переходят по наследству, но правопреемники осуществляют охрану, защиту личных неимущественных прав на объекты интеллектуальной собственности.

В процессе преемства исключительных прав существует множество особенностей. Стоит обратить внимание на то, что, по законодательству РК, передача исключительных прав возможна и полностью, и частично. У каждого объекта интеллектуальной собственности предусмотрен свой объем правомочий, составляющих исключительное право на них. В случае договора передачи (отчуждения) может происходить полная или частичная

¹ Носов Д. В. Правопреемство (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 9.

² Черпахин Б. Б. Указ. соч. С. 322.

³ Корнихин С. В. Преемство в исключительных правах по российскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 21.

передача правомочий исключительного права. Согласно лицензионному договору, могут быть предоставлены правомочия в полном объеме или часть правомочий исключительного права. В зависимости от этого различают виды лицензионных договоров. Попытаемся раскрыть суть понятий «предоставление», «передача», «переход» по отношению к исключительным правам на объекты интеллектуальной собственности.

Предлагаем исследовать положения ГК РК и специального законодательства в сфере интеллектуальной собственности комплексно. В соответствии с п. 1 ст. 965 ГК РК исключительные права на объект интеллектуальной собственности, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными законодательными актами, могут быть переданы их правообладателем полностью или частично по договору другому лицу, а также переходят в порядке универсального правопреемства по наследству и в результате реорганизации юридического лица (правообладателя)¹.

Согласно п. 1 ст. 30 Закона РК от 10 июня 1996 г. № 6-І «Об авторском праве и смежных правах» (далее – ЗоАП РК) авторские права передаются по авторским договорам и в порядке наследования². В соответствии с п. 1 ст. 31 ЗоАП РК имущественные права автора, указанные в ст. 16 Закона, могут быть уступлены полностью или частично, а также могут быть переданы для использования по авторскому договору о передаче исключительных прав или по авторскому договору о передаче неисключительных прав³.

Согласно п. 1 ст. 11-1 Патентного закона РК от 16 июля 1999 г. № 427-І (далее – Патентный закон РК) патентообладатель вправе передать принадлежащее ему исключительное право на

¹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть): закон Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880&sub_id=9650000&pos=4509;-37#pos=4509;-37 (дата обращения: 05.09.2025).

² Об авторском праве и смежных правах: закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798&pos=486;-56#pos=486;-56 (дата обращения: 05.09.2025).

³ Об авторском праве и смежных правах: закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798&pos=486;-56#pos=486;-56 (дата обращения: 05.09.2025).

объект промышленной собственности другому физическому или юридическому лицу по договору уступки¹. Предоставление права на использование объекта промышленной собственности происходит на основе лицензионного договора. С учетом ст. 16 Закона РК от 13 июля 1999 г. № 422-І «Об охране селекционных достижений» (далее – Закон РК о селекционных достижениях) право на подачу заявки и получение патента на селекционное достижение, исключительное право на использование селекционного достижения, а также на вознаграждение и доходы от его использования переходят по наследству или в порядке правопреемства². Из содержания ст. 18 Закона РК о селекционных достижениях следует, что право на использование селекционного достижения предоставляют на основе лицензионного договора. Согласно ст. 8 Закона РК от 29 июня 2001 г. № 217-ІІ «О правовой охране топологий интегральных микросхем» (далее – Закон РК о правовой охране топологий интегральных микросхем) исключительное право на топологию может быть передано полностью или частично другому лицу по договору, а также переходит в порядке универсального правопреемства по наследству и в результате реорганизации юридического лица – правообладателя. По лицензионному договору правообладатель (лицензиар) предоставляет другой стороне (лицензиату) право временно использовать топологию определенным способом³. В соответствии с п. 1 ст. 21 Закона РК от 26 июля 1999 г. № 456-І «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров» (далее – Закон РК о товарных знаках) исключительное право на товарный знак в отношении всех товаров (услуг) либо их части может быть передано по договору уступки. Передача исключительного права

¹ Патентный закон Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. № 427-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991&pos=278;-64#pos=278;-64 (дата обращения: 05.09.2025).

² Об охране селекционных достижений: закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 422-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014046&pos=345;-20#pos=345 (дата обращения: 05.09.2025).

³ О правовой охране топологий интегральных микросхем: закон Республики Казахстан от 29 июня 2001 г. № 217-ІІ // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023841&pos=97;-29#pos=97;-29 (дата обращения: 05.09.2025).

на товарный знак не допускается, если она может служить причиной введения в заблуждение относительно товара или его изготовителя¹.

На основе вышеприведенных положений можно заключить, что в законодательстве РК нет единого подхода к понятиям «представление», «передача», «переход».

Согласно п. 1 ст. 11-1 Патентного закона РК патентообладатель вправе передать принадлежащее ему исключительное право на объект промышленной собственности другому физическому или юридическому лицу по договору уступки². В п. 1 ст. 21 Закона РК о товарных знаках речь идет о том, что исключительное право на товарный знак в отношении всех товаров (услуг) либо их части может быть передано по договору уступки. Передача исключительного права на товарный знак не допускается, если она может служить причиной введения в заблуждение относительно товара или его изготовителя³.

Для полноты понимания правопреемства исключительных прав рассмотрим термины «передача», «переход», «предоставление». Под *передачей* следует понимать смену правообладателя полностью или частично, то есть отчуждение исключительных прав на основе договора уступки или иного смешанного договора, по которому происходит смена правообладателя полностью или частично. *Переход* означает и в теории гражданского права, и законодательстве наследование прав, в том числе исключительного права. *Предоставление* исключительных прав осуществляется посредством договора.

В сфере правопреемства имущественных исключительных прав принято говорить о наследовании и договорах. Специфика

¹ О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров: закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. № 456-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014203&sub_id=250000&pos=530;-55#pos=530;-55 (дата обращения: 05.09.2025).

² Патентный закон Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. № 427-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991&sub_id=11010000&pos=332;-38#pos=332;-38 (дата обращения: 05.09.2025).

³ О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров: закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. № 456-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014203&pos=482;-37#pos=482;-37 (дата обращения: 05.09.2025).

имущественных исключительных прав состоит в том, что они срочны, поэтому они переходят по наследству или передаются (предоставляются) по договору на оставшийся срок. Возникает вопрос. Это частичное правопреемство, так как ограничено сроком, наследование или договор? Термин «правопреемник» намного шире, чем термин «наследник». Правопреемником можно быть и по договору. В Патентном законе РК упоминается только термин «правопреемник» (ст. 10, 34-1), а в ЗоАП РК, Законе РК о товарных знаках, Законе РК о селекционных достижениях, Законе РК о правовой охране топологий интегральных микросхем использованы оба термина («наследник» и «правопреемник»).

Г. Ф. Шершеневич утверждал, что наследование представляет собой общее преемство. Оно является одновременным переходом всего комплекса, а не только суммы юридических отношений. Даже переход с одного лица на другое совокупности отношений, в которых состояло первое, хотя и объединенных единством цели, но все же не исчерпывающих всей массы отношений, в которых оно находилось, например при отчуждении предприятия, не будет наследованием. Поэтому, если место умершего занимает не одно, а несколько лиц, то каждое из них вступает в каждое отношение только в известной доле имущественной ценности¹.

В юридической литературе отражена мысль о том, что переход имущества умершего гражданина в порядке правопреемства к другим лицам означает, что в сохраняющихся правоотношениях происходит замена субъекта прав имуществом, при этом права и обязанности правопреемника (наследника) юридически зависят от прав и обязанностей правопреемника (наследодателя)². Следовательно, предоставление и передача исключительных прав означают договорные способы оборотоспособности, а переход исключительного права может означать смену правообладателя по сделке (завещание) или по закону (при отсутствии завещания).

С. А. Судариков пишет о том, что в законодательстве не всегда сделана очевидная оговорка относительно того, что исключительное право может переходить по наследству или в

¹ Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 330–331.

² Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству: учеб. пособие / отв. ред. Л. А. Новоселова. М.: Проспект, 2017. С. 14.

порядке правопреемства только в случае, если оно не передано иным лицам по договору исключительным образом. Без такой оговорки заявленный переход исключительного права по наследству или в порядке правопреемства, по существу, нарушает условия договоров, на основании которых исключительное право передано в полном объеме¹. Полагаем, что в этих случаях стоит учитывать положения п. 1 ст. 965 ГК РК, как и при отчуждении исключительных прав полностью или частично. Такие права не могут входить в наследственную массу.

Исследовательский интерес вызывает тот факт, что в форме договора дарения осуществляется на безвозмездной основе передача исключительного права на объект права интеллектуальной собственности. Согласно ст. 515 ГК РК права одаряемого, которому по договору дарения обещан дар, не переходят к его наследникам (правопреемникам), если иное не предусмотрено договором дарения, а обязанности дарителя, обещавшего дарение, переходят к его наследникам (правопреемникам), если иное не предусмотрено договором дарения. Иными словами, обязанности дарителя-правообладателя исключительного права по безвозмездному отчуждению исключительного права переходят к правопреемникам-наследникам, а права получения исключительного права не переходят к наследникам (правопреемникам) одаряемого. При наследовании исключительных прав необходимо учитывать особенности видов исключительных прав: авторских, патентных прав, прав на средства индивидуализации и др.

В соответствии с п. 14 ст. 11 Патентного закона РК охраняемый документ на объект промышленной собственности и (или) право на его получение переходят по наследству либо в порядке правопреемства². Это означает, что в случае подачи заявки заявителем на получение охранного документа, который скончался на стадии проведения экспертизы, права на получение охранного документа получают наследники. Закон РК о товарных знаках прямо не предусматривает возможности наследования исключительных прав на товарный знак наследниками

¹ Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2010. С. 270.

² Патентный закон Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. № 427-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991&pos=313;-30#pos=313;-30 (дата обращения: 05.09.2025).

индивидуального предпринимателя, поскольку такая вероятность существует. Ст. 22 Закона РК о товарных знаках гласит о том, что при разделении юридического лица право на товарный знак переходит к вновь возникшему юридическому лицу, к которому переходит производство товаров или услуг. В случае сохранения у каждого из вновь возникших юридических лиц части производства товаров или услуг, для которых зарегистрирован товарный знак, новые юридические лица будут признаны совладельцами товарного знака при их согласии¹. Акцент сделан только на разделении как формы реорганизации как универсального правопреемства. Предполагаем, что при остальных формах реорганизации правопреемник всегда очевиден, за исключением выделения. При данной форме реорганизации не вполне понятно, кто будет правообладателем исключительных прав на товарный знак.

Вызывают научный интерес и такие институты, как право доступа и право следования. В соответствии с п. 1 ст. 17 ЗоАП РК автор произведения изобразительного искусства вправе требовать от собственника произведения предоставления возможности осуществления права на воспроизведение своего произведения (право доступа). От собственника произведения нельзя требовать доставки произведения автору².

С. А. Судариков пишет, что введение права доступа происходит в интересах автора, который мог продать собственное произведение изобразительного искусства без договора и без документа, подтверждающего такую сделку. Продажа товара, в котором воплощено произведение изобразительного искусства, не означает перехода исключительного права к собственнику товара. Вместе с тем автор лишен возможности требовать обеспечения своего исключительного права, поскольку его авторство на воплощенное в товаре произведение трудно установить. Именно

¹ О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров: закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. № 456-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014203&sub_id=220000&pos=519;-32#pos=519;-32 (дата обращения: 05.09.2025).

² Об авторском праве и смежных правах: закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798&sub_id=170000&pos=381;-49#pos=381;-49 (дата обращения: 05.09.2025).

по этой причине многие страны отказываются от введения права доступа¹.

М. А. Мирошникова полагает, что право доступа является имущественным, поскольку связано с удовлетворением имущественных интересов автора. Осуществление права доступа, выраженное в воспроизведении произведения изобразительного искусства, дает автору неограниченные возможности коммерческого использования такого произведения путем дальнейшего воспроизведения и распространения². Д. В. Подносков считает, что право доступа по своей правовой природе является личным правомочием автора³.

По мнению В. А. Зимина, право доступа представляет собой только личное неимущественное правомочие, так как оно действует в течение жизни автора соответствующего произведения, не переходит по наследству и не направлено на обязательное получение дохода⁴. Согласимся с утверждением о том, что право доступа является личным неимущественным правом автора, поскольку предполагает право требовать от собственника произведения предоставления возможности осуществления права на воспроизведение своего произведения, но не право на воспроизведение, являющееся исключительным правом. Соответственно, принадлежит только автору и не является отчуждаемым.

Дискуссии о природе права следования тоже продолжаются. Пункт 2 ст. 17 ЗоАП РК гласит о том, что в каждом случае публичной (через аукцион, галерею изобразительного искусства, художественный салон, магазин и т. д.) перепродажи оригинала произведения изобразительного искусства, после первого отчуждения права собственности на такое произведение, автор или его наследники имеют право на получение от продавца вознаграждения в размере пяти процентов от перепродажной цены (право следования). Указанное право является неотчуждаемым при жизни автора и переходит исключительно к

¹ Судариков С. А. Указ. соч. С. 131.

² Мирошникова М. А. Указ. соч. С. 90.

³ Подносков Д. В. Право следования и право доступа в российском авторском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 15.

⁴ Зимин В. А. Право следования и право доступа по российскому законодательству о правовой охране интеллектуальной собственности // Политика, государство и право: электрон. журнал. 2012. № 5. URL: <https://politika.snauka.ru/2012/05/342> (дата обращения: 05.09.2025).

наследникам автора по закону или завещанию на срок действия авторского права¹. С точки зрения М. А. Мирошниковой, основное функциональное назначение права следования – защита имущественных интересов авторов произведений изобразительного искусства, в частности начинающих художников. В начале творческого пути они продают за бесценок созданные ими произведения, которые впоследствии, по мере приобретения авторами известности, перепродаются по несоизмеримо большей цене. Закрепление данного права объясняется спецификой таких объектов авторского права, как произведение искусства, идеальная форма которых неразрывно связана с материальной². Не все ученые разделяют изложенную точку зрения. С. А. Судариков усматривает в праве следования элементы и личного неимущественного права, и исключительного³.

К примеру, А. М. Семиволкова относит право следования к особой форме личных имущественных прав в составе интеллектуальных прав. Право следования – это, хотя и в основе своей имущественное, но не абсолютно имущественное право, а более сложное по структуре и природе право, включающее в себя и элемент личного неимущественного права⁴.

Исходя из содержания п. 2 ст. 17 ЗоАП РК, становится понятным, что право следования обладает особенностями, является имущественным по характеру правом, имеющим особые признаки, в отличие от остальных исключительных прав. Эти признаки выражены в следующем: объектом данного права выступают только произведения искусства, оно неотчуждаемо, что делает его схожим с личными неимущественными правами. Отличает его от последних то, что право следования имеет имущественный характер, может переходить и по наследству, закону, и по завещанию, является срочным, ограниченным ввиду срока действия исключительных прав.

Рассмотрим договорное правопреемство исключительных прав. Как утверждал Б. Б. Черепяхин, именно к договорам

¹ Об авторском праве и смежных правах: закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798&sub_id=170000&pos=381;-49#pos=381;-49 (дата обращения: 05.09.2025).

² *Мирошникова М. А.* Указ. соч. С. 85.

³ *Судариков С. А.* Указ. соч. С. 130.

⁴ *Семиволкова А. М.* Правовая природа и содержание права следования // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 3. С. 70.

отнесены основные отчуждательные сделки: купля-продажа, поставка, мена и дарение. В результате этих сделок происходит изменение активного субъекта правоотношения собственности или права оперативного управления, то есть правопреемство¹.

В частности, С. В. Скрябин анализирует вопросы правопреемства в случае договора продажи предприятия. На примерах из судебной практики автор аргументирует свой вывод о том, что продажа предприятия, согласно такому договору, является собой случай частного (сингулярного) правопреемства, покупателю переходит только комплекс имущественных прав и обязанностей, который поименован в договоре купли-продажи. Рассматривая случай из практики суда, автор заключает, что судебной инстанцией сформулирована презумпция полного перехода прав и обязанностей предприятия как имущественного комплекса в договоре купли-продажи предприятия, то есть наблюдается случай универсального правопреемства². Таким образом, правопреемство может быть договорным, при котором переход прав и обязанностей основан на соглашении сторон, и преемство может быть как универсальным, так и сингулярным, в зависимости от условий договора.

Согласно ст. 966 ГК РК, по лицензионному договору, сторона, обладающая исключительным правом на результат интеллектуальной творческой деятельности или на средство индивидуализации (лицензиар), предоставляет другой стороне (лицензиату) право временно использовать соответствующий объект интеллектуальной собственности определенным способом³. Ввиду подп. 5 ст. 1 ЗоАП авторский договор – это договор, предметом которого служит передача имущественных прав на использование одного или более объектов авторского права.

¹ Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 330.

² Скрябин С. В. Некоторые проблемы правопреемства в договоре продажи предприятия // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30008048&pos=63;-35#pos=63;-35 (дата обращения: 05.09.2025).

³ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть): закон Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880&sub_id=9650000&pos=4509;-37#pos=4509;-37 (дата обращения: 05.09.2025).

Авторский договор является разновидностью лицензионного договора¹.

Авторский договор – договор об использовании произведения науки, литературы и искусства, заключаемый соавтором или его правопреемниками, в результате которого за вознаграждение передают или предоставляют исключительные права на произведения, передача которых не запрещена законодательством. Неоднократно нами обращено внимание на путаницу, допущенную в ЗоАП РК. Неоднозначная ситуация прослеживается в том, что если авторский договор относится к разновидности лицензионного договора, то нужно использовать термин «предоставление». Однако законодателем в ЗоАП РК не учтены изменения, предусмотренные Законом РК от 20 июня 2018 г. № 161-VI-ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности» (далее – Закон РК об изменениях от 20 июня 2018 г.). В этой связи считаем необходимым внесение корректировок в положения ЗоАП РК относительно понятия авторского договора. В свою очередь, термин «передача» в ЗоАП РК следует применять к договору об уступке, то есть отчуждении исключительного права, при котором происходит смена правообладателя исключительных прав полностью или частично.

Специфика исключительных прав состоит в их содержании. Содержание правомочий исключительных прав зависит от объекта интеллектуальной собственности. Следовательно, сущность и содержание исключительного права (объем правомочий) на тот или иной объект интеллектуальной собственности напрямую влияют на условия договора, сделки, в соответствии с которыми исключительные права предоставляются, передаются или переходят.

Согласно ст. 964, 965 ГК РК передать, предоставить или осуществить переход возможно полностью или частично. Это также свидетельствует о специфике оборотоспособности исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности.

¹ Об авторском праве и смежных правах: закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 г. № 6-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798&pos=83;58#pos=83;58 (дата обращения: 05.09.2025).

Становится очевидным, что применительно к правопреемству термин «переход» означает универсальное правопреемство, осуществляемое в порядке наследования, а термины «передача» и «предоставление» подразумевают договорное правопреемство. И, чтобы верно применять термины «отчуждение», «предоставление», «передача», стоит учитывать природу исключительного права, которое для этого и выделено в отдельную категорию имущественных прав в теории гражданского права, в ГК РК.

Еще одной особенностью, подчеркивающей особый характер имущественных прав на объекты интеллектуальной собственности, доказывающей приведенную нами позицию, является то, что принудительный вид правопреемства может осуществляться на основании принудительной лицензии, посредством заключения лицензионного договора через суд. Этот институт закреплён в Патентном законе РК (ст. 11)¹. Следовательно, сингулярное правопреемство может быть и принудительным.

Однако как толковать в таком случае положение п. 1 ст. 965 ГК о том, что исключительные права на объект интеллектуальной собственности, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом или иными законодательными актами, могут быть переданы их правообладателем *полностью или частично* по договору другому лицу?² При отчуждении исключительных прав появляется новый субъект, но при передаче исключительных прав полностью, а при частичной передаче часть правомочий за отчуждателем сохраняется. В соответствии с лицензионным договором исключительное право может быть предоставлено полностью, или возможно предоставление части правомочий.

При изучении проблемы применения договора купли-продажи к договору об отчуждении интерес представляет положения, внесенные Законом РК об изменениях от 20 июня 2018 г., о том, что условия договора передачи исключительных прав или

¹ Патентный закон Республики Казахстан: закон Республики Казахстан от 16 июля 1999 г. № 427-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013991&pos=313;-30#pos=313;-30 (дата обращения: 05.09.2025).

² Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть): закон Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880&pos=4570;-46#pos=4570;-46 (дата обращения: 05.09.2025).

лицензионного договора могут быть условиями иных договоров. В частности, в ст. 18 Закона РК о селекционных достижениях, по аналогии с ГК РК, введен термин «предоставление права использования селекционного достижения», означающий заключение лицензионного договора, договора комплексной предпринимательской лицензии *или иного договора* с лицензиаром, включающего в себя условия лицензионного договора. Из этого следует, что предоставление права на использование селекционного достижения будет возможным не только путем заключения договоров, закрепленных специальным законодательством РК, но и посредством заключения других соглашений, например в виде смешанного договора в форме договора подряда, аренды, оказания услуг и т. д. То есть расширено применение условий лицензионного договора в иных договорных типах, что расширяет возможности предоставления прав на использование селекционных достижений посредством заключения разных договоров. Ранее (до 20 июня 2018 г.) это было возможным лишь при заключении лицензионных договоров.

Такие изменения внесены и в п. 1 ст. 14 Патентного закона РК, в соответствии с которым любое лицо, не являющееся патентообладателем (лицензиат), вправе использовать охраняемый объект промышленной собственности с разрешения патентообладателя (лицензиар) на основе лицензионного договора, договора комплексной предпринимательской лицензии *или иного договора* с лицензиаром, включающего в себя условия лицензионного договора (лицензионный договор). Изложенное означает, что предоставление исключительных прав может осуществляться на основании лицензионного договора, договора комплексной предпринимательской лицензии *или иного договора*.

Специфика правопреемства прослеживается в договоре франчайзинга, или договоре комплексной предпринимательской лицензии. Договорные способы оборотоспособности и переход исключительного права также между собой взаимодействуют. Согласно п. 2 ст. 909 ГК РК в случае смерти лицензиара-гражданина его права и обязанности, по договору комплексной предпринимательской лицензии, переходят к наследнику при условии, что последний зарегистрирован или в течение шести месяцев со дня открытия наследства регистрируется в качестве предпринимателя. В ином случае договор прекращается. Управление лицензионным комплексом в период до принятия

наследником соответствующих прав и обязанностей или до регистрации наследника в качестве предпринимателя осуществляется доверительным управляющим, назначаемым нотариусом в установленном порядке¹.

Таким образом, положения ст. 909 ГК РК предусматривают возможность наследования прав и обязанностей лицензиара по договору франчайзинга. Обязательным условием служит соблюдение порядка оформления наследственных прав. На наш взгляд, целесообразно внести изменения и дополнения в заключенный договор в связи со сменой франчайзера.

Защита законных интересов комплексного лицензиата – значимый пункт любого соглашения. Поэтому в договоре франчайзинга рекомендуется предусматривать порядок исполнения прав и обязанностей сторон такого соглашения в случае смерти комплексного лицензиара. Однако даже последовательное включение положений в договор создает риски для франчайзера, наследники могут действовать или бездействовать недобросовестно, или вступить в спор по вопросам имущественного характера, что потенциально может негативно отразиться на бизнесе лицензиата. Переход исключительного права может повлиять на действие договора в аспекте отсутствия статуса предпринимателя у правопреемника – правообладателя исключительного права.

Договор уступки исключительных прав следует признать договором, по которому происходит отчуждение исключительных прав, поскольку фактически изменено лицо правообладателя. При этом отчуждать исключительные права может не только автор, но и последующие правообладатели. Законом РК об изменениях от 20 июня 2018 г. № 161-VI-ЗРК дополнена ст. 11-1 Патентного закона РК, в п. 1 которой содержится положение о том, что патентообладатель вправе передать принадлежащее ему исключительное право на объект промышленной собственности другому физическому или юридическому лицу по договору уступки².

¹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть): закон Республики Казахстан от 1 июля 1999 г. № 409-І // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1013880&pos=4180;-53#pos=4180;-53 (дата обращения: 05.09.2025).

² О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере интеллектуальной собственности: закон Республики Казахстан от 20 июня 2018 г.

Согласно п. 1 ст. 21 Закона РК о товарных знаках исключительное право на товарный знак в отношении всех товаров (услуг) либо их части может быть передано по договору уступки. Но установлено ограничение о том, что передача исключительного права на товарный знак не допускается, если она может служить причиной введения в заблуждение относительно товара или его изготовителя¹. В соответствии с п. 1 ст. 20-1 Закона об охране селекционных достижений патентообладатель вправе передать принадлежащее ему исключительное право на селекционное достижение другому физическому или юридическому лицу по договору уступки². Пункт 3 ст. 7 Закона РК о правовой охране топологий интегральных микросхем гласит о том, что порядок пользования исключительным правом, принадлежащим нескольким авторам топологии или иным правообладателям, определяется договором между ними. При отсутствии такого договора каждый из них может использовать охраняемую топологию по своему усмотрению, но не вправе предоставить на нее лицензию или уступить исключительное право другому лицу без согласия остальных правообладателей³.

Однако изменения и дополнения Закона РК от 20 июня 2018 г. № 161-VI-ЗРК не нашли отражения в ст. 31 ЗоАП РК. В итоге произошла путаница в отношении терминов. После введения в действие Закона РК от 20 июня 2018 г. № 161-VI-ЗРК «уступка» и «передача» – один и тот же термин, представленный в Патентном законе РК, Законе РК о товарных знаках, Законе РК о селекционных достижениях, Законе РК о правовой охране топологий интегральных микросхем, в соответствии с которыми

№ 161-VI-ЗРК // Adilet: информ. система. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000161#z400> (дата обращения: 05.09.2025).

¹ О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров: закон Республики Казахстан от 26 июля 1999 г. № 456-I // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014203&sub_id=210000&pos=483 (дата обращения: 05.09.2025).

² Об охране селекционных достижений: закон Республики Казахстан от 13 июля 1999 г. № 422-I // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1014046&sub_id=20010000&pos=389 (дата обращения: 05.09.2025).

³ О правовой охране топологий интегральных микросхем: закон Республики Казахстан от 29 июня 2001 г. № 217-II // Параграф: информ. система. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1023841&sub_id=70000&pos=96 (дата обращения: 05.09.2025).

происходит передача исключительных прав полностью или частично.

На основании договора уступки отчуждается исключительное право полностью или частично, а в случае лицензионного договора выдают разрешение использовать правомочия, указанные в ст. 16 ЗоАП РК. И содержание этой ст. 16 имеет существенное значение для ст. 31 ЗоАП РК, поскольку именно в ст. 16 исследуемого закона перечислены правомочия исключительного авторского права, которые могут быть переданы, то есть отчуждены, уступлены либо предоставлены полностью или частично.

Авторский лицензионный договор – это договор об использовании произведений науки, литературы и искусства, заключаемый автором или его правопреемниками, в результате которого за вознаграждение предоставлены права на произведения, передача которых не запрещена законом. В качестве существенных условий авторского договора должны быть рассмотрены условия применительно к объекту авторского (смежного) права. С учетом этого предлагаем внести соответствующее изменение в ст. 32 ЗоАП РК.

ЗоАП РК различает авторский договор о передаче исключительных прав и авторский договор об уступке исключительных прав, с помощью которого оформляют уступку имущественных прав между автором и лицом, которому они уступаются. В данном случае следует понимать, что авторский договор о передаче исключительных прав относится к типу договоров о предоставлении использования исключительных прав, а авторский договор об уступке исключительных прав – к договорам об отчуждении исключительных прав¹.

Относительно передачи исключительных прав на товарный знак следует уточнить, что, согласно Закону РК о товарных знаках, исключительное право можно передать с момента регистрации или с момента подачи заявки. Право, хотя в Законе РК о товарных знаках написано слово «регистрация», возникает с момента подачи заявки. Данная мера предусмотрена с целью сокращения срока монополии исключительного права на товарные знаки. Юридически исключительное право возникает после внесения в

¹ Амангельды А. А. Право интеллектуальной собственности Республики Казахстан на современном этапе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 154.

реестр товарных знаков, на момент подачи заявки на товарный знак происходит уступка права на получение охранного документа (свидетельства), а после регистрации – уступка исключительного права, так как оно подтверждается регистрацией и выдачей охранного документа.

Вместе с тем нами предложено установить соотношение понятий «цессия» и «уступка» исключительных прав. Исходя из приведенных ранее в статье положений действующего законодательства РК в аспекте договора уступки, становится очевидным, что посредством заключения договора происходит отчуждение, то есть безвозвратная утрата правообладателем исключительных прав на тот или иной объект интеллектуальной собственности, а значит, происходит смена статуса правообладателя.

Относительно цессии дополним, что в соответствии с п. 1 ст. 339 ГК РК право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка права требования) или перейти к другому лицу на основании законодательного акта¹. Согласие должника не требуется, если это не предусмотрено законодательными актами или договором.

Б. Б. Черепяхин утверждал, что институт уступки требования служит примером преемства в праве требования, а институт перевода долга – примером преемства в долге, в обязанности². Следовательно, договор уступки исключительных прав с цессией ничего общего не имеет: по первому – отчуждаются исключительные права, происходит смена правообладателя исключительных прав; по второму – происходит перемена лиц в обязательстве.

В казахстанской литературе отражено мнение о том, что такое право может быть основано на других правоотношениях, в частности отношениях интеллектуальной собственности³. Уступка требования (цессия) есть договор между первоначальным

¹ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный): в 2 кн. Кн. 1. 3-е изд., перераб., доп., с использованием судебной практики / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2007. С. 28.

² Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 322.

³ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть). Комментарий (постатейный): в 2 кн. Кн. 1. 3-е изд., перераб., доп., с использованием судебной практики / отв. ред. М. К. Сулейменов. Алматы, 2007. С. 320.

кредитором (цедентом) и новым кредитором (цессионарием)¹. В процессе анализа этого утверждения возникает противоречие. Данное требование может быть основано на отношениях интеллектуальной собственности, если уступает такое право первоначальный кредитор. Это и есть цессия. Значит, речь идет об обязательстве, по которому кредитор уступает свое требование третьему лицу (новому кредитору), и тем самым происходит замена кредитора. При договоре уступки исключительных прав речь не идет о каком-либо первоначальном обязательстве, по которому кредитор уступает исключительные права. В этом договорном обязательстве правообладатель продает свое исключительное право (полностью или частично) приобретателю, и в результате происходит отчуждение исключительного права. Из указанного вытекает, что цессия и договор уступки исключительных прав – разные по содержанию обязательства².

Можно сделать вывод о том, законодателем в ЗоАП РК 1996 г. не учтены положения Патентного закона РК, а также значения понятий уступки и передачи, согласно Закону РК об изменениях от 20 июня 2018 г. Это единые термины, и речь идет об отчуждении полностью или частично; неисключительного права в природе не существует, а существует неисключительная лицензия.

В сфере промышленной собственности могут быть заключены договоры, по которым еще не возникло имущественного исключительного права. Например, договоры уступки прав заявителя до выдачи охранного документа. В частности, заявитель подал заявку на получение патента на изобретение (селекционное достижение) или заявку на получение свидетельства на товарный знак (наименование места происхождения товара), но не получил еще охранный документ, и появляется риск того, что могут отказать выдать патент или свидетельство. Возникает ряд вопросов. Можно ли эти договоры отнести к правопреемству? Если можно, что передают при этом, какие права? И в случае отказа выдачи охранного документа кому

¹ Там же. С. 320.

² См.: Амангельды А. А. Указ. соч. С. 15; Амангельды А. А. Проблемы права интеллектуальной собственности Республики Казахстан на современном этапе: монография. Алматы: Интерлигал, 2015. С. 296–297, 332–333; Амангельды А. А. Оборотоспособность прав в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. № 1. С. 72.

предъявлять претензии: первоначальному заявителю или экспертной организации?

Таким образом, правопреемство исключительных прав имеет отличительные особенности, что можно объяснить природой исключительных прав и положениями законодательства РК. Можно констатировать, что при исследовании вопросов правопреемства в целом и отдельных аспектов институтов интеллектуальной собственности следует учитывать специфику исключительных прав на отдельные объекты творческой деятельности и средства индивидуализации. Кроме того, законодателю не всегда удастся достичь единообразного применения терминов в отношении объектов интеллектуальной собственности, поскольку прослеживаются несоответствия и путаница в ряде положений нормативных правовых актов.

Понятийный аппарат требует внимательного подхода к использованию, поскольку это может повлиять на практику применения правовых норм, привести к неблагоприятным последствиям для обладателей исключительных прав. Необходимо учитывать особенности наследования отдельных исключительных прав на определенные объекты интеллектуальной собственности, так как законодательством РК предусмотрено множество нюансов.

Библиографический список

1. Амангельды А. А. Право интеллектуальной собственности Республики Казахстан на современном этапе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 43 с.
2. Амангельды А. А. Оборотоспособность прав в сфере интеллектуальной собственности // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2023. № 1. С. 72–81.
3. Амангельды А. А. Проблемы права интеллектуальной собственности Республики Казахстан на современном этапе: монография. Алматы: Интерлигал, 2015. 404 с.
4. Гражданское право: Часть третья: Учебник для вузов / Под ред. В.П. Камышанского, Н.М. Коршунова, В.И. Иванова. – М.: Эксмо, 2009. – (Российской юридическое образование).
5. Зимин В. А. Право следования и право доступа по российскому законодательству о правовой охране интеллектуальной собственности // Политика, государство и право: электрон. журнал. 2012. № 5. URL:

<https://politika.snauka.ru/2012/05/342> (дата обращения: 05.09.2025).

6. Камышанский В. П. О юридической сущности самовольной постройки: опыт логического толкования // Власть Закона. 2024. № 2. С. 16–25.

7. Ротань В. Г., Сонин О. Е., Черткова Ю. В. Новейшее учение о толковании права (по материалам гражданского и других отраслей права): монография. Симферополь, 2019. 792 с.

8. Ротань В. Г., Камышанский В. П. Методология рационального толкования положений гражданского законодательства на примере ст. 401 ГК РФ // Власть Закона. 2025. № 2. С. 25–59.

9. Корнихин С. В. Преемство в исключительных правах по российскому гражданскому законодательству: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 29 с.

10. Мирошникова М. А. Сингулярное правопреемство в авторских правах. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 275 с.

11. Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству: учеб. пособие / отв. ред. А. А. Новоселова. М.: Проспект, 2017. 110 с.

12. Носов Д. В. Правопреемство (теоретико-правовое исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 23 с.

13. Носов Д. В. Правопреемство в российском праве: монография. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2013. 198 с.

14. Подносков Д. В. Право следования и право доступа в российском авторском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 17 с.

15. Семиволкова А. М. Правовая природа и содержание права следования // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2011. № 3. С. 64–71.

16. Скрябин С. В. Некоторые проблемы правопреемства в договоре продажи предприятия // Параграф: информ. система. Юрист. URL:

https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30008048&pos=63;-35#pos=63;-35 (дата обращения: 05.09.2025).

17. Судариков С. А. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Проспект, 2010. 368 с.

18. Сулейменов М. К. Правопреемство в гражданском праве: монография. Алматы: НИИ частного права Каспийского общественного университета, Казахстанский Международный арбитраж, 2023. 464 с.

19. Тебряев А. А. О понятии «правопреемство» как категории гражданского права // Научно-технические ведомости СПбГПУ. 2010. № 3. С. 251–254.

20. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. 460 с.

21. Черпахин Б. Б. Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. 479 с.

Раздел

**Трибуна
молодого ученого**

**УДК 347
ББК 67.404**

Е. В. Ильин

аспирант кафедры гражданского права и процесса Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики

Россия, г. Санкт-Петербург
jopson007@yandex.ru

**ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
УЧАСТНИКОВ ОТНОШЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ**

**ISSUES OF CIVIL LIABILITY OF PARTICIPANTS IN RELATIONS
INVOLVING ELECTRONIC MONEY**

В статье исследованы проблемы института гражданско-правовой ответственности участников отношений с использованием электронных денежных средств в Российской Федерации. Проанализированы основы действующего законодательного подхода к определению и регулированию электронных денежных средств как устоявшейся, но продолжающей эволюционировать модели, с выводом о необходимости его дальнейшего развития и совершенствования. Автором проведены сравнительные параллели с режимом ответственности владельцев цифровых валют для демонстрации существующего регуляторного диссонанса. Сделан вывод о необходимости формирования единого концептуального подхода ко всем видам цифровых расчетов, что позволит не только диагностировать текущие противоречия, но и определить контуры будущего развития законодательства в сфере создания сбалансированных моделей ответственности, обеспечивающих защиту прав потребителей и стимулирование финансовых инноваций.

Ключевые слова: электронные денежные средства (ЭДС), расчеты, платежи, цифровые валюты, электронное средство платежа (ЭСП), оператор ЭДС, электронный кошелек, цифровизация.

The article discusses the issues of the institution of civil liability of participants in relations involving electronic money in the Russian

Federation. The analysis is carried out and attention is drawn to the foundations of the current legislative approach to defining and regulation of electronic money as an established, but continuing to evolve, model, with the conclusion that it needs to be further developed and improved. The article draws comparative parallels with the liability regime of digital currency owners to demonstrate the existing regulatory dissonance. It is concluded that it is necessary to develop a unified conceptual approach to all types of digital payments, which will not only diagnose current contradictions, but also determines the contours of future legislative development in the field of creating balanced liability models that ensure consumer protection and stimulate financial innovation.

Keywords: electronic money, settlements, payments, digital currencies, electronic means of payment, electronic money operator, electronic wallet, digitalization.

Современный этап развития финансовой системы характеризуется масштабной и необратимой цифровой трансформацией, затрагивающей фундаментальные основы денежного обращения и расчетов. В этом контексте электронные денежные средства (ЭДС), уверенно заняв прочную нишу в качестве одного из ключевых инструментов повседневных платежей, стали неотъемлемым элементом национальной экономики. К тому же стремительная эволюция платежных технологий, возрастающая сложность платежных сервисов с одновременно резко возросшей значимостью ЭДС для розничных платежей и развития цифровой коммерции в целом¹, значительно увеличивают риски их использования, делая вопрос о четком, справедливом и эффективном режиме ответственности не просто теоретическим, а имеющим прямое практическое значение для участников отношений с использованием ЭДС и устойчивости финансовой системы.

ЭДС, будучи институционально встроенными в национальную платежную систему, приобретают черты гибридного феномена, выступая одновременно обязательством, услугой и технологическим посредником в расчетах. Актуальность

¹ Крохина Ю. А. Электронные и цифровые деньги: новые вызовы для правового регулирования // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 2 (38). С. 160.

научной проработки вопросов гражданско-правовой ответственности участников отношений с использованием ЭДС обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами, имеющими правовое и макроэкономическое измерение.

Во-первых, наблюдается стабильный и ощутимый рост объемов операций с ЭДС, что трансформирует их из второстепенного сервиса в системообразующий элемент розничных платежей. По данным Банка России¹, за первое полугодие 2025 г. количество электронных средств платежа (ЭСП) для перевода ЭДС, с использованием которых совершены операции, достигло 196,9 млн единиц (рост на 7,8 % к количеству за первое полугодие 2024 г.), количество операций по переводу ЭДС составило почти 4 млрд штук (рост на 59,1 % к количеству за первое полугодие 2024 г.), а общий объем операций с использованием ЭДС возрос почти до 6 тран руб. (рост на 146 % к объему за первое полугодие 2024 г.). Общий объем операций (в руб.) с использованием ЭДС составляет более 10 % от общего объема классических безналичных операций с использованием банковских карт, выпущенных российскими банками. Таким образом, инфраструктура, включая банковских платежных агентов и операторов связи, создает плотную сеть для доступа десятков миллионов пользователей, регулярно совершающих миллиарды операций на триллионы рублей. Указанное выдвигает на первый план задачу обеспечения правовой определенности и стабильности оборота, при этом четкое распределение ответственности между клиентом и оператором служит фундаментальным условием доверия к системе в целом.

Во-вторых, операции с использованием ЭДС находятся на острие ключевых правовых коллизий современности: конфликта между потенциальной анонимностью электронных платежей и требованиями противодействия легализации преступных доходов (ПОД/ФТ), а также осторожно балансируют между необходимостью защиты прав потребителей (например, через институт возмещения при несанкционированных операциях) и стимулированием инноваций в финансовом секторе.

Неизбежное сопоставление устоявшейся модели ответственности за операции с ЭДС при фрагментированном и

¹ Статистика национальной платежной системы // Банк России. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/nps/psrf/> (дата обращения: 31.10.2025).

принципиально ином регулировании децентрализованных цифровых активов (цифровых валют) выявляет системную проблему. Она заключается в формировании двух параллельных, но кардинально различных правовых режимов для, казалось бы, схожих по функционалу явлений. Это обуславливает системный анализ сложившейся централизованной парадигмы ответственности при использовании ЭДС, выявление в ее конструкции сильных сторон и правовых пробелов, а также оценку ее устойчивости в условиях дальнейшего усложнения цифрового финансового ландшафта¹.

Таким образом, преодоление выявленных теоретических пробелов и формирование научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию доктринальных подходов и правового регулирования отношений гражданско-правовой ответственности² при использовании ЭДС объективно необходимы.

Рассмотрим подробнее существующий институт ответственности участников гражданско-правовых отношений с использованием ЭДС. Гражданско-правовая ответственность держателя ЭДС регламентирована Федеральным законом от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»³ и связанными с ним нормативными актами. Перевод ЭДС предназначен для исполнения денежных обязательств без открытия банковского счета, что упрощает процесс платежей. Отношения между клиентом и оператором ЭДС регулируются договором, часто заключаемым путем присоединения к оферте на сайте оператора.

Процесс использования ЭДС включает в себя предварительное внесение обычных денег, их конвертацию оператором в электронные средства, осуществление платежа путем перевода ЭДС получателю (по распоряжению плательщика или требованию получателя) и возможность обратной конвертации в наличные или безналичные деньги. Несмотря на имеющиеся у ЭДС признаки безналичных денег, их нельзя рассматривать в

¹ Камышанский В. П. О цифровой экономике и цифровом праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 1. С. 14.

² Камышанский В.П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024 № 4. С. 23-41.

³ О национальной платежной системе: федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. от 23.05.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.

качестве таковых, поскольку фактически ЭДС служат механизмом осуществления расчетов¹.

Клиентами оператора ЭДС могут быть:

- физические лица (с использованием или без использования банковского счета);
- юридические лица и индивидуальные предприниматели (только через банковский счет).

Существует запрет на переводы ЭДС между юридическими лицами или между юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем. Одной из сторон перевода обязательно должно быть физическое лицо. Оператором ЭДС может быть только кредитная организация с соответствующей лицензией Банка России (банк, расчетная или платежная небанковская кредитная организация). Согласно данным Банка России, по состоянию на октябрь 2025 г. в Российской Федерации (РФ) зарегистрировано 56 операторов ЭДС².

Переводы ЭДС возможны как внутри одной кредитной организации, так и между разными. Однако межбанковские переводы ЭДС осуществляются значительно реже ввиду обычно устанавливаемых для них повышенных тарифов и требования использовать услуги одного оператора ЭДС для плательщика и получателя. Кредитные организации могут привлекать банковских платежных агентов для приема наличных денег от физических лиц с целью их конвертации в ЭДС, что расширяет инфраструктуру платежных пунктов. Операторы мобильной связи также могут участвовать в увеличении остатка ЭДС за счет авансовых платежей абонентов – физических лиц.

Информирование клиента об операторе ЭДС и ЭСП происходит через SMS-сообщения от оператора связи. Это соответствует законодательству об информационно-технологическом взаимодействии между оператором связи и оператором ЭДС. Оператор связи может только информировать об ЭСП, но не вправе предоставлять физические электронные кошельки (включая чипы для мобильных устройств). Такое право

¹ Чурилов А. Ю. Деньги и денежные обязательства на современном этапе развития экономики // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 170.

² Перечень операторов электронных денежных средств // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/registries/nps/oper_zip/ (дата обращения: 30.10.2025).

имеют исключительно операторы ЭДС или их банковские платежные агенты.

Законодательство предусматривает право клиента отозвать распоряжение о переводе ЭДС до момента наступления безотзывности перевода¹. Безотзывность означает невозможность отмены распоряжения о переводе средств. При переводе ЭДС безотзывность наступает после одновременного выполнения трех условий: принятия распоряжения клиента, уменьшения остатка ЭДС плательщика и увеличения остатка ЭДС получателя. После исполнения распоряжения оператор ЭДС обязан незамедлительно направить клиенту подтверждение.

Момент наступления безотзывности важен для определения права клиента на возмещение при несанкционированных переводах. Оператор обязан возместить сумму операции, совершенной без согласия клиента – физического лица до момента уведомления, если не докажет нарушение клиентом порядка использования ЭСП. Оператор ЭДС ведет учет предоставленных клиентом денежных средств путем записи, отражающей размер своих обязательств перед клиентом (остаток ЭДС).

Операции с ЭДС подпадают под действие банковской тайны. Пополнение остатка ЭДС возможно четырьмя способами: через банковский счет, без использования счета (включая наличные через терминалы), за счет средств от юридических лиц/индивидуальных предпринимателей или из аванса за услуги мобильной связи.

Фактически ЭДС являются одновременно обязательствами денежного характера, которые существуют в электронном виде, имеют особые условия возникновения, связанные с наступлением юридических фактов, и платежной услугой². К таким юридическим фактам относятся заключение договора между оператором и клиентом, внесение клиентом денежных средств и зачисление ЭДС на электронный кошелек клиента в размере внесенных денежных средств.

¹ Брокерско-дилерская деятельность и консультирование на финансовом рынке: учебник под общ. ред. М. П. Логинова, М. С. Марамыгина. Екатеринбург: УрГЭУ, 2023. С. 103.

² Ильин Е. В. Правовой режим и нормативные ограничения в регулировании электронных денежных средств в Российской Федерации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 3 (91). С. 140.

Одно из ключевых преимуществ ЭДС – потенциальная анонимность платежей, что становится актуальным в эпоху тотального сбора данных о транзакциях. Однако это преимущество ограничено требованиями противодействия терроризму и отмыванию денег. Существует три уровня идентификации владельцев электронных кошельков.

Неперсонифицированные (анонимные) кошельки имеют существенные ограничения: лимит остатка 15 тыс. руб., запрет на пополнение наличными (только через банковский счет), возможность платежей только российским организациям определенных типов, без переводов физическим лицам и иностранным организациям. На персонифицированные и корпоративные ЭСП может быть обращено взыскание, включая налоговые задолженности¹.

Дополнительные преимущества ЭДС включают в себя низкие транзакционные издержки при микроплатежах², удобство для С2С-коммерции и высокую защищенность от подделок. Однако сохраняется риск потери доступа к электронному кошельку через компрометацию средств аутентификации³.

Таким образом, с учетом приведенного механизма функционирования системы расчетов с использованием ЭДС конструкцию гражданско-правовой ответственности держателя ЭДС можно представить следующим образом: клиент обязан соблюдать условия договора с оператором ЭДС, который регулирует порядок использования ЭДС; нести ответственность за правильность осуществления платежей и соблюдение установленных лимитов; соблюдать требования по идентификации, в зависимости от типа электронного кошелька; обеспечивать сохранность средств доступа к электронному кошельку (паролей, кодов); своевременно уведомлять оператора о несанкционированных операциях. В случае нарушения клиентом порядка использования ЭСП, что привело к несанкционированным операциям, он теряет право на

¹ Лошкарев А. В., Кузьмичева Ю. В. К вопросу об обращении взыскания на криптовалюту и электронные денежные средства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3 (49). С. 131.

² Аминова Ф. И. О динамике развития операций платежных систем с использованием электронных денежных средств // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 7. С. 652.

³ Городнова Н. В. Анализ рисков и безопасности системы электронных средств платежа // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 2. С. 405.

возмещение похищенных средств. Держатель ЭДС также несет ответственность за соблюдение ограничений по переводам между различными типами пользователей (физическими лицами, юридическими лицами, ИП) и должен обеспечивать законность источников происхождения денежных средств, используемых для пополнения электронного кошелька. В случае применения неперсонифицированных кошельков клиент обязан соблюдать установленные законом лимиты остатка и ограничения по типам разрешенных операций.

Подводя итоги, можно констатировать, что в отношении ЭДС, функционирующих в рамках устоявшейся парадигмы национальной платежной системы, законодателем давно построена детализированная и жестко централизованная модель ответственности, основанная на доминирующей роли лицензированных кредитных организаций-операторов и императивном распределении ответственности. Эта модель, безусловно, доказала эффективность на этапе массового внедрения ЭДС, обеспечив необходимый уровень правовой определенности и доверия со стороны потребителей.

В некоторой противоположности этому, к примеру, инновационное регулирование цифровых валют (в рамках Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹), отражая сходства и одновременно объективное технологическое различие между такими вариантами цифровых финансов, сознательно и вынужденно конструируется вокруг принципиально иной, децентрализованной и псевдоанонимной природы данного актива. Это объективно приводит к кардинально иному распределению рисков, при котором фигура обязанного лица (эмитента) отсутствует, полнота ответственности за сохранность активов и последствия их использования переносится на

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

владельца, а распределение убытков сегодня, по крайней мере, не урегулировано императивными нормами¹.

Полагаем, что стремительный рост объемов и сложности операций с ЭДС, их трансформация в системообразующий элемент экономики, а также увеличение киберрисков требуют пересмотра и диверсификации механизмов распределения ответственности, которые учитывали бы растущую потребительскую ценность ЭДС и критерии технической сложности используемых мошеннических схем. Считаем, что ввиду изложенных вызовов дальнейшее развитие регулирования гражданско-правовой ответственности в сфере ЭДС должно двигаться от жесткой централизации к «смарт-регулированию» и риск-ориентированному подходу. Целесообразно дифференцировать режим ответственности в зависимости от типа операции, ее суммы и уровня идентификации клиента. Для идентифицированных в полной мере пользователей, использующих биометрию или иные усиленные средства аутентификации, можно рассмотреть возможность смягчения презумпции вины клиента в случаях кибератак, возлагая на оператора обязанность по доказыванию отсутствия сбоев и уязвимостей в его инфраструктуре.

Кроме того, необходима гармонизация подходов к ответственности в рамках ЭДС и цифровых валют. Целесообразно инициировать научную и законодательную дискуссию о создании единого рамочного закона о цифровых платежных средствах, который бы устанавливал базовые принципы ответственности для всех видов цифровых ценностей, используемых в расчетах. В перспективе это может привести к появлению специализированных лицензированных провайдеров таких услуг (кастодианов, операторов обмена), на которых будет распространяться адаптированный аналог ответственности операторов ЭДС, создав тем самым более справедливый и безопасный рынок.

Вместе с тем ввиду триллионных объемов операций с использованием ЭДС считаем полезной и правильной законодательную инициативу Банка России и Государственной

¹ Ильин Е. В. Вопросы гражданско-правовой ответственности участников отношений с использованием цифровых валют // Власть Закона. 2025. № 3 (63). С. 270.

корпорации «Агентство по страхованию вкладов»¹ о распространении защиты, предусмотренной Федеральным законом от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации»², и на денежные средства, размещенные на электронных кошельках. Это не только повысит доверие пользователей, но и создаст дополнительный финансовый буфер для компенсации убытков от масштабных кибератак, распределив ответственность между оператором, клиентом и страховым пулом.

Наконец, в целях сохранения конкурентоспособности ЭДС и противодействия их вытеснению в теневой сегмент или в незарегулированные аналоги необходим пересмотр лимитов и ограничений для неперсонифицированных кошельков с акцентом на анализ паттернов поведения их владельцев, а не на абсолютные значения остатка. Это в целом соответствует современным возможностям автоматизированных регуляторных технологий.

Таким образом, действующая модель ответственности за операции с ЭДС не должна восприниматься как догма. Она требует перманентной, опережающей адаптации к технологическим и макроэкономическим вызовам. Предлагаемые направления эволюции нацелены на построение более гибкой, устойчивой и технологически нейтральной системы ответственности, способной обеспечить стабильность расчетов и защиту прав участников в условиях формирующейся цифровой экономики новой реальности, в том числе в изменившихся внешнеэкономических условиях.

Библиографический список

1. Аминова Ф. И. О динамике развития операций платежных систем с использованием электронных денежных средств // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 7. С. 646–654.

2. Болотов С. Электронные кошельки застрахуют, но придется отказаться от анонимности. Все нюансы нового законопроекта // Российская газета. 2025. 3 февраля.

¹ Болотов С. Электронные кошельки застрахуют, но придется отказаться от анонимности. Все нюансы нового законопроекта // Российская газета. 2025. 3 февраля.

² О страховании вкладов в банках Российской Федерации: федер. закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 52 (ч. I). Ст. 5029.

3. Брокерско-дилерская деятельность и консультирование на финансовом рынке: учебник / под общ. ред. М. П. Логинова, М. С. Марамыгина. Екатеринбург: УрГЭУ, 2023. 566 с.

4. *Городнова Н. В.* Анализ рисков и безопасности системы электронных средств платежа // Экономическая безопасность. 2021. Т. 4. № 2. С. 401–420.

5. *Крохина Ю. А.* Электронные и цифровые деньги: новые вызовы для правового регулирования // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 2 (38). С. 159–164.

6. *Ильин Е. В.* Вопросы гражданско-правовой ответственности участников отношений с использованием цифровых валют // Власть Закона. 2025. № 3 (63). С. 268–277.

7. *Ильин Е. В.* Правовой режим и нормативные ограничения в регулировании электронных денежных средств в Российской Федерации // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 3 (91). С. 138–142.

8. *Камышанский В. П.* О цифровой экономике и цифровом праве (колонка редактора) // Власть Закона. 2019. № 1. С. 14–19.

9. *Камышанский В. П.* Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024 № 4. С. 23–41.

10. *Лошкарев А. В., Кузьмичева Ю. В.* К вопросу об обращении взыскания на криптовалюту и электронные денежные средства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 10-3 (49). С. 131–134.

11. *Чурилов А. Ю.* Деньги и денежные обязательства на современном этапе развития экономики // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 168–174.

А. И. Левартовская

бакалавр Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина
Россия, г. Краснодар
alevartovskaya@gmail.com

**NDA (СОГЛАШЕНИЕ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ) КАК СПОСОБ
ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

**NDA (NON-DISCLOSURE AGREEMENT) AS A METHOD OF
PROTECTING THE RIGHT TO INFORMATION IN THE RUSSIAN
FEDERATION**

В статье исследована правовая природа NDA, или соглашения о неразглашении, а также показана возможность практического применения в Российской Федерации этого инструмента в целях защиты конфиденциальной информации в различных сферах деятельности. Приведены некоторые частные случаи из практики зарубежных стран по применению соглашения о неразглашении. Проанализировано соотношение режима коммерческой тайны и NDA, выделены преимущества и недостатки правового регулирования соглашения. Автор приходит к выводу о том, что NDA – гибкий договорный способ защиты права на информацию, основанный на принципе свободы договора, который служит более адресным и оперативным инструментом по сравнению с общим режимом коммерческой тайны. Однако не во всех случаях NDA способен в полной мере его заменить, а скорее, создан для дополнения и усиления введенного режима по охране коммерческой тайны.

Ключевые слова: соглашение о неразглашении, NDA, защита информации, коммерческая тайна, персональные данные компании, конфиденциальная информация, бизнес, соглашение, информация, гражданское законодательство.

The article examines the legal nature of the NDA or non-disclosure agreement, and analyzes the possibility of using this tool in the Russian Federation to protect confidential information in various fields of activity. The article provides some specific cases from the

practice of foreign countries on the application of non-disclosure agreements. The article analyzes the relationship between the commercial secret regime and the NDA, and highlights the advantages and disadvantages of the legal regulation of the agreement. The author concludes that the NDA is a flexible contractual method of protecting the right to information, based on the principle of freedom of contract, which is a more targeted and efficient tool compared to the general commercial secret regime. Nevertheless, it is not always able to fully replace it, but rather, it is designed to complement and strengthen the existing regime of commercial secret protection.

Keywords: non-disclosure agreement, NDA, information protection, commercial secret, company personal data, confidential information, business, agreement, information, civil law.

XXI век – постиндустриальное общество, в котором экономика переориентируется с производства товаров на оказание услуг и производство информации. Ученый из Туркменского государственного института финансов Д. Ч. Саламов считает, что «информация и знания заменяют капитал и энергию в качестве основных активов, создающих богатство»¹. В процессе рабочих отношений, постоянного развития и расширения бизнеса его собственникам неизбежно приходится взаимодействовать с новыми, ранее неизвестными для компании людьми. Среди них – партнеры, вновь принятые сотрудники, подрядчики и иные лица, которым в той или иной степени предоставлен доступ к внутренним данным компании, считающимся конфиденциальной информацией. Если речь идет о бизнесе, доверительные отношения играют ключевую роль, но нельзя рассчитывать только на них. Независимо от того, кому предоставляют информацию, всегда существует риск ее утечки, пусть даже непреднамеренной, которая может привести к таким последствиям для компании, как потеря конкурентного преимущества, снижение прибыли, «удар» по бренду, банкротство и многие другие негативные исходы. В связи с интенсификацией процессов оборота информации в условиях цифровизации экономики², легкости ее добывания и

¹ Саламов Д. Ч., Байыев И. Х. Важность экономики, основанной на знаниях // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 98.

² Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. С. 174; Камышанский В. П. О финансовых сделках с использованием финансовой платформы (колонка редактора) // Власть Закона. 2021. № 1. С. 12.

передачи обостряется вопрос о необходимости защиты информации, представляющей ценность для ее обладателя либо охраняемой в публичных интересах или интересах третьих лиц (различного рода тайны, персональные данные физических лиц)¹.

Для достаточной охраны информации, к которой не должны иметь доступ посторонние, как правило, используют правовые и технические способы защиты. Рассмотрим правовой аспект данного вопроса. В Российской Федерации (РФ) представлена емкая законодательная база, охраняющая бизнес-информацию, в частности Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ч. 4 Гражданского кодекса (ГК) РФ и др.

Сегодня для реализации цели защиты данных все более распространенным становится пришедшее в Россию из англосаксонской правовой семьи *non-disclosureagreement* (NDA), что при дословном переводе на русский язык означает «соглашение о неразглашении информации». В США соглашения о неразглашении регулируются федеральными (Defend Trade Secrets Act, DTSA), штатными (Uniform Trade Secrets Act, UTSA) законами и общим договорным правом, но большее значение имеют вторые².

Такое соглашение заключают во время переговоров, сотрудничества, если, например, новому партнеру или сотруднику в дальнейшем для работы будет предоставлен доступ к конфиденциальной информации, разглашение которой посторонним лицам строго запрещено. Действие NDA распространяется на эту конкретную сделку или определенные отношения. Сторона, подписавшая такое соглашение, обязуется хранить в тайне конфиденциальную информацию, к которой предоставлен доступ. За нарушение соглашения могут последовать санкции, например в виде штрафа. Обычно соглашение о неразглашении подписывают в дополнение к основному договору,

¹ Пугачева Н. В. Обеспечение права работодателя на защиту информации: проблемы правового регулирования // Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 219.

² Защита коммерческих тайн и конфиденциальной информации // Acarkan and Semenov. URL: <https://acarkansemenov.com/post50> (дата обращения: 10.03.2025).

NDA (СОГЛАШЕНИЕ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ) КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

будь то трудовой договор, договор коммерческой концессии, поставки, подряда или иной¹.

Для компании NDA – это инструмент, с помощью которого можно:

1) *обезопасить свою интеллектуальную собственность.* NDA может быть заключено для защиты от нежелательной утечки информации неопубликованной идеи, бизнес-стратегии, процесса изготовления чего-либо, нереализованного дизайна, информации об изобретении, которое еще не защищено патентом или механизмами авторского права как, например, если осуществляются переговоры о заключении договоров в киноиндустрии и авторы делятся идеями сценарных ходов. Его можно подписать со специалистами на аутсорсе, контрагентами, инвесторами;

2) *обозначить ценность ресурсов.* Информация, которую владелец хочет уберечь от третьих лиц и вносит в соглашение о неразглашении, говорит о ее важности для него и бизнеса. Если второй стороне открылся доступ к ней, это требует соответствующего должного отношения к предоставленной информации;

3) *возложить обязанность не разглашать информацию.* Важную роль играет психологический аспект, проявляющийся в социальном влиянии. Люди, как правило, стараются выполнять взятые на себя обязательства, особенно, если они оформлены в письменной форме, чтобы быть последовательными в действиях и словах;

4) *сохранить в тайне финансовые условия контракта.* NDA заключают при подписании договоров, если обе стороны хотят сохранить сумму контракта в секрете. Речь идет о договорах, в которых прописывают сумму сделки на покупку чего-либо, стоимость оказываемых услуг, предоставленные скидки и т. д. Это нужно для того, чтобы компания могла свободно формировать ценовые отношения с контрагентами или партнерами;

5) *возможность с помощью NDA защищать более широкий спектр информации,* в том числе такую, которая не подпадает под

¹ Что такое NDA и как его составить? // СберБизнес. 2025. 17 июля. URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/chto-takoe-nda-i-kak-ego-sostavit (дата обращения: 10.08.2025).

определение коммерческой тайны, но требует конфиденциальности в рамках определенных правоотношений¹.

NDA заключают для регулирования использования и защиты права на конкретную информацию, которая не должна быть раскрыта лицам, не являющимся сторонами именно этого соглашения. NDA сегодня не нашло правового закрепления в законодательстве РФ. Несмотря на это, его применяют на практике те, кто признал и оценил удобный способ защиты информации. Отсутствие закрепления этого инструмента в нормативно-правовой базе России является пробелом, который нужно восполнить, чтобы обеспечить правовую определенность и защиту интересов участников данных правоотношений. Несмотря на принцип свободы договора, провозглашенный ст. 421 ГК РФ², мы сталкиваемся с рядом правовых сложностей и неких ограничений. Поскольку данный институт прямо не закреплен в законодательстве РФ, это приводит к тому, что правоприменители и суды оценивают NDA через призму других, схожих институтов, например через режим коммерческой тайны как в большей степени распространенный и юридически закрепленный способ защиты информации компании в России. Согласно ст. 3 Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» это режим конфиденциальности информации, закрепляющий определение информации, составляющей коммерческую тайну³, позволяющий ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах увеличить доходы, избежать неоправданных расходов, сохранить положение на рынке товаров, работ, услуг или получить иную коммерческую выгоду. Информация, составляющая коммерческую тайну, – сведения любого характера (производственные, технические, экономические, организационные и др.), в том числе о результатах интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, а также сведения о способах осуществления профессиональной

¹ Саимова В. Что такое NDA и зачем его подписывать // РБК. 2022. 17 августа. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62fcc7dc9a79473bc1f56270> (дата обращения: 10.04.2025).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 01.08.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Попова О. П. О правовой охране секретов производства (ноу-хау) // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 9. С. 143.

NDA (СОГЛАШЕНИЕ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ) КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

деятельности, имеющие действительную или потенциальную коммерческую ценность ввиду неизвестности их третьим лицам, к которым у третьих лиц нет свободного доступа на законном основании и в отношении которых обладателем таких сведений введен режим коммерческой тайны¹. Для лица, допустившего огласку такой информации, могут наступить последствия в виде дисциплинарной, гражданско-правовой, административной или уголовной ответственности. Содержательно указанный режим и NDA – похожие инструменты, но между ними все-таки существуют различия, а также сильные и слабые стороны.

В случае, если информация, содержащаяся в соглашении о неразглашении, не соответствует критериям коммерческой тайны, суд может признать данное соглашение неисполнимым либо недействительным. Сталкиваемся порой и со сложностью доказывания нарушений, поскольку на уровне закона не сделана оговорка о том, что передача конфиденциальной информации по NDA должна «помечаться» как таковая. С учетом этого сложно доказать причинно-следственную связь между действиями нарушителя соглашения и убытком.

NDA обычно применяют для того, чтобы защитить определенную конфиденциальную информацию, которой обмениваются во время сделки или ведения совместного проекта, в рамках данного договора, заключенного, как правило, с внешней стороной. Режим коммерческой тайны является комплексным, защищает в целом коммерческую тайну организации, распространяется на всех сотрудников и контрагентов, тех, кто имеет доступ к ценной информации². Защищенность законом у этих правовых инструментов различна, что обусловлено отсутствием правовых норм, которые прямо регулировали бы правоотношения сторон, возникающие при NDA. Однако это не означает фиктивности и невозможности применения такого соглашения.

Соглашение о неразглашении является договором, а значит, к нему становится возможным применение и аналогии закона, например положений гражданского права, закрепленных в главах

¹ О коммерческой тайне: федер. закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.

² *Вершинина Ю. В.* Коммерческая тайна и NDA: в чем разница и что оформить // Life.Akbars: онлайн-журнал. 2022. 8 ноября. URL: <https://life.akbars.ru/business/zakony-dlya-biznesa/kommercheskaya-tayna-i-nda-v-chem-raznitsa-i-chto-oformit/> (дата обращения: 19.04.2025).

27, 28, 29 ГК РФ, поскольку нет индивидуально разработанной статьи, посвященной именно ему, либо отдельного правового акта, отвечающего за урегулирование возникающих отношений между сторонами данного соглашения. ГК РФ разрешает сторонам составлять и заключать любые договоры, если они не противоречат действующему законодательству. Режим коммерческой тайны регулируется и ГК РФ, и вытекающим из его положений Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», в котором отражен действующий алгоритм защиты и при необходимости применения санкции за нарушения условий этого режима.

Если NDA составлено верно, суд его признает. Сегодня в России сформирована арбитражная судебная практика, подтверждающая работоспособность NDA и возможность привлечения к гражданско-правовой ответственности в случае его нарушения¹. Примером может служить постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 октября 2018 г. № С01-843/2018 по делу № А56-92673/2016. Из материалов дела следует, что ООО «ВИАКАРД» и ООО «Терминал Сервис» заключили соглашение о неразглашении: не раскрывать конфиденциальную информацию во время сотрудничества и в течение трех лет после. Ответственность за нарушение – штраф 400 тыс. руб. Со стороны ООО «Терминал Сервис» была допущена утечка информации, и ООО «ВИАКАРД» подал иск. Спор рассмотрен судами нескольких инстанций. В кассационной жалобе ответчик утверждал, что их соглашение не гражданско-правовой договор, поэтому и штраф взыскать не будет возможным. Суд указал, что в соответствии со ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора. Возможно как заключение поименованного в ГК РФ, так и не предусмотренного законом договора. В итоге суд признал силу NDA и взыскал 400 тыс. руб. в пользу истца, то есть ООО «ВИАКАРД»².

¹ Рябов Е. В. NDA (соглашение о конфиденциальности) в российском праве работает // Закон.ру. 2020. 22 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/22/nda_soglashenie_o_konfidencialnosti_v_rossijskom_prave_rabotaet (дата обращения: 20.03.2025).

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 31 октября 2018 г. № С01-843/2018 по делу № А56-9273/2016 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=44302#5gMyE4V1LU1D1CU6> (дата обращения: 20.03.2025).

NDA (СОГЛАШЕНИЕ О НЕРАЗГЛАШЕНИИ) КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Указанное судебное решение устояло в апелляционной и кассационной инстанциях. Это свидетельствует о признании возможным защиты нарушенного по NDA права в судебном порядке. Решение Арбитражного суда Пермского края от 6 июля 2012 г. по делу № А50-7090/2012 также может служить свидетельством работоспособности соглашения о неразглашении конфиденциальной информации в РФ. В нем удовлетворен иск о взыскании штрафной неустойки в размере 6,5 млн руб. за нарушение NDA¹.

Режим коммерческой тайны имеет более сложную процедуру введения в действие, по сравнению с соглашением о неразглашении, состоящую из комплекса мер, необходимых для разработки, внедрения и поддержания постоянной системы защиты информации. Регламентация этой процедуры содержится в Федеральном законе от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне». Некоторые компании, не являющиеся крупными или наукоемкими, предпочитают вариант работы с NDA ввиду возможности относительно быстрой процедуры согласования и подписания со стороной, а также простоты его действия.

Хотя NDA и применяют к работникам по трудовому договору и контрагентам, однако при его заключении именно с работником, как более уязвимой стороной трудовых правоотношений², возникают трудности. Необходимо, чтобы данное соглашение не только находилось в рамках гражданского законодательства, но еще и не противоречило трудовому законодательству РФ. С теоретической точки зрения при нарушении заключенного NDA к работнику могут быть применены меры ответственности за нарушение обязательств, которые неприменимы, согласно Трудовому кодексу (ТК) РФ, например штраф. Соглашение о неразглашении регулируется гражданским законодательством, будучи договором, и, если стороны предусматривают такую материальную санкцию, то при нарушении условия соглашения она должна быть применена к нарушителю. Режим коммерческой тайны аналогично применим и к сотрудникам, и к внешним

¹ Решение Арбитражного суда Пермского края от 6 июля 2012 г. по делу № А50-7090/2012 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS017&n=76314#scczE4VaqPO6frvs> (дата обращения: 20.03.2025).

² Попова Л. И., Игнатенко Е. А. Разграничение трудового и гражданско-правового договора // Вестник экономики и права. 2025. № 100. С. 75.

партнерам. В первом случае обязательно должны быть соблюдены нормы трудового права. И в ТК РФ, и в Федеральном законе от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» содержатся пункты об ответственности работника или лица, прекратившего трудовые отношения с работодателем, в случае разглашения коммерческой тайны, что говорит о комплексном правовом обеспечении исследуемого вопроса.

Ответственность при NDA может быть гражданско-правовой, а в отношении работников, подписавших NDA, становится возможным применение санкций в рамках дисциплинарной ответственности, в редких случаях – материальной. При действующем режиме коммерческой тайны возможна гражданско-правовая, административная или уголовная ответственность. К работникам применима дисциплинарная ответственность, а за прямой действительный ущерб, причиненный работодателю в результате виновных деяний работника, – материальная.

В судебной практике представлено апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 июня 2019 г. по делу № 33-26791/2019¹. Согласно материалам дела, организация обратилась в суд с иском к работнику о взыскании денежных средств за нарушение положения NDA. В иске отказано, мотивировано тем, что в ст. 238 ТК РФ содержится исчерпывающий перечень оснований, по которым можно привлечь к материальной ответственности работника за ущерб, причиненный работодателю, при этом не предусмотрен данный вид ответственности за разглашение конфиденциальной информации в виде штрафа. Пункт, указанный в соглашении о неразглашении относительно штрафа за распространение информации, скрытой от третьих лиц, ухудшает положение работника, согласно ТК РФ, а значит, не является законным и действительным. Однако многие работодатели исходят из расчета правовой неграмотности сотрудников и могут достичь желаемого результата во внесудебном порядке.

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 24 июня 2019 г. по делу № 33-26791/2019 // Гарант.ру: [информ.-правовой портал](https://base.garant.ru/309201433/?ysclid=miotb2wyvs282557975). URL: <https://base.garant.ru/309201433/?ysclid=miotb2wyvs282557975> (дата обращения: 20.04.2025).

В зарубежной практике применения NDA в трудовых правоотношениях выявлены случаи злоупотребления таким соглашением, которые проявляются в попытках скрыть противоправное поведение, запугать лицо, обязать его молчать. В целях урегулирования и конкретизации применения соглашения о неразглашении в 2022 г. Конгрессом США принят Закон о высказываниях, подписанный президентом Джо Байденом, запрещающий NDA в отношении сексуальных домогательств и насильственных действий сексуального характера. В Великобритании разрабатывают также законопроект, который сделает недействительными положения о конфиденциальности в мировых соглашениях, запрещающие работнику заявлять о притеснениях или дискриминации. При этом не будет ограничен законный коммерческий характер таких соглашений для защиты конфиденциальной информации или интеллектуальной собственности в деловых операциях. В России существует способ предотвратить подобные ситуации, заблаговременно определив круг отношений, при которых станет возможным или запрещенным подписание данного соглашения¹.

Среди методов правового регулирования введения режима коммерческой тайны и подписания соглашения о неразглашении тоже прослеживаются различия. NDA – это договор, а следовательно, чтобы его признали заключенным, необходимо достигнуть соглашения по всем существенным условиям (диспозитивный подход). При введении организационного режима коммерческой тайны организация самостоятельно определяет, какую информацию считать коммерческой тайной, не согласовывая условий с каждым субъектом, а только обязывая всех, кто имеет доступ к информации, принять установленный режим (императивный подход).

В России изложенный механизм защиты права на информацию не слишком распространен, но в ряде иных государств его научились применять не только в сфере бизнеса. Например, в США тренер по джиу-джитсу принуждал учеников подписывать NDA перед вручением черного пояса, чтобы приемы

¹ Федотова Ю. Заглушить голоса: как соглашения о конфиденциальности проникают в частные жизни людей // Forbes. 2025. 19 февраля. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/531113-zaglusit-golosa-kak-soglasenia-o-konfidencial-nosti-pronikaut-v-castnye-zizni-ludej> (дата обращения: 14.05.2025).

не были рассекречены. В Лондоне, на одной из улиц, приглушили городской свет фонарей по просьбе местной жительницы, но обязали ее подписать NDA, чтобы остальные граждане в случае, если узнают об этом, не начали докучать иными требованиями. В Бутане NDA рассматривают как возможный способ борьбы со сплетнями, хотят сделать его государственным законом. В Китае одна технологическая компания обратилась с иском в суд в отношении бывшего сотрудника, который нарушил NDA посредством передачи информации о своих разработках конкуренту. Суд удовлетворил иск и обязал сотрудника выплатить компенсацию.

По нашему мнению, NDA служит перспективным инструментом для защиты права на информацию. Однако ввиду отсутствия на современном этапе должного правового закрепления его нельзя считать надежным. Хотя такой инструмент и может существовать отдельно от режима коммерческой тайны, отношение соглашения о неразглашении и режима коммерческой тайны как части и целого будет более эффективным и безопасным вариантом для долгосрочного обеспечения всесторонней защиты информации организации. Чтобы обеспечить работу NDA, необходимо учитывать нормы ГК РФ, ТК РФ (при заключении соглашения с работниками), положения Федерального закона от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне», Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и др.

Библиографический список

1. Вершинина Ю. В. Коммерческая тайна и NDA: в чем разница и что оформить // Life.Akbars: онлайн-журнал. 2022. 8 ноября. URL: <https://life.akbars.ru/business/zakony-dlya-biznesa/kommercheskaya-tayna-i-nda-v-chem-raznitsa-i-chto-oformit/> (дата обращения: 19.04.2025).
2. Гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. В. П. Камышанского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2024. 447 с.
3. Защита коммерческих тайн и конфиденциальной информации // Acarkan and Semenov. URL: <https://acarkansemenov.com/post50> (дата обращения: 10.03.2025).

4. Камышанский В. П. О финансовых сделках с использованием финансовой платформы (колонка редактора) // Власть Закона. 2021. № 1. С. 12–19.

5. Попова Л. И., Игнатенко Е. А. Разграничение трудового и гражданско-правового договора // Вестник экономики и права. 2025. № 100. С. 75–79.

6. Попова О. П. О правовой охране секретов производства (ноу-хау) // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. 2014. № 9. С. 143–148.

7. Пугачева Н. В. Обеспечение права работодателя на защиту информации: проблемы правового регулирования // Ежегодник трудового права. 2024. № 14. С. 219–230.

8. Рябов Е. В. NDA (соглашение о конфиденциальности) в российском праве работает // Закон.ру. 2020. 22 марта. URL: https://zakon.ru/blog/2020/03/22/nda_soglasenie_o_konfidencialnosti_v_rossijskom_prave_rabotaet (дата обращения: 20.03.2025).

9. Саитова В. Что такое NDA и зачем его подписывать // РБК. 2022. 17 августа. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/62fcc7dc9a79473bc1f56270> (дата обращения: 10.04.2025).

10. Саламов Д. Ч., Байыев И. Х. Важность экономики, основанной на знаниях // Молодой ученый. 2023. № 1 (448). С. 98–100.

11. Федотова Ю. Заглушить голоса: как соглашения о конфиденциальности проникают в частные жизни людей // Forbes. 2025. 19 февраля. URL: <https://www.forbes.ru/forbeslife/531113-zaglusit-golosa-kak-soglasenia-o-konfidencialnosti-pronikaut-v-castnye-zizni-ludej> (дата обращения: 14.05.2025).

12. Что такое NDA и как его составить? // СберБизнес. 2025. 17 июля. URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/chto-takoe-nda-i-kak-ego-sostavit (дата обращения: 10.08.2025).

И. В. Миненко

аспирант Нижегородского института управления – филиала
РАНХиГС при Президенте РФ
Россия, г. Нижний Новгород
ilya-minenko@yandex.ru

**НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА ИНСТИТУТА ПАТРИАРШЕСТВА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**THE REGULATORY FRAMEWORK OF THE INSTITUTE OF
PATRIARCHATE IN THE RUSSIAN FEDERATION**

В статье проведен анализ правового регулирования института патриаршества в Российской Федерации (РФ). Исследованы законодательные нормы и религиозные документы, устанавливающие правовое положение патриарха в заданный хронологический отрезок. Акцентировано внимание на светском праве и внутриконфессиональных правилах. Рассмотрены нормативно-правовые акты и церковные акты, формирующие правовой статус патриарха. Исследовано их взаимодействие, в том числе посредством анализа судебной практики. Автором охарактеризованы специальные права и обязанности священнослужителя, необходимые ему для исключения конфликта интересов, связанных с его основной деятельностью. Обоснована необходимость регламентации правового статуса патриарха светским и церковным законодательством. Дана характеристика Гражданского устава Русской православной церкви, выявлено его сходство с каноническим Уставом. Сделан вывод о том, что институт патриаршества в России регулируется светским и церковным законодательством. Утверждается, что государство наделяет патриарха, помимо конституционных прав и свобод, гарантируемых каждому гражданину РФ, специальными правами, которые позволяют патриарху, как священнослужителю, исполнять свои обязанности.

Ключевые слова: патриаршество, Русская православная церковь, правовой статус патриарха, правовой институт,

некоммерческая организация, субъективные права, источники права.

The article analyses the legal regulation of the institute of Patriarchate in the Russian Federation. The legislative norms and religious documents that establish the legal status of the Patriarch in a given chronological period have been examined. Attention is focused on secular law and intra-religious rules. The article examines legal acts and church acts that shape the legal status of the Patriarch. Their interaction has been investigated, including through the analysis of judicial practice. The special rights and duties of a cleric are described, which are necessary for him to avoid conflicts of interest related to his main activity. The necessity of regulating the legal status of the Patriarch by secular and ecclesiastical legislation is substantiated. The Civil Charter of the Russian Orthodox Church is characterized, and its similarities with the canonical Charter are revealed. It is concluded that the institution of Patriarchate in the Russian Federation is regulated by secular and ecclesiastical legislation. It is asserted that the state grants the Patriarch, in addition to the constitutional rights and freedoms guaranteed to every citizen of the Russian Federation, special rights that allow the Patriarch, as a cleric, to fulfill his duties.

Keywords: Patriarchate, Russian Orthodox Church, legal status of the Patriarch, legal institution, non-profit organization, subjective rights, sources of law.

Современная русская православная церковь представляет собой наиболее значимый социальный институт, правовой статус которого начал формироваться сразу после принятия христианства на Руси. С этого периода церковь неизменно является влиятельной структурой, выполняющей важную роль в жизни общества, оказывая значительное воздействие на различные аспекты общественной деятельности.

Исследование нормативной основы института патриаршества представляет значительный интерес ввиду возрастающей роли Русской православной церкви в общественной жизни современной России. Актуальность обусловлена необходимостью четкого определения статуса главы церкви в рамках действующего российского законодательства. Изучение правовых актов, регламентирующих правовой статус Патриарха Московского и всея Руси, позволяет выявить пробелы и коллизии

между гражданским правом и каноническим правом православной церкви. Исследование способствует формированию единого подхода к пониманию компетенции и полномочий высшего духовного лица в российском обществе. Выводы будут полезны и для представителей юридической науки, и для государственных органов власти, заинтересованных в укреплении взаимодействия государства и религиозных организаций.

До настоящего времени изучение законодательства, относящегося к деятельности патриарха, часто ограничивалось отдельными актами либо было фрагментарным. Новый подход предполагает комплексное исследование совокупности нормативных и церковных источников, затрагивающих различные аспекты деятельности патриарха. В статье впервые систематизированы и сопоставлены различные источники законодательства, а также проведено исследование эволюции нормативной базы, что позволило выявить особенности становления и развития института патриаршества в российской правовой системе. Кроме того, предложены новые подходы к оценке роли нормативных актов в обеспечении церковно-государственных отношений. Это способствует более глубокому пониманию правового статуса патриарха, его места в системе государственной власти и религиозных институтов в Российской Федерации (РФ).

Размышляя о нормативной основе института патриаршества в России, необходимо разграничивать светское законодательство и внутреннее церковное регулирование. Важно уточнить, о каких именно правах идет речь: канонических, юридических, социальных, гражданских, политических или общечеловеческих¹.

Упоминаний о патриархе в законодательстве не обнаружено. Однако можно полагать, что данный сан относится к обобщенной группе – священнослужители. Дефиниция указанного термина также отсутствует в светских документах. В соответствии с Уставом Русской православной церкви кандидат на пост патриарха обязан быть архиереем Русской православной церкви, иметь высшее образование в области богословия, значительный опыт руководства епархией, строго придерживаться церковных правил и норм, пользоваться уважением среди священников, верующих и светского общества, иметь безупречную репутацию

¹ Гайденок П. И. Правовой статус священников Русской православной церкви: о новой работе И. А. Пиаева // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 102.

вне церкви и достичь возраста 40 лет. Кроме того, изучив содержание указа Президента РФ от 12 июля 2012 г. № 969 «О предоставлении священнослужителям права на получение отсрочки от призыва на военную службу», можно вывести следующее определение: священнослужителем считается человек, имеющий духовный сан и исполняющий обязанности в рамках религиозного объединения¹.

С учетом вышеизложенного, полагаем, патриарха можно отнести к священнослужителям. В начале нашего исследования рассмотрим примеры из светского законодательства. Как пишет З. Н. Ионова в своем исследовании государственно-конфессиональных отношений, если влияние на религиозные установления правовых норм, задающих правовые рамки функционирования религиозных объединений, бесспорно, то выявить религиозное в правовом – сложная задача².

Высшим нормативным правовым актом нашей страны служит Конституция РФ, в соответствии с положениями которой Россия является светским государством. Это означает, что ни одна религия не имеет статуса официальной или обязательной, религиозные организации независимы от власти и равны перед законом. Данные принципы дублируются и в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». Законодательные акты РФ, включая Гражданский кодекс (ГК) РФ, регулируют отношения между государственными структурами и религиозными организациями, обеспечивая свободу вероисповедания и равенство всех конфессий. Рассматриваемый вопрос регламентирован ст. 123.26 ГК РФ, в которой религиозная организация определена как добровольное объединение постоянно и на законных основаниях проживающих на территории РФ граждан России или иных лиц, образованное ими в целях совместного вероисповедания и распространения веры³.

Можно заключить, что Конституция РФ обеспечивает одинаковую защиту прав и свобод священнослужителей,

¹ Павлюк И., свящ. Особенности правового статуса священнослужителей в России // Сретенское слово. 2022. № 2. С. 155.

² Ионова З. Н., Скрябин И. В. Особенности развития государственно-конфессиональных отношений в России // Власть Закона. 2019. № 2 (38). С. 104.

³ Гартина Ю. А., Гудилин Д. С. Правовое положение Русской православной церкви как некоммерческой организации // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 1 (25). С. 113.

независимо от их религиозной принадлежности. Священнослужители имеют полный объем гражданских прав и свобод, предоставляемых государством и другим гражданам. При этом законодательство предусматривает особые привилегии исключительно для священнослужителей различных религиозных организаций. Например, п. 2 ст. 24.2 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ позволяет священнослужителям заниматься миссионерской деятельностью без необходимости получать дополнительные разрешения.

Только представители зарегистрированной религиозной организации могут навещать больных в больницах (Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»). Священнослужителей также допускают к заключенным, отбывающим наказание с различными видами лишения свободы, как следует из Уголовно-исполнительного кодекса РФ. В частности, И. В. Анисимов утверждает, что присутствие представителей церкви в местах лишения свободы помогает многим заключенным обратиться к Богу, способствует их духовному окормлению, что выражено в сокращении количества суицидов, фактов унижения достоинства человеческой личности¹. Закон гласит о том, что никто не вправе требовать показаний от священника относительно сведений, полученных им в ходе исповеди. Эта гарантия предусмотрена Уголовно-процессуальным кодексом РФ, Гражданским процессуальным кодексом РФ, Кодексом административного судопроизводства РФ, Налоговым кодексом РФ.

С учетом особенностей профессии священнослужитель имеет право уклоняться от участия в суде присяжных, подав заявление об исключении себя из списков потенциальных кандидатов (Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»). Религиозные объединения не участвуют в политической деятельности: они не финансируют политические партии, не проводят агитации и не вмешиваются в выборы органов власти любого уровня (Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ). Запрещено действующим законодательством использование религиозных мероприятий и служб для целей

¹ Анисимов И. В. Правовой статус священника в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // ExLegis: правовые исследования. 2017. № 3. С. 9.

предвыборной кампании, распространения агитационных материалов или иных действий, связанных с выборами в Государственную Думу РФ, Президента РФ или референдумом.

Таким образом, патриарх не выделен из числа священнослужителей светским законодательством. Однако предусмотрены специальные гарантии и ограничения для священнослужителей во избежание возможного конфликта интересов между обязанностями и правами священнослужителя и обязанностями и правами гражданина.

Итак, у нас сложилось представление о светском законодательном регулировании правового статуса патриарха. Далее рассмотрим его внутреннее церковное регулирование. Обратим внимание на исследование Ю. Г. Лесковой, в котором она указала, что нормативность применительно к корпоративным отношениям понимают как общеобязательность в рамках определенного корпоративного объединения, к которым, по нашему мнению, можно отнести Русскую православную церковь¹.

Основной внутренний церковный документ, который нуждается в анализе в рамках настоящей статьи, в частности Устав Русской православной церкви, утвержден на заседании Архиерейского собора в 2000 г. Впоследствии в документ внесены поправки: сначала в 2008 и 2011 гг., затем принята обновленная версия текста на Соборе 2013 г. Далее, в 2016–2017 гг., Собор вновь дополнял и уточнял положения Устава.

Глава IV Устава посвящена Патриарху Московскому и всея Руси. В п. 7 перечислены его права и обязанности. Среди них – утверждение постановлений высшего общецерковного суда, в случаях, предусмотренных Положением о церковном суде, утверждение годовых отчетов епархиальных архиереев, утверждение и присуждение ученых степеней и званий, представление Русской православной церкви в отношениях с высшими органами государственной власти и управления, председательство на Архиерейских и Поместных Соборах, распоряжение общецерковными финансами. Пункт 8 повествует о внешних отличительных знаках патриаршего достоинства, которыми являются белый куколь, зеленая мантия, две панагии, великий параман и предносной крест.

¹ Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Источники корпоративного права // Власть Закона. 2015. № 3 (23). С. 60.

В соответствии с п. 11 Устава сан патриарха является пожизненным. Кроме того, Уставом определены и требования к кандидатуре патриарха, о которых мы упоминали ранее в статье. Устав также гласит о том, что священнослужители и церковные работники – граждане РФ – получают в установленном порядке государственную пенсию, если они работают в канонических подразделениях Русской православной церкви, являющихся юридическими лицами¹. Полагаем, что к ним можно отнести и патриарха.

Кроме того, обратим внимание на Положение о церковном суде Русской православной церкви (Московского Патриархата). В соответствии с положениями этого документа судебная власть в Русской православной церкви осуществляется в том числе и Патриархом Московским и всея Руси.

Определения собора Православной российской церкви 1917–1918 гг. сохранили законную силу в их части, которая не отменена формально, не заменена новыми нормами Устава и не противоречит существующим условиям церковной жизни². В контексте нашего исследования наибольший интерес вызывают определения о правах и обязанностях Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, особенно положения о его ответственности. Если патриарх нарушает свои обязанности, трое старших членов Священного синода либо архиереи из состава Высшего церковного совета обращаются к нему с представлением. Если патриарх игнорирует первое обращение, последует второе предупреждение. Если оно тоже останется без внимания, принимают следующие шаги, закрепленные в ст. 10. Если деятельность патриарха противоречит положениям, закрепляющим его права и обязанности, вопрос о наличии оснований для привлечения его к ответственности решают совместно Священный синод и Высший церковный совет. Процесс суда и принятие окончательного решения осуществляются Архиерейским Собором, действующим в рамках Поместного Собора. Решение вступит в силу лишь после одобрения двумя третями голосов участников Поместного Собора. Положения о суде

¹ Пигаев И. А. Субъективные права как элемент правового статуса священника в Русской православной и Римско-католической церкви: исторические и современные аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 55.

² Цылин В., прот. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. С. 228.

нашли отражение в действующей редакции Устава Русской православной церкви.

Среди церковных актов, регулирующих в том числе институт патриаршества в России, можно выделить Указы святейших патриархов, патриарших местоблюстителей и заместителя патриаршего местоблюстителя, такие из них, которые не отменены и не устарели.

Не следует забывать об Уставе религиозной организации «Русская Православная Церковь», так называемом Гражданском уставе. В этом документе правам и обязанностям Патриарха Московского и всея Руси посвящена глава VII. Но их представлено немного, большинство дублируются с положениями Устава Русской православной церкви¹.

Кроме так называемых гражданского и канонического Уставов, в практической деятельности используют Богослужебный устав Церкви (Типикон), который устанавливает порядок совершения православного богослужения. Однако положений, регулирующих интересующий нас институт, он не содержит. Таким образом, можно согласиться с мнением Э. М. Бакулина, который выделяет локальный уровень правового регулирования деятельности организаций в самостоятельный².

Нами установлено, что в судебной практике иногда применяют нормы внутреннего документа Русской православной церкви (так называемого канонического Устава) при разрешении споров с ее участием. Например, Арбитражные суды Москвы в деле № А40-127162/2019 ссылаются на этот внутренний церковный акт. Аналогичная ситуация наблюдается и в случаях, если судьи включают положения Устава в обоснование своих судебных актов, относясь к нему как к официальному документу определенной религиозной структуры. Исходя из этого, можно утверждать, что церковные акты являются неотъемлемой частью правового регулирования института патриаршества в России.

Итак, институт патриаршества в России регулируется светским и церковным законодательством. Применительно к церковному законодательству можно выделить самостоятельные

¹ Шестопалов М. А. Развитие уставных документов Русской православной церкви в современный период // Образование и право. 2023. № 1. С. 396

² Бакулин Э. М. Правовое регулирование деятельности некоммерческих организаций, осуществляющих публично-правовые функции // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 163.

механизмы привлечения к ответственности, внутрицерковные права и обязанности. Государство наделяет патриарха, помимо конституционных прав и свобод, гарантируемых каждому гражданину РФ, специальными правами, которые позволяют патриарху, как священнослужителю, исполнять свои обязанности.

Настоящее исследование служит значимой составляющей комплексной работы по изучению эволюции правового положения патриарха от периода принятия христианства на Руси до наших дней. Это в итоге позволит выявить преемственность и исторические корни современных правовых норм, объяснит причины возникновения определенных правовых конструкций.

Полученные выводы могут стать основой для выработки предложений по улучшению действующего законодательства, устранению пробелов и коллизий в праве, оптимизации взаимодействия государственного аппарата и религиозной структуры. Практическая значимость настоящей статьи заключается в систематизации и анализе нормативных и церковных актов, регулирующих институт патриаршества в России с учетом исторических перерывов и изменений. Полученные результаты способствуют обоснованию современной правовой базы для института, а также служат основой для разработки рекомендаций по совершенствованию законодательства в данной сфере. Проведенное исследование позволяет учитывать историческую преемственность и особенности эволюции правового статуса патриарха, что способствует обеспечению более прозрачной и стабильной правовой регламентации церковно-государственных отношений в России. В целом статья создает основу для дальнейших междисциплинарных исследований и практических мер по развитию правового статуса патриарха, отвечающего современным требованиям и вызовам.

Таким образом, с помощью исследования внесена лепта в теорию и практику юридической науки, предлагаются новое понимание и систематизация материала, посвященного нормативно-правовому регулированию деятельности патриарха.

Библиографический список

1. Анисимов И. В. Правовой статус священника в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // ExLegis: правовые исследования. 2017. № 3. С. 7–10.

2. Бакулин Э. М. Правовое регулирование деятельности некоммерческих организаций, осуществляющих публично-правовые функции // Власть Закона. 2019. № 3 (39). С. 158–164.

3. Гайденок П. И. Правовой статус священников Русской православной церкви: о новой работе И. А. Пибоева // Христианское чтение. 2024. № 1. С. 98–103.

4. Гартин Ю. А., Гудилин Д. С. Правовое положение Русской православной церкви как некоммерческой организации // Наука. Общество. Государство. 2019. Т. 7. № 1 (25). С. 113–120.

5. Ионова З. Н., Скрябин И. В. Особенности развития государственно-конфессиональных отношений в России // Власть Закона. 2019. № 2 (38). С. 101–109.

6. Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Источники корпоративного права // Власть Закона. 2015. № 3 (23). С. 49–65.

7. Павлюк И., свящ. Особенности правового статуса священнослужителей в России // Сретенское слово. 2022. № 2. С. 155–168.

8. Пибоев И. А. Субъективные права как элемент правового статуса священника в Русской православной и Римско-католической церкви: исторические и современные аспекты // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 39. С. 48–59.

9. Цыпин В., прот. Курс церковного права: учеб. пособие. Клин: Христиан. жизнь, 2004. 700 с.

10. Шестопалов М. А. Развитие уставных документов Русской православной церкви в современный период // Образование и право. 2023. № 1. С. 395–401.

А. А. Мухина

магистрант Финансового университета
при Правительстве РФ
Россия, г. Москва
241873@edu.fa.ru

РАЗНООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ПОНИМАНИЮ СУЩНОСТИ ВРАЖДЕБНЫХ ПОГЛОЩЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЕ

A DIVERSITY OF APPROACHES TO UNDERSTANDING THE ESSENCE OF HOSTILE TAKEOVERS IN RUSSIAN DOCTRINE

В статье проанализированы существующие в отечественной доктрине подходы к пониманию сущности враждебных поглощений. Исследованы признаки данного явления с позиции его законности. Проведен анализ соотношения враждебных поглощений со смежным понятием «рейдерство», а также определены критерии их разграничения. Уделено внимание эффективности антимонопольного контроля за сделками слияния и поглощения, которые могут носить враждебный характер. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, какой из подходов к определению сущности враждебных поглощений более предпочтителен. Представлены возможные направления совершенствования законодательства в контексте рассматриваемой темы. Предложены способы, которые можно использовать на практике для предотвращения враждебных поглощений. Полученные результаты дают основу для дальнейшего совершенствования законодательства относительно вопросов, связанных со слияниями и поглощениями.

Ключевые слова: хозяйствующие субъекты, сделки слияния и поглощения, конкуренция, антимонопольный контроль, рейдерство, дружественные поглощения, враждебные поглощения, корпоративный контроль.

The article analyses existing approaches to understanding the nature of hostile takeovers in Russian doctrine. The characteristics of this phenomenon have been examined from the perspective of its legality. The relationship between hostile takeovers and the related concept of corporate raiding is analyzed, and criteria for distinguishing between them are determined. Attention is paid to the effectiveness of

antitrust control over mergers and acquisitions that may be of a hostile nature. The analysis leads to a conclusion regarding the preferable approach to defining the nature of hostile takeovers. Potential areas for legislative improvement in this issue have been presented, as well as practical methods for preventing hostile takeovers have been proposed. The findings provide a basis for further improvements to legislation on mergers and acquisitions.

Keywords: economic entities, mergers and acquisitions, competition, antitrust control, corporate raiding, friendly takeovers, hostile takeovers, corporate control.

В условиях современной рыночной экономики хозяйствующие субъекты постоянно находятся в конкурентной борьбе друг с другом. Чтобы компания не оказалась подавлена конкурентами, ее органы управления принимают всевозможные решения, помогающие организации сохранять свое положение на рынке. Иногда для победы в конкурентной борьбе компании могут прибегать даже к незаконным методам, которые, как правило, становятся возможными ввиду несовершенства законодательства.

Чтобы устранить подобные пробелы в законодательстве, необходимо прежде всего определить правовую природу явлений, возникающих в процессе конкурентной борьбы между организациями. Для этого необходимо их проанализировать, а также сравнить со схожими по своей сущности другими явлениями.

Одним из инструментов роста компании и увеличения ее прибыли служат сделки слияния и поглощения¹. Несмотря на то, что законодательно данное понятие не закреплено, его широко применяют в корпоративных отношениях. Суть слияний и поглощений заключается в приобретении контроля одной организации над другой посредством покупки ее акций (долей) или активов². Однако в связи с тем, что легального термина не установлено, в юридической литературе авторы предлагают множество подходов к определению сущности этого явления.

¹ Иволгина Н. В. Процесс слияния и поглощения компаний как инструмент повышения их рыночной стоимости и достижения конкурентных преимуществ // Бизнес в законе. 2015. № 2. С. 216.

² Абросимов Д. А. Слияния (поглощения) как способ перехода корпоративного контроля: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 90.

По мнению ряда авторов, слияния и поглощения являются эффективным способом развития бизнеса и спасения его от застоя¹. Это становится особенно важным в условиях обостряющейся конкуренции, при которой компании вынуждены постоянно совершенствовать качество продукта или услуги, чтобы они были способны удовлетворить требования потребителей. Для решения такой задачи организациям нужно совершенствовать качество управления компанией, повышать ее стоимость, увеличивать долю рынка. Для достижения указанных целей проводят слияния и поглощения, увеличивающие конкурентные преимущества организации за счет объединения производств под более известным брендом, который помогает компании быть более надежными на рынке.

Другие исследователи, наоборот, утверждают, что проведение сделок слияний и поглощений не направлено на развитие национальной экономики. Такие авторы указывают на то, что на практике главной целью этих сделок становится снижение конкурентоспособности экономики в целом, что приводит к усилению монополии. Они пишут о том, что проведение слияний и поглощений для данных целей зачастую происходит за счет привлечения административного ресурса².

В юридической литературе существует множество делений сделок слияний и поглощений на определенные виды по различным критериям. Одним из таких критериев служит отношение руководства и собственников компании к проведению сделки. По данному основанию слияния и поглощения предлагается разделять на дружественные и враждебные³.

При дружественных слияниях и поглощениях сделка активно поддерживается собственниками компаний, которые решили объединиться. В данном случае главная цель организаций –

¹ Боровкова В. А., Боровкова В. А. Слияния и поглощения как фактор повышения конкурентоспособности предприятий розничной торговли // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 6 (84). С. 59.

² Боровкова В. А., Боровкова В. А. Указ. соч. С. 59.

³ Магомедов Ш. М. Соотношение рейдерства и недружественного поглощения в системе угроз экономической безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 3. С. 123.

добровольное сотрудничество для улучшения конкурентных позиций на рынке¹.

При враждебных слияниях и поглощениях руководство одной из компаний против проведения данной сделки, но с учетом ряда факторов оказывается поглощенной более сильной компанией-инициатором. Речь идет именно о враждебном поглощении, поскольку слияние, как правило, подразумевает проведение сделки между равными по силе организациями. Использование термина «слияние» наиболее подходит для случаев проведения сделок, направленных на развитие компании путем ее объединения с другой организацией.

Вследствие того, что более сильная компания может пойти против воли собственников более мелкой и поглотить ее, подобные захваты могут быть использованы для устранения конкурентов и усиления доминирующего положения на рынке одной организации. В связи с этим возникает вопрос о том, насколько действующее законодательство способно контролировать данные явления и не допускать монополизации рынка.

Антимонопольный контроль за сделками слияния и поглощения относится к компетенции Федеральной антимонопольной службы (ФАС). Данный государственный орган осуществляет превентивное воздействие на конкурентную среду для предотвращения возможного появления монополий на рынке. Правовое регулирование в отношении вопросов антимонопольного контроля в течение последних лет вполне сформировалось².

Это подтверждается в том числе принятыми Президиумом ФАС разъяснениями относительно вопросов, связанных с рассматриваемыми общественными отношениями. В данном разъяснении обобщены различные позиции органа по антимонопольному контролю. В документе уделено внимание и позиции о том, что рыночная доля хозяйствующего субъекта не является главным критерием наличия рыночной власти. Поэтому для принятия решения об одобрении сделки необходимо проводить полноценный анализ конкурентной среды.

¹ Магомедов Ш. М. Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов в условиях угроз недружественного поглощения: дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. С. 12.

² Гаврилов Д. А. Антимонопольный контроль сделок слияний и поглощений в текущих условиях // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4 (32). С. 37.

Таким образом, антимонопольный контроль со стороны ФАС в настоящее время осуществляется успешно. Однако это не отменяет возможности проведения враждебных поглощений, которые возникают вследствие несовершенства законодательства в данной области. Поскольку в российском правовом поле отсутствует комплексное регулирование слияний и поглощений, вопросы враждебных поглощений остаются неразрешенными. Чтобы предотвратить осуществление таких сделок, целесообразно развивать законодательство, и в первую очередь ввести термин для рассматриваемого явления.

В юридической литературе сегодня активно продолжается дискуссия о содержании термина «враждебное поглощение». Прежде всего остается открытым вопрос о том, какие признаки характерны для данного явления и как оно соотносится со смежными понятиями.

Одни авторы считают, что враждебные поглощения являются рейдерством, другие – соотносят их как часть и целое. По мнению третьих, враждебные поглощения и рейдерство – разные по своей природе явления¹. Рассмотрим каждый из этих подходов подробнее.

Российское законодательство не содержит понятия «рейдерство». Данный термин появился за рубежом, и в настоящее время его активно используют в работах отечественные авторы. В большинстве случаев рейдерство определяют как захват организации, который осуществляется посредством незаконного перехода прав собственности на имущество и активы общества с последующим завладением корпоративного управления без согласия собственников хозяйствующего субъекта². Иными словами, под рейдерством чаще понимают захват бизнеса с использованием преступных действий, которые влекут значительные нарушения прав хозяйствующих субъектов. При этом авторы обращают внимание на то, что появлению возможностей проводить такие захваты способствует коррупция.

Сторонники теории отождествления рейдерства и враждебного поглощения считают, что под враждебным поглощением следует понимать получение незаконного корпоративного контроля над организацией без получения согласия

¹ Магомедов Ш. М. Указ. соч.

² Косарева Н. Е. Рейдерство как правовая категория // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 146.

руководства компании¹. Следовательно, эти два понятия по своей сути синонимичны.

В связи с тем, что в данных случаях незаконное поглощение и рейдерство являются противоправными действиями, ряд авторов предлагает усовершенствовать уголовное законодательство, в частности повысить эффективность мер противодействия рейдерским захватам, в первую очередь за счет норм коррупционной направленности².

Сторонники второй теории утверждают, что понятия рейдерства и враждебного поглощения не могут быть равнозначными, поскольку в основе этих явлений находятся разные признаки³. Авторы, которые придерживаются указанной точки зрения, считают, что рейдерство носит исключительно противоправный характер, а враждебные поглощения осуществляются в рамках действующего законодательства.

В данном случае под рейдерством понимают незаконный захват контроля над компанией против воли ее собственников при помощи инициирования специальных бизнес-конфликтов, а также с привлечением коррупционных административных ресурсов. Враждебные поглощения представляют собой передачу корпоративного контроля с применением законных методов, которая может быть даже желательна для органов управления организации в ситуациях снижения уровня рентабельности компании, произошедшей вследствие неправильного управления ее деятельностью⁴. Из этого следует, что в изложенной теории основным критерием разделения рейдерства и враждебного поглощения служит соблюдение действующего законодательства при получении контроля над компанией: при рейдерстве

¹ Магомедов III. М. Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов в условиях угроз недружественного поглощения: дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. С. 16.

² Бидова Б. Б. Противодействие коррупции в сфере недружественных слияний и поглощений (рейдерских захватов) // Евразийский научный журнал. 2016. № 12. С. 109.

³ Дмитриева Е. И. Недружественные поглощения и способы защиты от них, применяемые в Российской Федерации // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по материалам XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 21 сентября 2020 г.). Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2020. Т. 9 (37). С. 20.

⁴ Рыжих И. В., Тумаков А. В. Недружественные поглощения акционерных обществ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 67.

применяют исключительно незаконные средства, а враждебное поглощение происходит в рамках закона.

При этом точка зрения, согласно которой рейдерство воспринимается исключительно как противоправное явление, не единственная. Существуют сторонники теории деления рейдерства на незаконное, которое нарушает действующие нормы права, и законное, осуществляемое при помощи законных средств. С учетом этого становится понятным, что такая теория предполагает разделение рейдерства на черное, серое и белое¹.

Под черным рейдерством понимают захват корпоративного контроля над организацией с использованием незаконных действий. К средствам, которые используют для захвата предприятий таким образом, относятся наличие коррупционных связей, фальсификация документов (например, решений общего собрания), использование мошенничества, подкуп и др. Иными словами, под черным рейдерством понимают совершение таких действий по установлению контроля над организацией, которые прямо противоречат действующему законодательству.

При сером рейдерстве используют методы, являющиеся незаконными в определенной степени, то есть их реализация оказывается возможной вследствие несовершенства законодательства. Действиями для установления контроля над организацией при сером рейдерстве могут быть шантаж контрагентов компании с целью сделать невозможной дальнейшую деятельность конкретного хозяйствующего субъекта; доведение организации до банкротства и др.

Белое рейдерство представляет собой получение корпоративного контроля над организацией с применением методов, находящихся в рамках законодательства. К таким средствам можно отнести скупку акций миноритарных участников общества для последующего переизбрания органов управления компании, построение определенных отношений с частью собственников организации в целях склонить их к совершению сделки по поглощению и др. Именно к этому виду рейдерства относят враждебные поглощения. Итак, согласно данной теории, враждебное поглощение рассматривают как одну из составных частей рейдерства, которое осуществляется в рамках

¹ Артюхин А. Н. Понятие рейдерства и недружественного поглощения в России // Актуальные проблемы права. 2016. № 3. С. 91.

действующего законодательства¹. В соответствии с изложенным подходом под враждебным поглощением следует понимать деятельность по установлению контроля над компанией с использованием законных способов, без получения согласия участников данной организации.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что в отечественной юридической литературе нет единообразного подхода к пониманию ни рейдерства, ни враждебных поглощений.

Иногда враждебные поглощения могут сопровождаться агрессивным противостоянием сторон. В связи с этим ряд авторов придерживаются мнения о том, что враждебные поглощения и рейдерство – равнозначные понятия, в основе которых находится совершение противоправных действий². Но данная точка зрения не совсем верна, что находит подтверждение в работах других исследователей. Согласно этому подходу, рейдерство и враждебные поглощения являются разными по своей сути явлениями, которые не стоит смешивать, поскольку в основе их разграничения представлен критерий соблюдения действующего законодательства³.

Такое понимание рассматриваемых терминов видится более верным, поскольку оно также будет соответствовать зарубежному опыту, с учетом которого рейдерство представляет собой совершение криминальных действий. Враждебные поглощения, хотя и агрессивны в ряде случаев, но являются легальными способами получения контроля над бизнесом.

Из этого следует, что для искоренения рейдерства и враждебных поглощений нужно применять разные механизмы⁴. Для устранения рейдерства целесообразно совершенствовать уголовное законодательство, в первую очередь нормы коррупционной направленности. Для борьбы с враждебными поглощениями требуются изменения в области гражданского законодательства, в том числе относительно введения норм антипоглощающей направленности. Однако ввиду того, что законодатель не готов закреплять институт слияний и поглощений

¹ Магомедов Ш. М. Указ. соч.

² Дмитриева Е. И. Указ. соч.

³ Магомедов Ш. М. Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов в условиях угроз недружественного поглощения: дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. С. 18.

⁴ Дмитриева Е. И. Указ. соч. С. 21.

в отечественном правовом поле, нормы антипоглощающего характера вряд ли будут введены. Поэтому сегодня нужно использовать иные способы защиты¹.

Поскольку враждебные поглощения в большинстве случаев происходят при неудачном управлении компанией, вследствие которого собственники организаций вынуждены согласиться с поглощением, для предотвращения этих явлений необходимо осуществлять эффективный внутрикорпоративный контроль. К таким методам можно отнести постоянный мониторинг кредиторской задолженности компании; надежное хранение документации и информации организации для предотвращения несанкционированного доступа к ним; детальную проработку содержания локальных актов в аспекте процедуры переизбрания и прекращения полномочий органов управления; постоянный контроль за состоянием сделок с акциями и др.² Проведение указанных мероприятий на постоянной основе поможет снизить риск утраты корпоративного контроля против воли собственников компании.

Библиографический список

1. Абросимов Д. А. Слияния (поглощения) как способ перехода корпоративного контроля: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 327 с.
2. Артюхин А. Н. Понятие рейдерства и недружественного поглощения в России // Актуальные проблемы права. 2016. № 3. С. 89–95.
3. Бидова Б. Б. Противодействие коррупции в сфере недружественных слияний и поглощений (рейдерских захватов) // Евразийский научный журнал. 2016. № 12. С. 109–111.
4. Боровкова В. А., Боровкова В. А. Слияния и поглощения как фактор повышения конкурентоспособности предприятий розничной торговли // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 6 (84). С. 58–63.
5. Гаврилов Д. А. Антимонопольный контроль сделок слияний и поглощений в текущих условиях // Российское конкурентное право и экономика. 2022. № 4 (32). С. 36–41.
6. Дмитриева Е. И. Недружественные поглощения и способы защиты от них, применяемые в Российской Федерации //

¹ Абросимов Д. А. Указ. соч. С. 221.

² Дмитриева Е. И. Указ. соч. С. 22.

Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по материалам XXXVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 21 сентября 2020 г.). Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2020. Т. 9 (37). С. 18–24.

7. *Иволгина Н. В.* Процесс слияния и поглощения компаний как инструмент повышения их рыночной стоимости и достижения конкурентных преимуществ // Бизнес в законе. 2015. № 2. С. 216–218.

8. *Косарева Н. Е.* Рейдерство как правовая категория // Пробелы в российском законодательстве. 2011. № 2. С. 144–147.

9. *Магомедов Ш. М.* Соотношение рейдерства и недружественного поглощения в системе угроз экономической безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 3. С. 122–125.

10. *Магомедов Ш. М.* Экономическая безопасность хозяйствующих субъектов в условиях угроз недружественного поглощения: дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. 178 с.

11. *Рыжих И. В., Тумаков А. В.* Недружественные поглощения акционерных обществ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 67–70.

УДК 343.915 (470.67)
ББК 67.408

Р. Б. Ханмурзаев

преподаватель кафедры уголовного права
и государственно-правовых дисциплин
Дагестанского государственного университета народного
хозяйства,
судебный пристав-исполнитель Межрайонного отдела судебных
приставов по исполнению исполнительных документов о
взыскании алиментных платежей
Россия, г. Хасавюрт
hanmurzaev@r05.fssp.gov.ru

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕУПЛАТЫ
СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ИЛИ
НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ
УРОВНЕ**

**CRIMINOLOGICAL FEATURES OF NONPAYMENT OF FUNDS
FOR MAINTAINING CHILDREN OR DISABLED PARENTS
AT THE REGIONAL LEVEL**

В статье исследованы криминологические особенности неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей на региональном уровне. В рамках исследования охарактеризованы состояние, динамика и тенденции данного преступления, выявлены факторы, детерминирующие неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Посредством обобщения материалов следственной и судебной практики, результатов социологических опросов среди различных категорий населения составлены криминологические «портреты» родителя, являющегося неплательщиком средств на содержание детей, и совершеннолетнего трудоспособного лица, игнорирующего материальные потребности нетрудоспособных родителей. На основе анализа региональных особенностей детерминантов и криминологических «портретов» неплательщиков определены меры профилактики. Автором предложены направления совершенствования специально-криминологических мер минимизации фактов неуплаты алиментов. Особое внимание в статье уделено нравственно-воспитательным мерам

профилактики неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Показана превентивная роль религии, национальных традиций и обычаев. Согласно позиции автора, важно использовать профилактический потенциал нравственно-воспитательных мер в системе профилактики исследуемых деяний на общегосударственном уровне.

Ключевые слова: региональный уровень, неуплата, средства на содержание, несовершеннолетние дети, совершеннолетние дети, нетрудоспособные родители, криминологический анализ, криминологические особенности, криминологический «портрет», минимизация факторов, специально-криминологические меры, нравственно-воспитательные меры.

The article examines the criminological features of nonpayment of funds for maintaining of children or disabled parents at the regional level. The study identifies the status, dynamics, and trends of this crime, as well as the factors that determine nonpayment of funds for maintaining of children or disabled parents. By summarizing materials from investigative and judicial practice, as well as the results of sociological surveys among various categories of the population, the article provides criminological profiles of parents who do not pay funds for maintaining of children and adults who ignore the material needs of disabled parents. Based on the analysis of regional characteristics of determinants and criminological “portraits” of defaulters, preventive measures have been identified. The author has proposed certain ways to improve specific criminological measures to minimize the facts of nonpayment of alimony. The article places particular emphasis on moral and educational measures to prevent nonpayment of funds for the maintaining of children or disabled parents. The preventive role of religion, national traditions and customs is demonstrated. From the author's perspective, it is important to use the preventive potential of moral and educational measures in a system of prevention of these acts at the national level.

Keywords: regional level, nonpayment, maintaining funds, minor children, adult children, disabled parents, criminological analysis, criminological features, criminological “portrait”, minimization of factors, special criminological measures, moral and educational measures.

Введение

В правовом государстве на первом месте находятся интересы подрастающего поколения, проблемы его защиты и нормального развития. Поэтому значительное количество норм уголовного законодательства должно быть направлено на охрану прав несовершеннолетних. Помимо уголовного законодательства, «на защиту конституционных прав личности направлены многочисленные национальные проекты»¹ в интересах и для блага детей и подростков. Как справедливо пишет И. В. Ростовщиков, «существует целый ряд оснований, по которым оценивают отношение того или иного государства к правам и свободам человека и гражданина. Одним из наиболее ярких показателей такого отношения выступает закрепление прав и свобод»² в нормативно-правовых актах.

Согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации (РФ) «забота о детях и об их воспитании является обязанностью родителей»³. Согласно ст. 80 Семейного кодекса (СК) РФ «родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей и нуждающихся в помощи нетрудоспособных детей, достигших совершеннолетия»⁴. Как точно указала И. А. Петрова, «игнорирование этих требований закона может поставить названных выше лиц в тяжелые условия, обречь на голодное существование, поскольку в силу своих личностных особенностей (малолетства, болезни, беспомощности) они не способны обеспечить себя материально без помощи своих близких и

¹ Маликова М. Г., Шубина О. А. Пробелы в законодательстве о побоях как фактор насилия в эпоху цифрового общества // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 139.

² Ростовщиков И. В. Конституционные права и свободы в истории России и идеология // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 72.

³ Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38 Конституции РФ): принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.07.2025).

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 20.07.2025).

государства»¹. В соответствии со ст. 71 СК РФ «лишение родительских прав не освобождает родителей от обязанности содержать своего ребенка»². Г. С. Джумагазиева, Т. С. Датцкая пишут о том, что «суд при принятии решения о лишении родительских прав обязан рассмотреть вопрос о взыскании алиментов на ребенка с родителей, лишенных родительских прав»³.

Несмотря на строгости правовых мер, по официальным данным, в России за последние три года на 19,5 % возросло количество несовершеннолетних, признанных потерпевшими в результате преступлений, из которых значительная часть (55,2 тыс.) связана с неуплатой средств на их содержание. Вопреки неутешительным данным, отраженным в документах правозащитниками, в последние годы в России статистика показывает снижение преступности против семьи и несовершеннолетних (2013 г. – 74 080, 2014 г. – 77 547, 2015 г. – 79 094, 2016 г. – 31 900, 2017 г. – 59 093, 2018 г. – 55 985, 2019 г. – 54 678, 2020 г. – 47 503, 2021 г. – 58 814, 2022 г. – 59 093, 2023 г. – 54 636)⁴. Тем не менее преступность против семьи и несовершеннолетних в эпоху цифрового общества стала глобальной проблемой. По мнению исследователей⁵, преступность данной категории обусловлена общими факторами, ее порождающими, а также обладает региональными особенностями. Поэтому «при анализе регионально-территориальных особенностей

¹ Петрова И. А. К вопросу о понятии злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10. С. 1294.

² Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 23.11.2024) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 20.07.2025).

³ Джумагазиева Г. С., Датцкая Т. С. Правовые последствия лишения родительских прав в России // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 172.

⁴ Статистика преступности // Российская криминологическая ассоциация имени А. И. Долговой. URL: https://crimas.ru/?page_id=5050 (дата обращения: 20.07.2025).

⁵ Кладько В. В. Насильственные посягательства в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологической аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2022. С. 15; Саранов А. В. Уголовная ответственность за преступления против свободы несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. С. 5.

преступности следует обратить внимание на то, что ее содержательные характеристики зависят не только от состояния общества в целом, но и от специфики протекания общественных процессов в регионах»¹. При проведении регионального исследования нужно учитывать особенности криминологических показателей, характерных именно для того или иного региона РФ. Как известно, по многим социальным показателям республики Северного Кавказа занимают последние позиции среди субъектов РФ. В свою очередь, социальные показатели – своего рода индикаторы преступности в той или иной сфере жизни общества.

Основная часть

Во многих регионах РФ наблюдается тенденция постоянного роста случаев злоупотребления родительскими обязанностями, что выражено в неуплате средств на содержание несовершеннолетних или совершеннолетних нетрудоспособных детей. Обобщение данных Главного информационно-аналитического центра (ГИАЦ) МВД России показало, что в структуре преступности изучаемого вида наиболее распространенным деянием является неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

Снижение количества преступлений, предусмотренных ст. 157 Уголовного кодекса (УК) РФ, связано с изменением диспозиции уголовно-правовой нормы и установлением административной преюдиции. Количество административных преступлений, предусмотренных ст. 35.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ), возросло за 2017–2018 гг. Только в одном субъекте РФ, в частности Республике Дагестан, согласно статистике, в 2024 г. зарегистрировано 11 827 (в 2016 г. – 7 743) правонарушений, связанных с игнорированием прав несовершеннолетних и нетрудоспособных родителей на нормальные материальные условия в семье.

Как свидетельствуют результаты исследования, в основном неплательщиком становится один из родителей несовершеннолетнего. К этой категории относятся чаще всего отцы детей. Женщины среди неплательщиков в Республике Дагестан составляют всего 4 %. Включенное наблюдение в рамках нашей профессиональной деятельности показало, что низкая доля женщин связана не только с небольшим количеством детей,

¹ Кабакова Н. В. Криминологическое изучение православных традиций и обычаев и их использование в предупреждении преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.

остающимся с отцом после развода родителей, но и с местным менталитетом, не позволяющим мужчине требовать от женщины средств на содержание ребенка.

Обзор судебной хроники в других регионах РФ показал, что женщины нередко совершают данное преступление. Исследования ученых свидетельствуют о том, что в целом в России женщины среди неплательщиков средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей составили 15 %.

В следственной практике известны случаи, в которых неплательщиками выступают оба родителя, ведущие маргинальный образ жизни. В связи с этим проживание несовершеннолетних с ними невозможно. В основном в республиках Северного Кавказа не платят алименты на содержание несовершеннолетних детей мужчины. Обзор судебной хроники в других регионах показал, что женщины редко совершают данное преступление.

Правильно охарактеризовать личность лиц, не уплативших средства на содержание детей или нетрудоспособных родителей, невозможно без исследования его социальных свойств и проявлений. Проведенное исследование показало, что рассматриваемая категория преступников не является деморализованной, испорченной, общественно опасной. В числе лиц, не уплативших средства на содержание детей или нетрудоспособных родителей, чаще всего оказываются молодые люди 26–29 лет. Подобные результаты получены в ходе исследований, проведенных различными авторами¹.

В основном речь идет о сельских жителях. Это обстоятельство в определенной мере объясняется высоким уровнем безработицы в сельской местности. Социальное положение и род занятий лиц, не уплативших средства на содержание детей или

¹ Зиядова Д. З., Харламов В. С. Уклонение от уплаты средств на содержание детей в криминологическом контексте // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219). С. 257; Морозова Ю. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150–157 УК РФ): учеб. пособие. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2020. С. 58; Сунгаева Н. Ю. Вопросы привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 УК РФ // Вестник науки: науч. электрон. журнал. 2019. № 10 (19). Т. 4. С. 98. URL: <https://www.вестник-науки.pf/article/2177> (дата обращения: 09.04.2025).

нетрудоспособных родителей, свидетельствуют о том, что это граждане РФ, которые трудоспособны, но не работают и не обучаются.

Нами установлено, что распространенность преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ, является следствием слабого реагирования со стороны общественности. Во многих районах республик Северного Кавказа потерян былой превентивный потенциал семейно-родственных отношений, наблюдается нравственный и правовой нигилизм. И правовой нигилизм большей части населения становится следствием нереагирования авторитетных представителей общественности на факты совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних. К факторам неуплаты алиментов можно отнести озлобленность двух бывших супругов друг на друга: один из родителей, требуя алименты, пытается ухудшить материальное положение другого; другой, уклоняясь от уплаты, стремится показать принципиальность, твердость характера.

Социологические методы исследования позволили установить интересные факты, связанные с межличностными отношениями между бывшими супругами. В основном должники-мужчины считают, что алименты, выплачиваемые на содержание ребенка (детей), получатель расходует не по назначению, то есть детям не приобретают одежду и продукты питания, а бывшая супруга тратит их на свое содержание, косметику, одежду. Путем включенного наблюдения выявлены факты использования алиментов не по назначению. Женщины, получающие алименты от бывшего супруга, игнорировали интересы и нужды детей, тратили средства на их содержание по своему усмотрению. Некоторые женщины подачей иска на получение алиментов пытаются помешать бывшему супругу спокойно жить в новой семье, постоянно напоминая о своем существовании.

Фактором преступлений, связанных с ущемлением прав детей или нетрудоспособных родителей на материальное обеспечение в семье, становится всевозрастающее неуважение населения к нормам права, то есть правовой нигилизм. Как справедливо указывают респонденты социологических опросов, проведенных в рамках исследования, в ряде регионов РФ правовой нигилизм воспроизводится представителями органов власти. По мнению 88 % опрошенных, если установленные государством предписания не соблюдают государственные органы, ведомственные и должностные лица, чего можно

требовать от молодых людей, к тому же не имеющих достаточного заработка.

С учетом того, что в интересах народа работает лишь мизерная часть государственных чиновников, можно утверждать, что в обществе складывается ведомственный правовой нигилизм. Вследствие поведения государственных представителей, по справедливому утверждению И. Н. Сысоевой, «в обществе складывается широко распространенный среди населения обыденный, массовый правовой нигилизм»¹. Следует согласиться с мнением большинства опрошенных (78 %) о том, что в таких условиях очень трудно воспитывать позитивное отношение к праву у населения, особенно у молодого поколения. В свою очередь, «нигилизм возможен там, где происходит обесценивание жизни, теряются цели жизнедеятельности»².

В целях совершенствования системы противодействия преступности против несовершеннолетних и нетрудоспособных родителей важно совершенствовать специально-криминологические меры. Нельзя не согласиться с мнением ученых в том, что «одной из действенных превентивных специально-криминологических мер является наложение обязательств по выплате неустойки, которая составляет 0,5 % от величины задолженности ежедневно»³. По нашему мнению, наиболее действенной мерой по взысканию средств с неплательщиков служит запрет на выезд за пределы РФ. Как уточняют А. В. Антюхов и С. В. Кара, «законодатель изменил тактику борьбы со злостными неплательщиками алиментов путем усиления административных мер воздействия на них и сужения их жизненных благ, ограничив перемещение должников за

¹ Сысоева И. Н. Правовой нигилизм, способы его преодоления в современных условиях // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 44.

² Кукушкина А. А. Особенности правового нигилизма в современном обществе и способы его преодоления // Наука, образование и культура. 2016. № 6. С. 87.

³ Горбатова М. А., Лесин В. Е. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей: проблемы теории и практики // Право: история и современность. 2020. № 3 (12). С. 92; Сунгаева Н. Ю. Указ. соч.

границу, а также предусмотрев возможность лишения их права управлять транспортным средством»¹.

На наш взгляд, превентивное значение имеет лишение права управлять автомобилем, права на ношение оружия, ловлю рыбы и охоту. Такие меры применяют в системе профилактики преступлений, связанных с ущемлением прав и интересов детей и пожилых родителей в семье, в некоторых зарубежных странах. К примеру, во Франции определены дополнительные виды наказаний в форме «лишения водительских прав, запрета выезда за границу, опубликования судебного акта в СМИ и др. (ст. 227-29, 227-30 УК Франции)»². В Канаде должников, помимо водительских прав, лишают права на ловлю рыбы и охоту. «В некоторых штатах США судебные власти должникам ставят блокираторы на автомобили, причем отцам мальчиков – синие, а отцам девочек – розовые»³.

Существенное значение в профилактике неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей имеют нравственно-воспитательные меры. Заботиться о родителях, уважать и любить их, создавать благоприятные условия для воспитания гуманно настроенного подрастающего человека призывают нормы всех религий. Каждая ступень в религии ведет к нравственному улучшению. В таком ракурсе неопределима превентивная роль моральной системы религии. По нормам религии, в первую очередь нужно любить, уважать и заботиться о близких людях. Искренне верующий человек никогда не оставит без поддержки и защиты детей, пожилых родителей. Этим объясняется превентивная ценность религиозной социализации личности.

На региональном уровне в профилактике данных деяний существенное значение имеют народные традиции и обычаи. В условиях цифрового общества утрачиваются народные традиции

¹ Антюхов А. В., Кара С. В. Новая редакция статьи 157 УК РФ: частичная декриминализация или изменение тактики борьбы? // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 268.

² Новый Уголовный кодекс Франции: принят 22 июля 1992 г. / пер., послесл. Н. Е. Крыловой. М.: Юрид. колледж МГУ, 1993. С. 15.

³ Примерный Уголовный кодекс США 1962 г. // Юридическая Россия: федер. правовой портал. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258> (дата обращения: 11.04.2025).

и обычаи, что формирует безнравственность, цинизм и антипатриотизм. В свою очередь, в профилактике неуплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей следует использовать превентивный потенциал национальных традиций и обычаев.

Российские народы веками вырабатывали приемы, методы и средства социализации личности с правомерным поведением, которые переходили в своеобразные традиции, регламентирующие этот процесс в семье. Н. В. Кабакова пишет: «Формировавшиеся веками социальной практики, эти нормы несут в себе огромный нравственный заряд и служат основой духовного формирования личности, что, безусловно, повышает иммунитет ко всякого рода злу, в том числе совершению преступлений»¹. Традиции семейной культуры – кладезь мудрости, запасник педагогической мысли и нравственного здоровья.

Благодаря традициям и обычаям сохраняются вековые семейные устои и ценности. Как показывает процесс исследования, ценности семейных отношений точно отражены в традициях и обычаях народов РФ. Семейные традиции уникальны и выработаны веками саморегулирующего обычного права, основанного на мудрости и великодушии. У многих народов существуют интересные обычаи, обряды, символизирующие счастливое начало будущей семьи. К примеру, у ряда славянских народов принято перед началом застолья встречать молодых караваем, и в результате определяют главу семьи, которым обычно становится мужчина. Все обряды символизируют священную силу семьи, любви и взаимопонимания.

Не являются исключением обряды, традиции и обычаи народов Северного Кавказа. Проведенное исследование показало, что каждый населенный пункт имеет адаты, отличающиеся от адатов соседних сел. К примеру, Республика Дагестан – анклав разных национальностей и этносов. Поэтому национальные традиции и обычаи оказывают существенное влияние на формирование личности с правомерным поведением. В республиках Северного Кавказа, как свидетельствуют целевые региональные исследования, семья в структурном отношении видится более устойчивой и сплоченной.

¹ Кабакова Н. В. Указ. соч. С. 5.

В условиях изменения нравственных ценностей перед российским государством стоит сложная задача защиты и развития национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей. Основное богатство национальной системы социализации подрастающего поколения сосредоточено в семье. В свою очередь, семейное воспитание служит основой государственной системы социализации молодежи в рамках сохранения и оберегания традиционных ценностей.

Согласно целевым региональным исследованиям, в соответствии с традициями к семейной жизни необходимо готовить с малых лет: мальчика – к роли главы семьи, девочку – к роли хранительницы единства семьи. В республиках Северного Кавказа стремятся придерживаться такого святого семейного правила, несмотря на повсеместное перестраивание традиционных семейных ценностей.

В рассматриваемом регионе российского государства для многих людей достойная жизнь родителей и детей – святое дело. У родителей, особенно у главы семьи, дети находятся в центре внимания. В свою очередь, все члены семьи преклоняются перед ее главой. Поэтому отец, в основном выступающий в качестве главы семьи, всегда чувствует ответственность перед обществом за благосостояние детей и родителей. После создания семьи мужчина берет на себя ответственность за ее материальную обеспеченность, благополучие и безопасность. Женщину считают хранительницей благоприятной обстановки в семье, способствующей достойному воспитанию подрастающего поколения. В этих семьях детей воспитывают в сфере взаимопомощи и взаимоподдержки, чтобы в дальнейшем и они стали такими же образцовыми членами ячейки общества. Только в таком ключе пример родителей выступает в качестве метода социализации гармонично развитого подрастающего поколения. Кроме того, «крепкая и полная семья – один из основополагающих элементов стабильного и динамично развивающегося государства»¹.

По традициям республик Северного Кавказа, уважения и поддержки заслуживают пожилые люди, которые являются советчиками и образцами нравственности и мужества. На современном этапе развития общества в горных районах

¹ Горбатова М. А., Лесин В. Е. Указ. соч.

республик Северного Кавказа подростки и юноши внимательно относятся к советам пожилых людей рода. И в тяжелый период уничтожения семейных ценностей в семьях данного региона стремятся придерживаться общепринятых правил: слушать старших по возрасту, доброжелательно относиться к ним, обращаться с пожилыми людьми вежливо, исполнять их поручения.

Согласно традициям, дети должны с уважением и почтением относиться к родителям, заботиться о них, быть опорой и защитой в старости. Заботливое отношение к ним для совершеннолетних детей является законом. О силе традиций говорит то, что в горных районах республик Северного Кавказа почти не выявлены случаи оставления пожилых родителей без поддержки и внимания детей или родственников. К совершеннолетним трудоспособным детям, не желающим заботиться о родителях, и в настоящее время относятся с презрением. Может отчасти такое отношение к пожилым родителям связано с отсутствием уголовных дел, возбужденных по ч. 2 ст. 157 УК РФ.

Заключение

С учетом изложенного можно сделать ряд выводов.

1. Семья представляет собой один из основных субъектов профилактики преступлений, связанных с игнорированием прав и интересов детей и пожилых родителей на материальное обеспечение в семье. Как показывают целевые региональные исследования, семья – территория абсолютной защищенности, на которой родных людей любят независимо от характера, талантов, жизненных успехов, материального положения.

2. В любом ракурсе социализация подрастающего человека в рамках благополучной семьи имеет наибольший превентивный эффект по сравнению с другими субъектами социального контроля. Авторитет родных и родственников увеличивает их возможности оказать превентивное влияние на лиц, ущемляющих права и интересы детей и родителей. В этой связи важно повсеместно повышать ценности семейного образа жизни, сохранения духовно-нравственных традиций в семейных отношениях.

3. Традиции и обычаи народов обладают огромным профилактическим потенциалом в сфере нравственной социализации молодежи и подготовки к семейным отношениям.

4. Использование превентивных возможностей традиций и обычаев народов российского государства в рамках нравственно-

воспитательных мер профилактики неуплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей лицами молодого возраста особенно актуально в условиях цифрового общества. В цифровом мире теряются нравственные основы, выработанные веками развития общества. Такая ситуация сложилась во многих европейских странах, в которых преданы забвению традиционные ценности семейных отношений. Особенно изменились нравственные устои молодых людей, являющихся представителями «цифрового поколения». Родители молодежного возраста не беспокоятся о нравственной социализации детей, а совершеннолетние дети оставляют без материального положения нетрудоспособных родителей. В свою очередь, традиционные семейные ценности, основанные на доброте и взаимопомощи, служат богатейшим материалом для внедрения в процесс воспитания в современных условиях.

Библиографический список

1. Антюхов А. В., Кара С. В. Новая редакция статьи 157 УК РФ: частичная декриминализация или изменение тактики борьбы? // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 268–279.
2. Горбатова М. А., Лесин В. Е. Уголовная ответственность за неуплату средств на содержание детей: проблемы теории и практики // Право: история и современность. 2020. № 3 (12). С. 92–99.
3. Джумагазиева Г. С., Датука Т. С. Правовые последствия лишения родительских прав в России // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 162–175.
4. Зиядова Д. З., Харламов В. С. Уклонение от уплаты средств на содержание детей в криминологическом контексте // Право и государство: теория и практика. 2023. № 3 (219). С. 257–259.
5. Кабакова Н. В. Криминологическое изучение православных традиций и обычаев и их использование в предупреждении преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 143 с.
6. Кладько В. В. Насильственные посягательства в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологической аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2022. 204 с.

7. Кукушкина А. А. Особенности правового нигилизма в современном обществе и способы его преодоления // Наука, образование и культура. 2016. № 6. С. 87–89.

8. Маликова М. Г., Шубина О. А. Пробелы в законодательстве о побоях как фактор насилия в эпоху цифрового общества // Власть Закона. 2025. № 1 (61). С. 139–155.

9. Морозова Ю. В. Преступления против семьи и несовершеннолетних (ст. 150–157 УК РФ): учеб. пособие. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ, 2020. 90 с.

10. Петрова И. А. К вопросу о понятии злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 10. С. 1291–1297.

11. Ростовицков И. В. Конституционные права и свободы в истории России и идеология // Власть Закона. 2024. № 3 (59). С. 72–85.

12. Саранов А. В. Уголовная ответственность за преступления против свободы несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2025. 22 с.

13. Сысоева И. Н. Правовой нигилизм, способы его преодоления в современных условиях // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 44–45.

14. Сунгаева Н. Ю. Вопросы привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 УК РФ // Вестник науки: науч. электрон. журнал. 2019. № 10 (19). Т. 4. С. 98–102. URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/2177> (дата обращения: 09.04.2025).

Б. С. Шалабаев

аспирант кафедры гражданского права и правового
регулирования инновационной деятельности факультета
экономики и права
Астраханского государственного университета имени В. Н.
Татищева
Россия, г. Астрахань,
samsungj718082017@gmail.com

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ЮРИДИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ СМАРТ-КОНТРАКТА

ON THE CONCEPT AND LEGAL ESSENCE OF A SMART CONTRACT

Статья посвящена проблеме преодоления терминологической разрозненности в сфере правового регулирования смарт-контракта. Проанализированы существующие в отечественной цивилистической доктрине, актах органов исполнительной власти и документах Банка России подходы к определению их правовой сущности, выраженные в понятиях «смарт-контракт», «умный контракт», «самоисполняемая сделка», «самоисполняемый договор», «сетевой договор». Особое внимание уделено критическому осмыслению этих дефиниций и аргументации в пользу законодательной унификации понятийного аппарата. С учетом применения формально-юридического и сравнительно-правового методов автором сформулировано и обосновано собственное определение смарт-контракта как «договора, заключаемого в электронной форме посредством программного кода и технологии распределенного реестра». Сделан вывод о том, что предлагаемая дефиниция способна стать основой для последовательного регулирования общественных отношений, возникающих в связи с использованием данной технологии, и последующей модернизации гражданского законодательства.

Ключевые слова: смарт-контракт, умный договор, самоисполняемый договор, самоисполняемая сделка, программный код, договор, форма договора, гражданское законодательство.

The article addresses the problem of overcoming terminological inconsistencies in the sphere of legal regulation of smart contracts. It analyzes the existing approaches to defining their legal essence in the Russian civil law doctrine, acts of executive authorities and documents of the Bank of Russia, expressed in such concepts as “smart contract”, “self-executing transaction”, “self-executing contract”, “network contract”. Particular attention is paid to the critical understanding of these definitions and arguments in favor of legislative unification of the conceptual apparatus. Based on the application of formal legal and comparative legal methods, the author formulated and justified his own definition of a smart contract as “a contract concluded electronically using software code and distributed registry technology”. It is concluded that the proposed definition could serve as a basis for the consistent regulation of social relations arising from the use of this technology, and the subsequent modernization of civil legislation.

Keywords: smart contract, self-executing agreement, self-executing transaction, program code, agreement, agreement form, civil legislation.

В отечественной доктрине выделяют несколько моделей правового регулирования смарт-контракта. К ним отнесены технико-ориентированная (смарт-контракт как компьютерная программа), сделко-ориентированная (смарт-контракт как договор, условие договора), смешанная модель (смарт-контракт в качестве компьютерной программы и договора одновременно)¹. Осуществленный нами в настоящей статье анализ свидетельствует в пользу применения сделко-ориентированной модели регулирования смарт-контракта, что определяет авторскую научную позицию о сущности смарт-контракта.

Наша научная позиция, существующая сегодня, является следствием эволюции научных взглядов, поскольку ранее в публикациях нами исследованы ключевые аспекты технико-ориентированной модели регулирования смарт-контракта² и

¹Зайнутдинова Е. В. Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 131.

²Шалабаев Б. С. Смарт-контракт как компьютерная программа («код смарт-контракта») // Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых

смешанной модели регулирования смарт-контракта¹. Углубленный анализ правовой природы цифрового рубля выявил возможность квалификации смарт-контракта как самостоятельного гражданско-правового договора, действующего на базе программного кода и использующего в качестве средства платежа цифровой рубль². Таким образом, изменение авторской научной позиции обусловлено переходом от рассмотрения технических и смешанных подходов смарт-контрактов к комплексному исследованию правовой природы смарт-контракта в тесной взаимосвязи с иными явлениями цифровой экономики Российской Федерации (РФ).

Анализ нормативных актов, изданных органами исполнительной власти РФ, Центральным банком (ЦБ) РФ, а также научных трудов цивилистов позволил сформировать классификацию подходов о правовой природе смарт-контракта. В частности, изучены распоряжения, постановления Правительства РФ, регламенты, стандарты и иные документы, издаваемые ЦБ РФ, относительно использования понятий «смарт-контракт», «умный контракт». В результате проведенного анализа выявлено, что сущность смарт-контракта определена в двух значениях: 1) технологию смарт-контракта понимают как «смарт-контракт» без привязки к определенному/конкретному объекту/явлению, что находит отражение в основном в распоряжениях и постановлениях Правительства РФ³; 2) под технологией смарт-контракта подразумевают самоисполняемую сделку, технологию

исследователей (Краснодар, 14 ноября 2023 г.) / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2024. С. 240.

¹ Шалабаев Б. С. Практические проблемы применения смарт-контрактов в гражданском обороте Российской Федерации // Право и управление. 2023. № 4. С. 31; Шалабаев Б. С., Камышанский В. П. Изменение и расторжение смарт-контракта: проблемы теории и практики // Образование и право. 2024. № 4. С. 238.

² ЦБ РФ прорабатывает запуск платформы для заработка банков на цифровом рубле // Коммерсантъ. 2025. 11 октября. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8118155> (дата обращения: 12.10.2025).

³ О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р (в ред. от 06.11.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 50 (ч. IV). Ст. 8613.

самоисполняемых кодов выполнения обязательств. Данный технико-ориентированный подход представлен в основном в ряде документов, издаваемых ЦБ РФ¹. Наличие различных подходов к правовой природе смарт-контракта может повлечь за собой появление правовых коллизий в действующем законодательстве. Если законодатель сконструирует потенциальную модель регулирования смарт-контракта, представляя его как «цифровой контракт», то возникнет правовая коллизия, поскольку в рамках российского правового поля используют определение «цифрового контракта». Под «цифровым контрактом» подразумевают документ, сформированный в электронном виде посредством единой информационной системы на электронной торговой площадке (ЭТП)².

Многообразие наименований смарт-контракта отражено и в отечественной цивилистике. По результатам проведенного нами анализа научных трудов отечественных цивилистов выделено пять подходов о правовой сущности смарт-контракта.

В рамках первого подхода Е. А. Суханов понимает термин «смарт-контракт» через призму понятия «самоисполняющийся договор/контракт³». В контексте второго подхода Р. Н. Адельшин трактует термин «смарт-контракт» посредством использования понятий «самоисполняемые сделки (умные контракты) / «самоисполняемые сделки⁴». С учетом третьего подхода Е. В. Домовская идентифицирует «смарт-контракт» как

¹ Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2025 год и период 2026 и 2027 годов: одобр. Советом директоров Банка России 30 октября 2024 г. // Банк России. URL: [https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025\(2026-2027\).pdf](https://cbr.ru/Content/Document/File/164702/on_2025(2026-2027).pdf) (дата обращения: 12.10.2025).

² Методические рекомендации по внедрению электронного документооборота в целях обеспечения популяризации использования электронного документооборота среди граждан и организаций Российской Федерации: утв. ФНС России 12 сентября 2024 г. // Федеральная налоговая служба России: офиц. сайт. URL: https://data.nalog.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/related_activities/el_doc/knowledge_base/implementation_EDO.pdf?ysclid=mg6nf2blcf202235579 (дата обращения: 12.10.2025).

³ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 14.

⁴ Адельшин Р. Н. Правовое положение потребителя в неопределенных обязательствах с «производным» элементом, используемое посредством программно-технических средств // Право и экономика. 2020. № 9 (391). С. 43.

“самоисполняемый договор”, как “самоисполняемый контракт” и как “умный контракт”¹. Согласно четвертому подходу, В. А. Вайпан приравнивает понятие «смарт-контракт» к понятию «умный контракт»². В контексте пятого подхода Ю. В. Трунцевский, В. В. Севальнев отождествляют понятия «смарт-контракт» и «сетевой договор»³.

По итогам исследования приведенной классификации подходов выявлены их существенные недостатки, а именно: наличие этимологических, юридических и технических аспектов, опровергающих обоснованность идентификации технологии смарт-контракта в качестве «самоисполняемого договора/контракта», в качестве «самоисполняемых сделок», в качестве «умных контрактов/договоров». Этимологически технология смарт-контракта не может быть определена как «умный контракт/договор». Данную позицию поддерживает французский юрист М. Мекки, который обращает внимание на то, что смарт-контракт не является «умным контрактом», поскольку в качестве компьютерной программы исполняет только установки, изначально предусмотренные. Смарт-контракт автономно не управляет непредвиденными случаями⁴. Ввиду технических характеристик его можно определить через несколько специфических черт. Среди них – «автоматизированная», «самоисполняемый», «неизменная», «децентрализованная», «программируемая». В рамках действующего законодательства, функциональные особенности технологии смарт-контракта подразумевают автоматизацию исполнения при наступлении ряда

¹ Домовская Е. В., Гринь Е. С., Новоселова Л. А. Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности: монография. М.: Проспект, 2021. С. 68.

² Вайпан В. А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: монография. М.: Юстицинформ, 2020. С. 217.

³ Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В. Смарт-контракт: от определения к определенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 119.

⁴ Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В. Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 4. С. 85.

обстоятельств¹. В связи с этим прилагательное «самоисполняемый» формирует ошибочное восприятие о смарт-контракте.

Вышеуказанный тезис находит подтверждение в работах Г. В. Цепова и Н. В. Иванова, которые справедливо пишут о том, что «утверждение о самоисполнимости смарт-контракта является существенным заблуждением, так как договор в качестве юридического факта не может исполняться по принципу факт либо есть, либо его нет, поскольку интегрированная в правоотношение юридическая обязанность является идеальной категорией, не способной самоисполняться (влияние на объекты реального мира)²». Следовательно, технология смарт-контракта не может быть определена в соответствии с любой из указанных в статье вариаций, поскольку это противоречит этимологическим, техническим и юридическим аспектам.

С учетом того, что построение модели правового регулирования технологии смарт-контракта в России должно быть в виде самостоятельного гражданско-правового договора, закрепленного в ГК РФ, видится целесообразным рассмотреть смарт-контракт как договор, заключаемый в электронной форме посредством смарт-контракта (программного кода/компьютерной программы) и технологии распределенного реестра. В качестве обоснования изложенной позиции приведем ряд доводов:

– первоначальная позиция законодателя в отношении смарт-контракта. В законопроекте о цифровых финансовых активах (далее – законопроект о ЦФА)³ под термином «смарт-контракт» понимают «договор в электронной форме, осуществление прав и обязательств по которому исполняется посредством совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго установленной таким

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

² Цепов Г. В., Иванов Н. В. К цивилистической теории смарт-контрактов // Закон. 2022. № 3. С. 149.

³ О цифровых финансовых активах: проект Федерального закона № 419059-7 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20 марта 2018 г.) // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». URL: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=170084&rnd=Wl0bRg#MwIfO1VAaool1tTU> (дата обращения: 12.10.2025).

договором последовательности и при наступлении установленных им обстоятельств».

Дефиниция смарт-контракта, закрепленная в законопроекте о ЦФА, свидетельствует об изначальном использовании законодателем сделко-ориентированной модели регулирования смарт-контракта. Применение сделко-ориентированного подхода также прослеживается в документах, издаваемых ЦБ РФ, который в настоящее время не выработал единую позицию по отношению к смарт-контракту (приоритет в направлении технического или юридического подхода к правовой природе смарт-контракта). В контексте документа «Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов¹» смарт-контракт представлен как «цифровой контракт, состоящий из автоматизированного исполнения сделок и платежей, управления и учета юридически значимых действий и событий».

Сделко-ориентированная модель регулирования смарт-контракта позволяет определить его как самостоятельный гражданско-правовой договор, функционирующий на базе программного кода. В условиях такой модели регулирования допустимо разрешать вопросы, связанные с изменением, расторжением, прекращением смарт-контракта, досудебным и судебным урегулированием споров, вытекающих из него. Приведенную позицию поддерживает Е. В. Зайнутдинова, которая считает, что сделко-ориентированная модель регулирования смарт-контракта перспективна ввиду определения потенциальных сфер применения смарт-контракта, особенностей его исполнения и заключения².

Таким образом, наличие различных подходов о сущности технологии смарт-контракта обусловлено рядом причин. В их числе – индифферентная политика законодателя относительно вопросов легализации смарт-контракта, что проявляется в несистемном регулировании цифровых технологий; отсутствие институционального единства в понимании сущности смарт-контракта у органов государственной власти и ЦБ РФ; научный

¹ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Банк России. 2023. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/155957/onrfr_2024-26.pdf (дата обращения: 12.10.2025).

² Зайнутдинова Е. В. Указ. соч. С. 126.

интерес к проблемам регулирования смарт-контракта, что прослеживается в появлении различных подходов в отношении смарт-контракта. Сформулированное нами определение понятия смарт-контракта в рамках настоящего исследования может стать ориентиром для законодателя в случае разработки сделко-ориентированной модели регулирования смарт-контракта в виде отдельной главы в ГК РФ¹.

Библиографический список

1. *Адельшин Р. Н.* Правовое положение потребителя в неопределенных обязательствах с «производным» элементом, используемое посредством программно-технических средств // *Право и экономика*. 2020. № 9 (391). С. 43–48.
2. *Вайпан В. А.* Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: монография. М.: Юстицинформ, 2020. 696 с.
3. *Домовская Е. В., Гринь Е. С., Новоселова Л. А.* Учет и систематизация прав на результаты интеллектуальной деятельности: монография. М.: Проспект, 2021. 128 с.
4. *Ефимова Л. Г., Михеева И. В., Чуб Д. В.* Сравнительный анализ доктринальных концепций правового регулирования смарт-контрактов в России и в зарубежных странах // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 4. С. 78–105.
5. *Зайнутдинова Е. В.* Модели правового регулирования смарт-контракта: общее и особенное // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 3. С. 126–147.
6. *Суханов Е. А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права*. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.
7. *Трунцевский Ю. В., Севальнев В. В.* Смарт-контракт: от определения к определенности // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2020. № 1. С. 118–147.
8. *Цепов Г. В., Иванов Н. В.* К цивилистической теории смарт-контрактов // *Закон*. 2022. № 3. С. 149–172.
9. *Шалабаев Б. С.* Смарт-контракт как компьютерная программа («код смарт-контракта») // *Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал*: сб.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 31.07.2025) // *Собр. законодательства Рос. Федерации*. 1994. № 32. Ст. 3301.

ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. (симпозиума) молодых исследователей (Краснодар, 14 ноября 2023 г.) / отв. ред. В. П. Камышанский. Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2024. С. 236–240.

10. Шалабаев Б. С. Практические проблемы применения смарт-контрактов в гражданском обороте Российской Федерации // Право и управление. 2023. № 4. С. 31–39.

11. Шалабаев Б. С., Камышанский В. П. Изменение и расторжение смарт-контракта: проблемы теории и практики // Образование и право. 2024. № 4. С. 238–244.

С. А. Яворский
юрист ООО «ИТ АЛЬЯНС»
Россия, г. Москва
491899@mail.ru

**УСЕЧЕННАЯ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ПЕРЕЖИВШЕГО
СУПРУГА КАК СИСТЕМНЫЙ ДЕФЕКТ НАСЛЕДСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**THE TRUNCATED LEGAL PERSONALITY OF THE SURVIVING
SPOUSE AS A SYSTEMIC DEFECT IN INHERITANCE LAW**

В статье раскрыта системная проблема усеченной правосубъектности пережившего супруга. Выявлен дисбаланс между доктринальным признанием автоматического выдела супружеской доли и отсутствием процедурных механизмов его реализации. Методологической основой послужила концепция динамической правосубъектности, представляющая наследственную массу как временный квазисубъект права. Этот подход преодолевает статичную парадигму, раскрывая правовую природу массы как активного элемента правоотношений до правопреемства. Новизна исследования состоит в разработке механизма презумптивного внесудебного выдела доли, трансформирующего декларативные нормы в рабочую юридическую конструкцию. Модель включает в себя интеграцию в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН) отметок о семейном статусе активов и гармонизацию смежных институтов. Реализация предложений, согласно авторской позиции, защитит имущественную автономию пережившего супруга и обеспечит стабильность наследственного оборота. В заключение обоснована необходимость законодательного закрепления презумптивного внесудебного порядка выдела супружеской доли, трансформирующего декларативные нормы в рабочий юридический механизм, обеспечивающий комплексную защиту имущественной автономии пережившего супруга и стабильность наследственного оборота.

Ключевые слова: совместное завещание, наследственная масса, правосубъектность супругов, супружеская доля, обязательная доля, правопреемство, правоотношение, право общей собственности.

The article explores the systemic problem of the truncated legal personality of a surviving spouse. It reveals an imbalance between the doctrinal constitutional regulation of the allocation of the marital share and the lack of procedural principles for its implementation. The methodological basis is provided by the concept of dynamic legal personality, which conceives of the hereditary mass as a temporary quasi-legal entity. This approach overcomes the static paradigm by revealing the legal nature of the estate as an active element of legal relations prior to succession. The novelty of the research lies in the development of a mechanism for the presumptive extrajudicial allocation of a marital share, transforming declarative norms into a working legal framework. The model includes the integration of marital asset status records into the Unified State Register of Real Estate and the harmonization of related institutions. The implementation of these proposals, according to the authors, will protect the property autonomy of the surviving spouse and ensure the stability of inheritance turnover. In conclusion, the study substantiates the necessity of legislative consolidation of a presumptive extrajudicial procedure for the allocation of a marital share, which transforms declarative norms into an effective legal mechanism, ensuring comprehensive protection of the surviving spouse's property autonomy and the stability of inheritance turnover.

Keywords: joint will, hereditary mass, legal personality of spouses, marital share, compulsory share, legal succession, legal relationship, right of common ownership.

Актуальность исследования обусловлена системными коллизиями в регулировании статуса пережившего супруга, которые нарушают конституционные гарантии защиты собственности по ст. 35 Конституции Российской Федерации (РФ) и создают дисбаланс в межотраслевом регулировании. Нормативная неопределенность в применении ст. 1118, 1140.1 Гражданского кодекса (ГК) РФ и ч. 4 ст. 256 ГК РФ провоцирует конфликт между свободой завещания по ст. 1119 ГК РФ и императивом автоматического выдела супружеской доли при отсутствии процедурных гарантий. На социальном уровне это ведет к эскалации семейных конфликтов, на экономическом – к

росту судебных издержек и дестабилизации оборота. Указанные пробелы кристаллизуются в феномене «усеченной правосубъектности», при котором формальное право на долю ограничено необходимостью сложной судебной процедуры по его выделу. Преодоление этого концептуального разрыва требуется для восстановления конституционных стандартов защиты собственности.

Концептуальные основания правосубъектности пережившего супруга. Проблема автономии завещательной воли усугубляется доктринальной несовместимостью брачного договора (ст. 40–42 Семейного кодекса (СК) РФ) с механизмами наследственного правопреемства, усиливающей правовой дисбаланс пережившего супруга. Разрешая парадокс утраты силы брачного договора вследствие смерти, следует поддержать позицию кандидата наук А. Я. Ахмедова, суть которой выражена в следующем: правовая природа договора неизменна, поскольку «он не регулирует наследственные отношения супругов»¹.

Распространенный подход, игнорирующий лично-доверительный характер семейных отношений, проявляется в тезисе о том, что «обременение по ст. 1137 ГК РФ связано с наследственной массой, а не с личностью наследника»². Такой формально-юридический взгляд находит неожиданную поддержку у доктора наук Ю. С. Харитоновой, утверждающей, что «продажа или дарение доли могут быть квалифицированы как уступка права требования, а не передача доли»³, и это неизбежно ведет к обезличиванию супружеского имущества.

Игнорирование фидуциарной природы семейных связей приводит к двойственному искажению: процессуальному – через обесценивание субъектного состава обязательства и превращение завещательного отказа в обезличенное бремя; материально-правовому – через ошибочный допуск перехода к наследникам обязательств, неразрывно связанных с личностью умершего. Приведенный подход методологически несостоятелен в контексте

¹ Ахмедов А. Я. Брачный договор и распоряжение имуществом на случай смерти // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 107.

² Яворский С. А. Судьба завещательных отказов при изменении состава наследственной массы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 130.

³ Харитонова Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО // Нотариальный вестник. 2023. № 11. С. 9.

взаимных прав и обязанностей супругов по ст. 2 СК РФ: исполнение этих обязательств предполагалось именно в пользу пережившего супруга ввиду его особого правового статуса. Это исключает их оборотоспособность в соответствии с природой личных обязательств, прекращающихся, согласно ст. 418 ГК РФ, смертью должника. Анализ правовой природы наследственного договора актуализирует вывод доктора наук В. П. Камышанского о том, что «сужение предмета договора до определения порядка перехода прав на имущество наследодателя к пережившим его наследникам существенно снижает его эффективность»¹, поскольку игнорируется комплексный характер имущественных отношений супругов.

Преобладающая точка зрения, сторонники которой считают брачный договор единственным инструментом изменения режима совместной собственности, игнорирует его утрату силы в момент смерти. Прекращение брака по ст. 16 СК РФ аннулирует договорные условия, регулирующие посмертные имущественные последствия. Возникает парадокс: установленный режим раздельной собственности утрачивает силу, и имущество становится долевым. В этой ситуации переживший супруг вправе требовать выдела супружеской доли по п. 4 ст. 256 и ч. 2 ст. 1150 ГК РФ, что опровергает концепцию правопреемственной трансформации его правосубъектности.

Анализ бессубъектной природы наследственной массы требует учета вывода адвоката М. Н. Любимовой о том, что «формирование нескольких относительно обособленных наследственных режимов»² неизбежно при трансграничном характере имущества. Это противоречит концепции ее единства. Изложенное порождает титульную неопределенность массы, которая утрачивает признаки индивидуализированного имущества, превращаясь в особую форму правоспособности. Типичной доктринальной ошибкой становится включение личного имущества одного супруга по ст. 36 СК РФ в наследственную массу другого, что нарушает принцип автоматического выдела супружеской доли до ее формирования.

¹ Камышанский В. П. О юридической сущности наследственного договора // Власть Закона. 2020. № 4 (44). С. 17.

² Любимова М. Н. Некоторые проблемные аспекты выделения обязательной доли и трансграничного наследования недвижимого имущества // Нотариальный вестник. 2022. № 11. С. 49.

Отсутствие механизма применения ч. 4 ст. 256 ГК РФ требует законодательного закрепления презумпции автоматического выдела супружеской доли. Это минимизирует дискрецию нотариусов и снизит риск злоупотреблений¹. Пробел провоцирует споры о правовом статусе активов и создает условия для давления наследников на пережившего супруга. Для противодействия этому необходим комплексный защитный механизм. Его ключевой элемент – внедрение в нотариальную практику презумпции внесудебного выдела доли. Одновременно требуется модернизация института недостойных наследников по ст. 1117 ГК РФ. Действующий перечень оснований не позволяет адекватно реагировать на противоправное давление в отношении пережившего супруга в процессе формирования наследственной массы, которое, не будучи уголовно наказуемым, грубо нарушает его имущественные права. Включение в ст. 1117 ГК РФ форм недобросовестного поведения, направленного на воспрепятствование реализации права на супружескую долю, создаст сдерживающий фактор и восстановит баланс правосубъектности.

Обсуждая риски дробления хозяйственных комплексов, необходимо учитывать позицию доктора наук А. Н. Левушкина о двойственной природе корпоративных активов. Автор справедливо пишет о том, что доля в обществе может относиться к совместному имуществу супругов, а при смерти одного из них «появляются проблемы, связанные с переходом прав на долю пережившему супругу»².

Особенно острой проблема становится при наследовании бизнес-активов или имущества, приобретенного с использованием целевых средств, например материнского капитала. Действующее регулирование игнорирует риски дробления хозяйственных комплексов при реализации обязательной доли. Решением может стать заимствование зарубежных механизмов: замена выдела доли в натуре денежной компенсацией и совершенствование наследственного договора по ст. 1140.1 ГК РФ для защиты прав

¹ О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 (в ред. от 24.12.2020) // Российская газета. 2012. 6 июня.

² Левушкин А. Н. Наследование доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках модели семейного предпринимательства // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 129.

пережившего супруга и наследников, включая детей от предыдущих браков.

Предложенные нами меры могут устранить коллизии между семейным и наследственным правом. Их эффективность зависит от системной гармонизации отраслевых режимов. Она может быть достижима через законодательное закрепление автоматического прекращения брачного договора в части посмертного регулирования имущества (кроме условий, совместимых со свободой завещания по ст. 1119 ГК РФ), интеграцию в ЕГРН отметки о супружеском статусе владельца и разработку императивной процедуры презумптивного внесудебного выдела доли нотариусом. Такой подход обеспечит трансформацию правосубъектности пережившего супруга и нивелирует законодательные коллизии. Аналогичные концептуальные противоречия проявляются в доктринальных подходах к правовой природе совместного завещания супругов.

Теоретические основы правового регулирования совместного завещания и правосубъектности супругов. Необходимость доктринального и законодательного уточнения правового режима совместного завещания вытекает из критического анализа пробелов в интерпретации ст. 1118 ГК РФ. Кандидат наук Э. М. Алсынбаева оспаривает позицию законодателя, утверждая, что «положения о завещании и совместном завещании супругов никак не разграничены»¹. Данный тезис представляется дискуссионным, поскольку законодатель не только выделил совместное завещание в особую форму, но и закрепил ее специфику в п. 4–5 ст. 1118 ГК РФ. Однако формального перечисления отличий недостаточно для снятия доктринальных сомнений. Критика автора указывает на более глубокую проблему, в частности отсутствие в законе целостной концепции, раскрывающей правовую природу совместного завещания как сингулярного правового феномена, а не просто совокупности двух волей. До тех пор, пока законодатель ограничивается внешней дифференциацией, не предлагая системного регулирования коллизий на стыке семейного и наследственного права, доктринальные споры о достаточности разграничения сохраняют актуальность.

¹ Алсынбаева Э. М. Совместное завещание супругов: проблемы и перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7-2 (82). С. 106.

Тем не менее указанная специфика не снимает дискуссии о пределах волеизъявления супругов, что подтверждается полярными доктринальными позициями. Кандидат наук Н. В. Ющенко полагает, что ст. 1118 ГК РФ исключает возможность назначения одним из супругов другого наследником, и уточняет при этом, что «в совместном завещании супругов не может быть назначен в качестве наследника один из них»¹, хотя прямой запрет в законе отсутствует. По мнению автора, такой инструмент неэффективен лишь в случае, если супруги решили завещать свое имущество друг другу. Однако данная позиция игнорирует принцип свободы завещания по ст. 1119 ГК РФ, поскольку взаимное наследование соответствует цели сохранения семейного имущества с учетом ст. 1 СК РФ. Ограничение п. 2 ст. 1124 ГК РФ о недопустимости назначения наследником свидетеля неприменимо к завещателям, выполняющим правоустанавливающие функции в рамках п. 4 ст. 1118 ГК РФ. Таким образом, предлагаемый запрет противоречит базовым принципам наследственного права.

Если по субъектному составу доктрина и приближается к консенсусу, то предметные пределы завещательных распоряжений остаются дискуссионными. Так, В. А. Улыбин опровергает искусственное сужение предмета распоряжений, полагая, что совместное завещание порождает не только наследственно-правовой, но и «исключительно вещно-правовой характер изменения принадлежности имущества»². Это аннулирует попытки ограничения³ распоряжения личным имуществом.

В противовес указанному мнению В. Н. Гаврилов, К. А. Малетина и А. Г. Соколова сводят суть совместного завещания к «распоряжению имуществом, находящимся в совместной собственности супругов»⁴. Однако данная трактовка сужает предмет регулирования, исключая личное имущество супругов, что прямо противоречит ст. 1118 ГК РФ, закрепляющей право

¹ Ющенко Н. В., Зайчикова Д. Д. Совместное завещание супругов в российском праве // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 6. С. 471.

² Улыбин В. А. Наследование общего имущества супругов по совместному завещанию и наследственному договору // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11 (87). С. 111.

³ Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5-7.

⁴ Малетина К. А., Соколова А. Г. Институт совместного завещания супругов в России и ряде зарубежных стран // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 4. С. 164.

распоряжаться любым имуществом завещателя, и нарушает принцип свободы завещания. Искусственное ограничение круга активов, очевидно, подрывает функциональность института.

Проблема предметных пределов влияет на центральный аспект реализации свободы завещания, то есть право пережившего супруга на отмену распоряжения. Кандидат наук Т. В. Кивленок предупреждает, что это право открывает путь для злоупотреблений: недобросовестный супруг может «передать в наследство все имущество, в то время как умерший гипотетически был бы против»¹. Эти опасения породили предложения ограничить отмену: либо разрешив ее только при жизни обоих супругов, либо запретив в части «имущества пережившего супруга»².

Можно сделать вывод о том, что такие ограничения игнорируют императивные положения закона. Право пережившего супруга на отмену или изменение завещания по п. 4 ст. 1118 ГК РФ прямо вытекает из принципа свободы завещания (ст. 1119 ГК РФ) и защиты имущественных прав супругов по ст. 35 СК РФ. Квалификация совместного завещания как неотменяемого двустороннего акта ошибочна: оно является односторонней сделкой (п. 5 ст. 1118 ГК РФ), а п. 6 этой же статьи специально предусматривает возможность его корректировки пережившим супругом. Игнорирование данной нормы нарушает баланс между волей умершего и правом живого супруга на распоряжение собственностью по ст. 35 Конституции РФ.

Таким образом, предлагаемые Т. В. Кивленок запреты не учитывают ключевых особенностей процедуры: отмена затрагивает лишь распоряжения пережившего супруга, а имущество умершего переходит к наследникам по закону. Действующая редакция п. 6 ст. 1118 ГК РФ содержит имманентный защитный механизм, обеспечивающий баланс интересов. Поскольку переживший супруг вправе отменить только собственные распоряжения, это исключает полный произвол и односторонний пересмотр согласованной воли супругов в отношении имущества первого умершего. Можно предположить,

¹ Кивленок Т. В. Совместное завещание супругов: проблемы теории и практики // Современное право. 2020. № 10. С. 82.

² Ткачева П. Г. Актуальные проблемы применения совместного завещания супругов // Проблемы совершенствования российского законодательства: сб. тезисов Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. курсантов, слушателей и студентов (Барнаул, 10–14 апреля 2023 г.). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. С. 423.

что существующее регулирование институционально ограничивает потенциальные злоупотребления. Все это делает предлагаемые радикальные запреты не только нарушающими принцип свободы завещания, но и доктринально избыточными.

Противоречия в трактовке автономии завещательной воли актуализируют проблему соотношения совместного завещания и наследственного договора. Доктор наук Е. А. Рыбалка, опираясь на ч. 5 ст. 1140.1 ГК РФ, утверждает, что заключение наследственного договора автоматически прекращает действие совместного завещания, если «супруги решили заключить наследственный договор после совершения совместного завещания»¹. Данная позиция игнорирует фундаментальные различия правовой природы этих институтов. Совместное завещание по ст. 1118 ГК РФ является односторонней сделкой, фиксирующей волю супругов, а наследственный договор по ст. 1140.1 ГК РФ квалифицируется как двусторонняя или многосторонняя сделка, порождающая взаимные обязательства. Ключевым представляется аргумент относительно того, что «совместное завещание является двойным односторонним волеизъявлением, которое не связывает завещателей обязательством»².

По нашему мнению, ключевое упущение Е. А. Рыбалки состоит в игнорировании условий ч. 5 ст. 1140.1 ГК РФ о частичном характере прекращения: завещание утрачивает силу лишь «в части, противоречащей условиям наследственного договора». Эта законодательная конструкция служит выражением общего принципа, согласно которому последующая сделка отменяет предыдущую лишь в мере их непосредственного противоречия. Она обеспечивает сохранение юридической силы распоряжений, не регламентированных договором, и подчеркивает производный, а не тотальный характер взаимодействия институтов. Следовательно, тезис об автоматическом и полном прекращении совместного завещания является редукционистским, не соответствует системному толкованию норм ГК РФ. Как верно указано в доктрине, «условия наследственного договора действуют в части, не противоречащей

¹ Рыбалка Е. А. Совместное завещание супругов // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 2 (105). С. 44.

² Яворский С. А. Совместное завещание как источник правовой неопределенности в гражданском обороте // Искусство правоведения. 2025. № 3 (15). С. 99.

правилам об обязательной доле»¹, что подтверждает ошибочность абсолютизации приоритета договора. Полная отмена совместного завещания требует либо прямого указания в тексте договора, либо совершения отдельной процедуры по ст. 1130 ГК РФ.

Коллизии законодательства и проблемы правоприменения. Рассмотренная доктринальная полемика вокруг коллизии посмертных распоряжений находит отражение в единообразной судебной практике, анализируемой в рамках настоящего исследования. Системная неопределенность материально-правовых норм трансформируется в универсальную процессуальную необходимость многоуровневой судебной верификации, будь то установление правового режима сложных активов, защита имущественных интересов в добрачном имуществе или легитимация корпоративного статуса.

Определение Второго кассационного суда от 30 января 2025 г. по делу № 8Г-36013/2024² разрешило сложный спор между пережившей супругой ФИО1 и внуком наследодателя ФИО5. Предметом разбирательства были взаимные требования о признании имущества совместно нажитым, определении супружеских долей и их исключении из наследственной массы после смерти ФИО4. Спор связан с множеством активов: автомобилей, приобретенных в браке на кредитные средства, долей в квартирах, земельных участках и нежилых зданий. Суды анализировали правовой режим каждого объекта, устанавливая момент приобретения, источники финансирования и факты реконструкции, что позволило дифференцированно определить состав наследственной массы и размер доли ФИО1.

Изучая генезис правовой неопределенности, следует учитывать позицию кандидата наук В. Н. Гаврилова, усматривающего коллизию в том, что «один из супругов в случае его смерти до получения уведомления от нотариуса может лишиться возможности распоряжаться принадлежащим ему

¹ Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В., Щербакова Л. Г. Некоторые аспекты наследственного права: концептуальные основы и проблемы реализации в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 9.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30 января 2025 г. по делу № 8Г-36013/2024[88-420/2025-(88-32733/2024)]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имуществом»¹. Однако его предложение о запрете отмены игнорирует конституционное право живого супруга на распоряжение собственностью.

Критический анализ дела через призму трансформации правосубъектности выявляет системные проблемы. Формально суд корректно применил презумпцию совместной собственности. Однако необходимость многоэтапного разбирательства для установления правового режима каждого актива обнажает фундаментальный изъян. Суд выполнял несвойственную функцию установления сложной цепи юридических фактов, что привело к многократному пересмотру. Эта ситуация – прямое следствие законодательной неопределенности относительно момента и порядка выдела доли, перекладывающей бремя доказывания на управомоченного субъекта – пережившего супруга.

Рассмотренное дело показывает проблему «усеченной правосубъектности». Несмотря на формальное соблюдение норм материального права, процессуальные сложности реализации права на супружескую долю ограничились имущественную автономию ФИО1. Необходимость доказывания правового режима каждого объекта в суде превращает механизм ст. 1150 ГК РФ в трудоемкую процедуру, становящуюся препятствием для осуществления права.

Обосновывая необходимость защитного механизма, важно указать, что предлагаемые меры, по меткой характеристике В. П. Камышанского, «для управомоченного лица выступают в качестве мер защиты, а для обязанного лица – в качестве мер ответственности»², если носят обременительный характер. Рассмотренный случай подтверждает настоятельную потребность в механизме презумптивного внесудебного выдела доли. Это позволило бы трансформировать декларативные положения закона в рабочую конструкцию, обеспечив защиту прав пережившего супруга и стабильность оборота через перенос центра тяжести с судебного доказывания на нотариальное удостоверение и государственную регистрацию изначально возникшего права.

¹ Гаврилов В. Н. Совместное завещание супругов: новелла отечественного гражданского права // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 119.

² Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4 (60). С. 27.

Определение от 22 апреля 2025 г. по делу № 8Г-4808/2025¹ разрешило спор между бывшей (ФИО1) и последующей (ФИО4) супругой наследодателя о квартире, приобретенной в первом браке с использованием средств военной ипотеки. ФИО1 требовала признать ее совместной собственностью и выделить долю, ФИО4 оспаривала это, ссылаясь на последующее расторжение брака. Суды правомерно удовлетворили иск ФИО1, указав, что смена семейного статуса не изменяет правового режима имущества, возникшего при его приобретении.

Формально суд методологически состоятельно применил презумпцию совместной собственности по ст. 34 СК РФ. Однако факт спора, потребовавшего трех инстанций, демонстрирует фундаментальный дисбаланс между доктринальным признанием автоматического выдела доли и отсутствием процессуальных механизмов реализации. ФИО1, право собственности на долю у которой возникло в момент приобретения квартиры, была вынуждена защищать его в затяжном процессе, что свидетельствует об усеченной правосубъектности.

Таким образом, дело рельефно высвечивает ключевую проблему. Отсутствие законодательно закрепленного презумптивного внесудебного механизма выдела доли, интегрированного в систему государственной регистрации, приводит к избыточной конфликтности и ставит пережившего супруга в уязвимое положение. По аналогии с идеей доктора наук В. В. Зайцева о том, что фидуциарные отношения требуют установления «права сторон включить в договор... условие о его прекращении в случае смерти»², необходим диспозитивный механизм защиты пережившего супруга. Данный казус подтверждает актуальность предложений о системной гармонизации семейного и наследственного права через создание комплексного правового режима.

Аналогичная проблема усеченной правосубъектности, но в контексте добрачного имущества, исследована Верховным Судом

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22 апреля 2025 г. по делу № 8Г-4808/2025[88-6541/2025]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Зайцев В. В., Михайлова И. А. Ответственность поручителя по обязательствам умершего должника: должник умер, да здравствует поручитель! // Власть Закона. 2021. № 3 (47). С. 34.

РФ в деле № 16-КГ24-32-К4¹. Судом рассмотрен спор между пережившей супругой Н. Ю. Приймачевой и детьми наследодателя В. Н. Воробьева о нежилом помещении, приобретенном им до брака, но оплаченном в браке общими средствами. Суды нижестоящих инстанций признали имущество совместной собственностью, выделив $\frac{1}{2}$ долю Н. Ю. Приймачевой. Тем не менее Верховный Суд РФ отменил это решение, указав, что погашение в браке личного долга не преобразует правовой режим имущества, а порождает лишь право на компенсацию по главе 60 ГК РФ.

Формально в решении отражено безупречное применение ст. 36 СК РФ, однако с позиции концепции трансформации правосубъектности дело иллюстрирует проблему ее усеченности. Безупречно квалифицировав природу обязательства, суд ущемил положение пережившей супруги: вместо вещного права на долю ей предложено требовать компенсацию в обязательственно-правовом порядке, что ослабляет ее позицию против наследников.

Доктор юридических наук Д. Е. Матыцин, исследуя корпоративные аспекты наследования, пишет о том, что уставы компаний зачастую содержат положения, при которых «наследники получают компенсацию, но не участвуют в управлении компанией»². Однако применительно к пережившему супругу-учредителю такой вывод означает подмену вещного права обязательственным и усугубляет его усеченную правосубъектность.

Данный казус подтверждает фундаментальный дисбаланс между доктринальным признанием автоматического выдела доли и отсутствием механизмов реализации. Даже при правильном применении материальных норм переживший супруг вынужден прибегать к сложному судебному доказыванию. Предлагаемый механизм компенсации требует отдельного производства, создавая дополнительную процессуальную нагрузку. Таким образом, формально законное решение указывает на необходимость законодательного закрепления презумптивного внесудебного выдела доли для реальной защиты имущественной автономии.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2025 г. № 16-КГ24-32-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Матыцин Д. Е., Балтутите И. В. Правовые аспекты наследования семейного бизнеса // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 89.

В деле № 41-КГ23-67-К4¹ Верховный Суд РФ рассмотрел спор о выделе супружеской доли между пережившим супругом А. А. Фоменко и сыном наследодателя. Несмотря на регистрацию земельного участка и здания, приобретенных в браке, на имя пережившего супруга, суды нижестоящих инстанций отказали в иске, ошибочно возложив на наследника бремя доказывания общего характера имущества. Верховный Суд РФ отменил эти решения, указав на нарушение презумпции совместной собственности по ст. 34 СК РФ, ст. 256 ГК РФ и неправильное распределение бремени доказывания.

С формально-юридической точки зрения решение служит образцом последовательного применения презумпции совместной собственности. Но, оценивая это сквозь призму концепции трансформации правосубъектности, можно утверждать, что данный казус обнажает системную проблему. Переживший супруг, несмотря на формальную очевидность своего права, вынужден был пройти все судебные инстанции для защиты интересов, которые в условиях эффективного правового регулирования не должны подвергаться сомнению. Становится очевидным то, как отсутствие законодательно закрепленного внесудебного порядка выдела доли трансформирует конституционные гарантии защиты собственности в режим правовой неопределенности для пережившего супруга. Даже при конечном восстановлении нарушенного права его имущественная автономия оказывается существенно ограниченной, длительной и сложной процедурой судебного доказывания.

Анализ судебных дел, в которых переживший супруг вынужден доказывать очевидные вещи, демонстрирует такую же системную ошибку, которую кандидат наук Н. С. Бессараб усматривает в наследственном договоре, обращая внимание на то, что «действующее правовое регулирование содержит серьезнейший перекося в сторону прав наследодателя»². Формально безупречное решение Верховного Суда РФ еще раз подчеркивает настоятельную потребность в разработке презумптивного механизма выдела супружеской доли, который обеспечил бы не

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2024 г. № 41-КГ23-67-К4 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 5.

² Бессараб Н. С. Правовое регулирование наследственного договора в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4-2 (94). С. 79.

декларативную, а реальную защиту прав пережившего супруга и минимизировал судебные споры на стадии формирования наследственной массы.

Анализ судебной практики подтверждает тезис о системной усеченности правосубъектности пережившего супруга. Несмотря на доктринальное признание автоматического выдела доли, его реализация требует сложного судебного доказывания. Рассмотренные дела единообразно показывают необходимость доказывания очевидных фактов (№ 41-КГ23-67-К4), сохранение потребности в судебной защите даже после расторжения брака (№ 8Г-4808/2025), усложненность установления режима множества активов (№ 8Г-36013/2024) и подмену вещного права обязательственным (№ 16-КГ24-32-К4). Это подтверждает актуальность механизма презумптивного внесудебного выдела доли, трансформирующего декларативные положения в рабочую юридическую конструкцию для реальной защиты имущественной автономии. Иными словами, эмпирический анализ правоприменительной практики создает неопровержимую основу для окончательных выводов и законодательных предложений, формулируемых в заключении.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что усеченная правосубъектность пережившего супруга представляет собой системный дефект наследственного права, проявляющийся в противоречии между материально-правовым признанием его доли и процедурным вакуумом ее реализации. Доктринальный и судебный анализ подтверждает то, что этот дисбаланс трансформирует конституционную гарантию собственности в режим правовой неопределенности, вынуждающий доказывать в суде права, которые по своей природе должны осуществляться автоматически.

Научная новизна исследования заключается в преодолении статичной парадигмы через реконцептуализацию наследственной массы как временного квазисубъекта права и разработку концепции динамической правосубъектности. Правовой статус пережившего супруга раскрыт как непрерывный процесс трансформации, требующий специального охранительного режима до правопреемства. Данная концепция служит методологическим основанием для пересмотра традиционных подходов.

Разрешение системного кризиса требует синхронной гармонизации законодательства и правоприменительной практики. Ключевой инструмент — законодательное закрепление презумптивного внесудебного порядка выдела супружеской доли, иницируемого нотариусом до формирования наследственной массы. Техническим условием эффективности служит интеграция в ЕГРН отметок о семейном статусе активов, правовым основанием — точечная корректировка ГК РФ и СК РФ.

Изложенный подход создает доктринальные предпосылки для реальной имущественной автономии пережившего супруга. Его реализация сместит акцент с конфликтного судебного доказывания на легальный нотариальный и реестровый процесс, сбалансировав права участников наследственных отношений и обеспечив стабильность оборота. Перспектива исследований заключается в развитии подхода для защиты обязательных наследников и предотвращения дробления бизнес-активов через совершенствование наследственного договора и инструментов компенсации.

Библиографический список

1. Алсынбаева Э. М. Совместное завещание супругов: проблемы и перспективы развития // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 7-2 (82). С. 106–108.
2. Ахмедов А. Я. Брачный договор и распоряжение имуществом на случай смерти // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 1. С. 101–108.
3. Бессараб Н. С. Правовое регулирование наследственного договора в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 4-2 (94). С. 78–80.
4. Гаврилов В. Н. Совместное завещание супругов: новелла отечественного гражданского права // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. С. 117–120.
5. Зайцев В. В., Михайлова И. А. Ответственность поручителя по обязательствам умершего должника: должник умер, да здравствует поручитель! // Власть Закона. 2021. № 3 (47). С. 33–48.
6. Камышанский В. П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5-7.

7. Камышанский В. П. О юридической сущности наследственного договора // Власть Закона. 2020. № 4 (44). С. 12–18.
8. Камышанский В. П. Понятие и сущность гражданско-правовой ответственности // Власть Закона. 2024. № 4 (60). С. 23–41.
9. Кивленок Т. В. Совместное завещание супругов: проблемы теории и практики // Современное право. 2020. № 10. С. 81–85.
10. Левушкин А. Н. Наследование доли как бизнес-актива пережившим супругом в рамках модели семейного предпринимательства // Вестник экономической безопасности. 2024. № 1. С. 126–132.
11. Любимова М. Н. Некоторые проблемные аспекты выделения обязательной доли и трансграничного наследования недвижимого имущества // Нотариальный вестник. 2022. № 11. С. 48–54.
12. Малетина К. А., Соколова А. Г. Институт совместного завещания супругов в России и ряде зарубежных стран // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 4. С. 158–166.
13. Матыцин Д. Е., Балтутите И. В. Правовые аспекты наследования семейного бизнеса // Власть Закона. 2025. № 2 (62). С. 79–92.
14. Рыбалка Е. А. Совместное завещание супругов // Юристъ-Правоведъ. 2023. № 2 (105). С. 40–45.
15. Ткачева П. Г. Актуальные проблемы применения совместного завещания супругов // Проблемы совершенствования российского законодательства: сб. тезисов Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. курсантов, слушателей и студентов (Барнаул, 10–14 апреля 2023 г.). Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. С. 422–425.
16. Ткаченко Е. В., Фомичева Р. В., Щербакова А. Г. Некоторые аспекты наследственного права: концептуальные основы и проблемы реализации в нотариальной практике // Нотариальный вестник. 2021. № 6. С. 6–12.
17. Улыбин В. А. Наследование общего имущества супругов по совместному завещанию и наследственному договору // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 11 (87). С. 108–114.

18. Харитонова Ю. С. Судьба права на участие в хозяйственном обществе при выделе супружеской доли в уставном капитале ООО // Нотариальный вестник. 2023. № 11. С. 5–14.

19. Ющенко Н. В., Зайчикова Д. Д. Совместное завещание супругов в российском праве // Вопросы устойчивого развития общества. 2021. № 6. С. 469–475.

20. Яворский С. А. Совместное завещание как источник правовой неопределенности в гражданском обороте // Искусство правоведения. 2025. № 3 (15). С. 96–104.

21. Яворский С. А. Судьба завещательных отказов при изменении состава наследственной массы // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (81). С. 127–132.

Раздел

**События. Рецензии.
Критика**

**УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ПРОФЕССОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ
МОЛЧАНОВ...**

(17.07.1953 — 21.07.2025)

21 июля 2025 г. ушел из жизни доктор юридических наук, профессор, депутат Ленинградского (Санкт-Петербургского) городского Совета народных депутатов XXI созыва Александр Александрович Молчанов – замечательный человек, отличный семьянин, полковник полиции в отставке, ученый-цивилист и педагог.

Александр Александрович родился 17 июля 1953 г. в Казахской Советской Социалистической Республике. Он рос в многодетной семье, вместе с тремя сестрами и братом. В 1971 г. призван на службу в Вооруженные Силы СССР, в группу советских войск в Германии. После прохождения срочной службы направлен на обучение в Алма-Атинскую специальную среднюю школу милиции МВД СССР. По окончании школы милиции служил на различных должностях начальствующего состава органов внутренних дел, от инспектора уголовного розыска до заместителя начальника отделения милиции. Стаж его практической работы в органах внутренних дел составляет более десяти лет.

Высшее образование А. А. Молчанов получил в Ленинграде в 1982 г., после завершения очного обучения в Высшем политическом училище МВД СССР имени 60-летия ВЛКСМ по специальности «юрист-правовед». Постоянно совершенствуя

знания в области юриспруденции, он в 1989 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук, а в 1996 г. ему присвоено ученое звание доцента. В 2003 г. Александр Александрович защитил докторскую диссертацию на тему «Гражданская правосубъектность коммерческих организаций». В 2005 г. ему присвоено ученое звание профессора кафедры гражданского права.

Александр Александрович активно занимался и общественной деятельностью на благо любимого города-героя Ленинграда (Санкт-Петербурга). В 1990–1995 гг. он избран депутатом Ленинградского (Санкт-Петербургского) городского Совета народных депутатов XXI созыва, трудился в комиссиях по вопросам законности, правопорядка и работы правоохранительных органов, жилищной и медицинской. Это были непростые годы. Приходилось много работать. Александр Александрович имел определенные достижения в рукопашных видах спорта и вовлекал молодежь в спортивные секции, тренировал молодых ребят. Вместе с ними обеспечивал общественный порядок на улицах Санкт-Петербурга, чем снискал уважение жителей, которые избрали его депутатом Ленсовета.

С 1994 по 1998 г. возглавлял кафедру общеправовых дисциплин Центра подготовки сотрудников налоговой полиции ФСНП России в Санкт-Петербурге. Именно в этот период я познакомился с Александром Александровичем. 23 декабря 1994 г. он выступил официальным оппонентом на защите моей кандидатской диссертации, в Санкт-Петербургском правовом институте МВД России. С тех пор наши научные контакты и общение переросли в настоящую дружбу на целых 30 лет. В течение 13 лет А. А. Молчанов был одним из самых активных членов диссертационного совета при Кубанском государственном аграрном университете имени И. Т. Трубилина. Его отличали не только активная жизненная позиция, ответственное отношение к делу, глубокая заинтересованность в качестве выдвигаемых на защиту диссертаций, но и внимательное, отеческое отношение к молодым соискателям, а также объективность и доброжелательность. Он был душой нашего дружного коллектива. Одинаково ответственно и с удовольствием подходил к выполнению возложенных на него обязанностей председателя счетной комиссии, а вне рамок работы диссертационного совета – веселого и обаятельного тамады.

С 1998 г. и до последнего дня Александр Александрович передавал свои знания и опыт курсантам, слушателям и адъюнктам образовательной организации, занимая сначала должность доцента, затем профессора кафедры гражданского права, а с 2016 г., после реорганизации – кафедры гражданского права и гражданского процесса Санкт-Петербургского университета МВД России. Слова «он до конца оставался на боевом посту» имеют непосредственное отношение к профессору Молчанову. Его сердце перестало биться на 73-м году жизни в результате инсульта, случившегося накануне последнего экзамена, после проведенной консультации в университете, по дороге домой. Практически в день его рождения, 16 июля.

За период более чем 50-летней трудовой и около 30-летней педагогической деятельности Александра Александровича опубликовано свыше 200 его научных работ, в том числе 10 монографий, 19 учебных пособий. В 2021 г. учебникам, подготовленным А. А. Молчановым, «Гражданское право (Общая часть)» и «Гражданское право (Особенная часть)», присвоен гриф МВД России. В 2023–2024 гг. он скрупулезно проработал, подготовил комментарии к первой, второй и третьей частям Гражданского кодекса (ГК) РФ. Все три книги изданы, нашли своего читателя. Научные труды профессора Молчанова, по официальным данным, процитированы более тысячи раз. В марте 2025 г. ученым завершен комментарий к четвертой части ГК РФ, но процесс вычитки его текста затянулся, и готовый макет для печати автор так и не увидел.

За многие десятилетия, проявив себя как педантичный, добросовестный, дисциплинированный, исполнительный работник, обладающий великолепными организаторскими способностями и умением мобилизовать окружающих на выполнение поставленных задач, Александр Александрович показал еще одну грань своего таланта – качества высокоэрудированного педагога и ученого. Под его научным руководством защитили диссертации более 20 адъюнктов и соискателей.

А. А. Молчанов был экспертом экспертной комиссии Санкт-Петербургского университета МВД России и руководителем научной школы по специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки», в рамках которой ежегодно участвовал в организации и проведении научно-представительских мероприятий. Принимал активное участие в работе ученых

советов и диссертационных советов (в том числе диссертационных советов Санкт-Петербургского государственного университета, Кубанского государственного аграрного университета имени И. Т. Трубилина, Российской государственной академии интеллектуальной собственности и др.). Был членом редакционных советов научно-практических журналов «Власть Закона», «Современное право», «Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания».

Профессор А. А. Молчанов воспитал немало сотрудников органов внутренних дел, которые успешно и с честью несут службу во всех регионах России; блестящих ученых и педагогов, которые сегодня достойно трудятся во многих городах нашей страны. За огромный вклад в педагогическую деятельность А. А. Молчанов отмечен многими правительственными, ведомственными и общественными наградами, благодарностями руководства университета за безупречную многолетнюю службу, большой вклад в обучение, патриотическое воспитание и формирование высоких профессионально-нравственных качеств сотрудников правопорядка.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Власть Закона» выражают глубокие соболезнования жене – Ольге Алексеевне, сыну, родным и близким Александра Александровича Молчанова. Светлая память об этом талантливом ученом, жизнерадостном, добром и энергичном человеке навсегда сохранится в наших сердцах, а его имя – в истории юридической науки.

В. П. Камышанский,
*главный редактор журнала «Власть Закона»
директор НИИ АПСП,
заведующий кафедрой гражданского права
Кубанского государственного аграрного университета
имени И. Т. Трубилина,
доктор юридических наук, профессор*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw.journal@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- индекс ББК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследования), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

- не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее десяти источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в сноску), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12, одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

С уважением, редакция журнала!

Отпечатано в типографии ИП Купреев В.В.
353240, ст. Северская,
ул. Чехова, 18а.
Тел./факс 8(86166) 2-14-63.

E-mail: prhouse2016@mail.ru

